ЖИЗНЬ

АРТЕМІЯ АРАРАТСКАГО

УРОЖЕНЦА СЕЛЕНІЯ ВАГАРШАПАТЪ

близь горы

АРАРАТА,

и приключенія, случившіяся съ нимъ отъ младенчества до совершенныхъ лѣтъ; удаленіе его отъ своего Отечества въ Грузію; оттуда въ Россію, потомъ въ Персію и на конецъ возвращеніе обратно въ Россію чрезъ Каспійское море, съ описаніемъ многихъ любопытныхъ предмѣтовъ, находящихся въ его сторонѣ и прочихъ мѣстахъ Персіи, съ приложеніемъ шести гравированныхъ эстамповъ изображающихъ виды городовъ Персидскихъ.

Писанныя и переведенныя имъ самимъ

Съ Армянскаго на Россійскій.

Часть вторая.

Санктпетербургъ,

Въ типографіи Іос. Іоаннесова, 1813 года.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были: одинъ экземпляръ для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюля 26 дня, 1813 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кав. Ив. Тиликовскій.

Сат: Сатуръ. Г. Сергѣевымъ 1796 года

Гр. Петровъ

Видъ Города ТИФЛИСА при рѣкѣ Куры

Զեւ քաղաքին ԹԻՖԼԻԶՈՒ որ առ Կուր գետովն:

Արդեամբ իմով իլոյս ածի. Յարտի Վաղիշպացի: Ս: Պ: Ռ. 1812.

ЖИЗНЬ и ПРИКЛЮЧЕНІЕ

Артемія Араратскаго.

Я присталъ въ домѣ моего хозяина, или попечителя. Несмотря на изнуреніе отъ дороги, а болѣе отъ встрѣчавшихся опасностей, я торопился удовлетворить моему любопытству, и какъ только наступило утро, пошелъ осмотрѣть городъ. Во время прогулки моей и по возвращеніи въ домъ, мѣчталъ я обудущемъ благополучіи, которое надѣялся снискать въ Тифлисѣ; а тамъ, — смотря по обстоятельствамъ,— по улучшеніи моего положенія, слѣдовать далѣе, — въ Россію. — Весьма хорошее состояніе города и жителей, показавшееся мнѣ благоденственнымъ, были убѣдительною причиною къ таковымъ предположеніямъ;— но мѣчтанія мои продолжались только нѣсколько часовъ.

Въ сіе самое время племянникъ Ганджинскаго Джаватъ - Хана, Раимъ - Ханъ, просилъ отъ Грузинскаго Царя Ираклія помощи отнять у дяди его несправедливо завладѣнное имъ, послѣ отца его, владѣніе. Для сего набирались охотники. Имъ каждому давали 30 руб. и три куска матеріи на халаты. Таковыхъ охотниковъ было уже въ зборѣ до четырехъ сотъ человѣкъ и они стояли въ Сейдабатѣ, (: спѣшное мѣсто :) гдѣ находятся загородные Тифлискіе сады. — Охотники сіи отъ праздности, воожиданіи большаго накопленія ополченія ихъ, занимались пьянствомъ, веселились и дѣлали нѣкоторыя глупости. При нихъ находилось нѣсколько орудій. Такъ какъ Тифлисцы большею частію самохвалы, то просихъ людей, всѣ въ одинъ голосъ уверяли, что они не токмо возьмутъ Ганджу, но достанется отъ нихъ и всей Персіи. На другой день хозяинъ мой, чтобъ безъ всякихъ хлопотъ остаться обладателемъ тридцати рублей, данныхъ ему за доставленіе меня въ Россію, равнымъ образомъ и другіе, совѣто-

вали мнѣ вступить въ общество храбрыхъ охотниковъ, имѣющихъ завоевать Ганджу и Персію; но я отказался рѣшительно отъ предложенной мнѣ чести быть побѣдителемъ и не завидовалъ будущимъ ихъ добычамъ, на передъ уже ими раздѣленнымъ. Между тѣмъ караванъ нашъ все еще не приходилъ; почему хозяинъ, на другое утро, послалъ меня встрѣтить его керегдаровъ (: т. е. извощиковъ, кои на своихъ лошадяхъ возятъ купеческіе товары :) и сказать имъ, чтобъ они вошли въ городъ въ самую полночь, т. е. потаенно, дабы не заплатить въ казну пошлинъ. Мнѣ надлежало идти къ караванну по Сейдобашской дорогѣ мимо Керцаниса, по берегу рѣки Куры. Такъ какъ я былъ въ Персидскомъ костюмѣ, то означенные охотники, будучи всѣ пьяны, остановивъ меня спрашивали по Персидски, кто я таковъ? Я отвѣчалъ имъ, что Ериванской жипель; пріѣхалъ въ Тифлисъ вечеромъ третьяго дня съ такимъ то человѣкомъ; но они сочли меня за Персидскаго шпіона и безъ дальныхъ распросовъ

потащили весьма небережно къ пушкѣ.— Съ начала я думалъ, что они шутятъ; но на прошивъ, безъ всякихъ шуткокъ привязали меня къ пушкѣ и начали бить послѣдкамъ, вынуждая чтобъ я сказалъ имъ правду. Я увѣрялъ ихъ, что ни въ чемъ не солгалъ и просилъ, чтобы они послали выправиться; но они не внимали ни чему. Къ щастію моему, весьма близко сего мѣсша былъ садъ Грузинскаго Католикоса, смѣжной съ садомъ моего хозяина. Садовникъ увидѣвъ вокругъ меня собравшуюся толпу, и слыша вопли по любопытствовалъ узнать тому причину. Онъ меня уже видѣлъ у моего хозяина на канунѣ, и какъ служитель первенствующей особы значилъ очень много, то закричалъ бѣшенымъ рыцаремъ: что вы дѣлаете бѣшеныя пьяницы, и за что хотите убить етаго бѣднаго человѣка. Они съ буйствомъ кричали, что я шпіонъ и нехотѣли ни чему вѣрить; но онъ на конецъ вырвалъ меня изъ рукъ ихъ силою. Ноги мои, битыя и прежде столько уже разъ, были и теперь избиты такъ, что

кожа съ елѣдковъ почти вся слѣзла и я не могъ на нихъ ступить. Садовникъ посадилъ меня на своего осла и привезъ въ домъ. Отъ сихъ побой я былъ боленъ трои сутки очень трудно, и около двенадцати дней со всѣмъ не могъ ступить на ноги. —

Царь Ираклій обѣщая помогать Раимъ Хану противъ его дяди, и взявъ безъ сомнѣнія на передъ хорошую за то плату, что конечно и необходимо, требовалъ самъ помощи отъ Имеретинскаго Царя, послучаю приближенія къ Тифлису Ага-Магомета - Хана Персидскаго, который находился уже въ Шуши. Обѣщанное отъ Имеретинскаго Царя войско приближилось уже къ городу и ему готовилась встрѣча. Домашніе моего хозяина предложили мнѣ, не хочу ли я видѣть сію церемонію? и какъ я дѣйствительно могъ уже выходить, то для прогулки пошелъ за Тапитагскія ворота, взошелъ на одинъ высокой холмъ и сидя тамъ, спокойно разсматривалъ сіе произшествіе; а съ

пѣмъ вмѣстѣ и тотъ обманъ, которой употребилъ начальникъ сего войска, разсыпавъ его по всей степи маленькими отрядами, дабы показать чрезъ то, сколько можно, большее число людей; въ самомъ же дѣлѣ сомнительно было, чтобъ и до 2000 человѣкъ могло ихъ набраться. Царь встрѣтилъ ихъ съ радостію и великимъ торжествомъ, которое заключалось въ нѣсколькихъ выстрѣлахъ изъ пушекъ и ружей. Воинство сіе разставлено было такъ же въ Керцанисѣ. А какъ у тамошнихъ народовъ нѣтъ обыкновенія запасать впередъ для войска хлѣба и другихъ не обходимыхъ для продовольствія ихъ потребностей, то пропитаніе новопришедшихъ людей получаемо было отъ обывателей сборомъ, съ каждаго дома по нѣскольку хлѣбовъ, вина и прочаго. Я однакожъ недумаю, чтобъ сіе было слишкомъ отяготительно для жителей; ибо тогда, послучаю вышесказанныхъ грабительствъ, въ Тифлисѣ была такая во всемъ дешевизна, какой, какъ говорили тамошніе обыватели, ни когда не бывало.

Имеретинцы и Тифлизскіе охотники, столько довольствовались виномъ, что даже умывались имъ вмѣсто воды. Обыватели тѣмъ охотнѣе готовы были дѣлать для нихъ сіе пожертвованіе, что при пособіи ихъ, какъ отборнѣйшихъ воиновъ, полагая ихъ числомъ до 8000 человѣкъ, были напередъ совершенно увѣрены въ превосходствѣ силъ своихъ противъ непріятельскихъ, слѣдовательно и въ своихъ отъ того успѣхахъ, такъ, что многіе съ восторгомъ кричали: пустька покажется теперь Ага-Магометъ—Ханъ! Кто можетъ стоять противу насъ! и прочее. Таковые восклицанія излишней надѣянности, я принималъ не болѣе, какъ за дѣйствіемъ воспаленнаго воображенія, и судя по всѣмъ обстоятельствамъ, полагалъ вѣрнѣе что они проиграютъ и Тифлисъ будетъ взятъ не премѣнно, а потому рѣшился за благовременно искать безопаснаго убѣжища, недожидаясь нашествія Шахова и предположенной надъ нимъ побѣды. Мнѣ желательно было имѣть въ семъ случаѣ товарища, и надѣ-

ялся найти онаго въ одномъ Ериванекомъ жителѣ, изъ деревни Норки, хорошей фамиліи, съ которымъ я не задолго предъ тѣмъ имѣлъ случай въ Тифлисѣ познакомиться. Я тотчасъ сдѣлалъ ему мое предложеніе, изъяснивъ напередъ мои опасенія, убѣждающія удалится изъ Тифлиса непременно. Но сей чудакъ отвѣчалъ мнѣ„ что хотя Персіанѣ въ сраженіи на падаютъ какъ львы, но весь успѣхъ полагаютъ только на перьвую удачу; а въ противномъ случаѣ тотчасъ обращаются въ бѣгъ. Ты видишъ, продолжалъ онъ, что городъ крѣпокъ, а жители всѣ герои; сверьхъ того изъ каждой удѣльной области Грузинскіе Цесаревича пришлютъ по 10000 воиновъ. — Ериванской Ханъ уже противится Шаху съ надеждою на сію помощь, и нѣтъ ни какого сомнѣнія что мы истребимъ все Персидское войско и завладѣемъ его имуществомъ; въ городѣ будетъ тогда хорошо и все дешево; я не одинъ разъ былъ въ сраженіи и сужу такимъ образомъ по опыту, а ты еще молодъ и ни чего неразумѣешъ.„ Послѣ та-

кихъ убѣдительныхъ и важныхъ предста-
вленій, прудъ мой былъ бы на прасный,
чтобъ вывести его изъ столь пріятныхъ
мечтаній.—

Оставшись при своемъ намѣреніи, я
зналъ что хозяинъ мой, привезенный имъ
изъ Тавреза товаръ, долженъ весни въ
Догистанъ (*); и продать оный въ первомъ
пограничномъ съ Грузіею городѣ Балаканѣ,
а тамъ купить шелку и съ онымъ от-
правится чрезъ городъ Андрѣевъ въ Киз-
ляръ, отдуда же въ Астрахань; по чему я
и имѣлъ вѣрную надежду добраться до
Россіи, куда онъ взялся меня доставить.
Какъ скоро дошелъ слухъ, что Шахъ,
минуя Область Шуши, вступилъ уже въ
Ганджу и все на пути противо бор-ству-
ющее ему покоряетъ и предаетъ огню и
мечу, то хозяинъ мой поторопился со-
браться въ дорогу, и распрощавшись съ
своимъ семействомъ выѣхалъ со мною изъ
Тифлиса въ послѣднихъ числахъ Августа

(*) Такъ называется все пространство обитаемое Лезги-
цами въ Кавказкихъ горахъ. —

1794 года боздо вечеромъ, чтобъ не заплатить пошлинъ какъ и при въѣздѣ. За полночь доѣхали мы до деревни Лило, гдѣ Грузины въ давнихъ годахъ поселили нѣсколько Осѣтинцовъ, выведенныхъ ими изъ горъ. (* Жители сіи сочли насъ, потогдашнимъ обстоятельствамъ, за разбойниковъ, и кричавши намъ чтобъ мы не приближались, наконецъ стали по насъ стрѣлять и убили подъ нами одну лошадь, мы такъ же крикомъ объявляли о себѣ, что ѣдимъ изъ Тифлиса съ товарами въ Сигнахъ, и упрашивая не стрѣлять по насъ, клялись, что объявляли о себѣ справедливо. Послѣ сего, судя поклятвѣ нашей, хотя и перестали дѣйствовать противу насъ, какъ разбойниковъ, но приказали, чтобъ мы не трогались съ мѣста и не преждѣ пропустили, какъ уже на разсвѣтѣ.—

Отъ Лило до города Сигнахъ, слѣдуя мимо пустой деревни Мартгопа, коей жи-

(* Переселеніе сіе Осетинцовъ, и приведеніе ихъ въ Христіянскую вѣру, было насильное, а потому они весьма худые христіане, да и то по одной только наружности.

тели разбѣжались тогда отъ разбойни-
ковъ, были мы въ дорогѣ трои сутки, не
вспрѣтивъ болѣе ни какого жилища. Мѣ-
ста сіи суть самыя опаснѣйшія и потому
каждый шагъ нашъ сопровождаемъ былъ
страхомъ. Увидѣвъ въ дали Холмъ, или
какое нибудь дерево, всегда приходили
мы въ трѣпетъ, думая тутъ встрѣтить-
ся съ Лезгинцами, или иными хищниками;
однакожъ прибыли въ Сигнахъ благопо-
лучно. Городъ сей, пограничный съ Даги-
станомъ, стоитъ на горѣ; имѣетъ много
виноградныхъ садовъ и плодоносныхъ де-
ревьевъ, а особливо винныхъ ягодъ, и про-
изводитъ хорошее вино. Въ немъ нахо-
дится одинъ большой Грузинскій Мона-
стырь Св. Великомученицы Ноны, госпи-
ной дворъ и крѣпость.

До пріѣзда моего въ Сигнахъ, въ тоже
лѣто, намѣстникъ онаго Монастыря, былъ
изрубленъ въ куски Лезгинцами отъ из-
мѣны Грузинъ, послѣдующему обстоятель-
ству: на полевыя работы выходятъ тамъ
обыкновенно партіями и съ оружіемъ.

Однажды намѣстникъ пошелъ на Монастырское поле, лѣжащее верстахъ въ пятнадцати отъ Монастыря, при рѣкѣ Алазанъ, или Ганахъ, съ 20 работниками изъ Грузинъ и обязалъ ихъ формальною присягою, чтобъ при нападеніи разбойниковъ небѣжать; но защищаться отъ нихъ до послѣдняго человѣка. Но работники какъ скоро завидѣли скачущихъ къ нимъ Лезгинцовъ, то и ударились въ бѣгство, измѣнивъ клятвѣ и Епископу. Сей же на противъ того, увидя предательство ихъ, ни мало не поколебался, и пока Лезгинцы до него достигли, онъ стрѣлялъ въ нихъ изъ ружей; убилъ четырехъ человѣкъ; потомъ рубился саблею и на конецъ былъ самъ ими изрубленъ. Лезгинцы узнавъ послѣ объ его достоинствѣ, весьма сожалѣли, что неплѣнили его живаго, и потеряли чрезъ то случай достать за выкупъ его знатную сумму.

Въ Сигнахѣ находился тогда полновластнымъ старшій изъ Царевичей и наслѣдникъ Ираклія. Ираклій видя прибли-

жающуюся отъ Магометъ Хана опасность, не однократно, не повелѣвалъ, но убѣдительно просилъ его, какъ и прочихъ Царевичей, поспѣшить прислать ему на помощь войска нѣсколько тысячь человѣкъ. Сигнахскій Царевичь не одинъ разъ собиралъ просимое отцомъ его вспоможеніе и выпровождалъ ихъ изъ города, но подданные его были столько упрямы, что возвращались окружными дарогами назадъ и расходились опять по домамъ, ибо они мыслили не столько о защите Отечества сколько о томъ, чтобъ успѣть собрать съ полей хлѣбъ, сдѣлать вино и тѣмъ доставить семѣйствамъ своимъ пропитаніе. Таковое ослушаніе оказали они и въ бытность мою въ Сигнахѣ, и тогда, когда Шахъ уже пришелъ подъ самый Тифлисъ.

Такъ какъ хозяинъ мой оставался въ Сигнахѣ ожидаль прибытія туда изъ Дагистана какого нибудь значительнаго изъ Лезгинцовъ человѣка, чтобы съ товарами своими слѣдовать въ ихъ предѣлы, за его поручительствомъ, или подъ его опекою,

какъ всегда и всѣ въ подобныхъ случаяхъ дѣлаютъ, то я имѣлъ довольно времени, кое что тамъ посмотрѣть и по бывать въ находящейся тамъ Армянской церькви. 8 числа Сентября въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, пришедъ въ оную Церковь, во время отправленія утреннѣй молитвы, я старался замѣтить: хорошоли здѣсь знаютъ Священники уставъ и порядокъ Церковнаго служенія и крайне удивился съ перваго раза тому, что они отправляли обыкновенную будничную службу. Здѣшніе Армяне большею частію со всемъ незнаютъ по Армянски, а говорятъ по Грузински; однако спрашивая, того по другаго, нашелъ я нѣкоторыхъ, съ коими могъ говорить по Армянски, и сказавъ имъ, что сего числа праздникъ Рождества Богородицы, сдѣлалъ вопросъ, почему Священники ихъ не отправляютъ надлежащей по уставу службы. Они съ начала другъ съ другомъ перешептывались, потомъ многіе закричали, пребуя свящцовъ, и увидѣли, что я говорилъ правду. Сіе подало имъ поводъ возроп-

мать на Священниковъ, за незнаніе ими своей должности, и они принуждены были начать службу съ нова. Само собою разумѣется, что меня при семъ случаѣ замѣтили весьма выгоднымъ образомъ. Въ церквѣ находился тогда тамошній Докторъ изъ Армянъ, по имяни Матеосъ, переселившійся въ Сигнахъ изъ Турецкихъ владѣній и бывшій у Сигнахскихъ жителей въ великомъ уваженіи. Онъ подошедъ ко мнѣ, съ видомъ благосклоннаго вниманія, спросилъ о моемъ состояніи: откуда, съ кѣмъ и когда пріѣхалъ я въ Сигнахъ,? Потомъ приказалъ мнѣ придти къ нему въ домъ съ моимъ хозяиномъ, объявя, что онъ очень меня полюбилъ и хочетъ сдѣлать мнѣ добро. Докторъ сей былъ человѣкъ съ истинными достоинствами, опытный и богатый. Онъ на собственномъ иждивеніи строилъ тогда въ помянутой крѣпости большую каменную Церковь, во имя С. великомученика и побѣдоносца Георгія. Я пришелъ къ нему послѣ обѣдни. Поговоривъ съ хозяиномъ онъ просилъ его оставить меня у

него, обѣщаясь дать ему для услуги, вмѣсто меня, своего человѣка, который знаетъ всѣ тамошнія мѣста, и потому въ вояжѣ его еще болѣе будетъ ему полезенъ, нежели я. Докторъ тутъ же объявилъ моему хозяину, что онъ выдастъ за меня свою дочь, которой было тогда только дѣсять лѣтъ; дастъ за нею въ приданое 2000 руб. серебромъ, сдѣлаетъ меня своимъ сыномъ, и когда отстроится въ крѣпости церковъ, изходатайствуетъ мнѣ священническій чинъ и опредѣлитъ къ оной церквѣ, присовокупивъ къ сему, что при обратномъ возвращеніи его въ Сигнахъ, поѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Тифлисъ и у проситъ Царя Ираклія и Епископа подписать мое усыновленіе съ тѣмъ, что бы я былъ старшій въ его семѣйствѣ, а по смерти его, отцомъ и попечителемъ малолѣтнаго его сына. Столь не ожиданное и чрезвычайное благополучіе привело меня почти въ изумленіе, и я съ равною тому признательностію изъявилъ новому своему благодѣтелю благодарность въ чувствительнѣйшихъ выра-

женіяхъ, обѣщавъ стараться всѣми силами заслуживать его милости, и оправдываютъ оныя моимъ поведеніемъ. По сему, безъ дальныхъ сборовъ, я тогда же перешелъ къ нему въ домъ и остался въ немъ; а бывшій мой хозяинъ, нашедъ надежнаго проводника, отъправился на утро въ свой путь съ даннымъ ему вмѣсто меня человѣкомъ. Докторъ назвалъ меня хозяиномъ въ домѣ и поручил за всем смотрѣть. Онъ, какъчеловѣкъ богатый, довольствовалъ сказаннаго Царевича своимъ столомъ. Съ слѣдующаго дня надлежало мнѣ ходить съ людьми его, носившими къ Царевичу кушенье, и смотрѣть заними, чтобъ недѣлали какихъ либо шалостей.—

Царевичу на другой день понесли къ огромное блюдо плову и изряднаго барашка, начиненнаго пряными кореньями и рубленнымъ мясомъ, съ разными приправами, что можетъ назваться весьма нарядным столомъ на вкусъ Азіатской Тутъ, въ перьвой еще разъ, случилось мнѣ увидѣть сего Царевича. Онъ по Азі-

атскому обычаю сидѣлъ на полу на коврѣ; и однимъ тѣмъ былъ уже примѣтенъ, что я невидывалъ никогда никого, кто бы могъ поравняпся вь тучноспи съ нимъ. На ужинъ, хотя принесли ему такую же порцію; но онъ къ чрезвычайному моему удивленію замѣтилъ мнѣ недосшатокъ въ присылаемомъ ему продовольствіи и велѣлъ попѣнять за сіе Докшору, моему хозяину. Таковое, почти ежедневное угощеніе, безъ сомнѣнія споило изрядныхъ издержекъ, особливо въ годовой сложноспи.

Царевичь жилъ на большой горѣ въ домѣ Мауравa, или намѣсника Царскаго, коего тогда тамъ не было. Свита его состояла неболѣе какъ изъ четырехъ, или пяти человѣкъ, трехъ лошаковъ и одной лошади. На другой день онъ былъ спо-ломъ доволенъ и потому весьма веселъ. Тутъ спросилъ онъ у меня:„ кто я и от-куда? и когда я отвѣчалъ, что изъ такого то мѣста, то сдѣлалъ мнѣ новый вопросъ: знаю ли я своего Кафоликоса Луку? — Знаю Г. Царевичь! — Ну такъ онъ со всемъ

безумной человѣкъ!— А почему вы изволите такимъ его признавать? Потому что онъ далъ Шаху 100000 руб. (: въ самомъ дѣлѣ Патріархъ по прозьбѣ Шаха, далъ ему означенную сумму на военныя издержки съ тѣмъ, что, какъ Шахъ писалъ къ нему, онъ избавитъ и себя и его отъ непріятелей :), а естьли бы онъ далъ намъ сію сумму, продолжалъ Царевичь, то бы мы лучше его защитили.„ Шахъ почиталъ непріятелями Патріарху Грузинъ, а Грузины Шаха. Послѣ сего я, по простотѣ моей, осмѣлился его спросить: Г. Царевичь! какого закону Персіанѣ? — Какъ! не ужели ты не знаешь? Они Магометане.„ А вы Г. Царевичь, какого?— На сей вопросъ отвѣчалъ онъ мнѣ, съ нѣкоторою досадою, слѣдующее: „ ты, кажется, въ совершенныхъ лѣтахъ, а такой дуракъ: не знаешъ и того, что мы закону Греческой Церкви!„ Персіане Магометанцы, требовали отъ насъ денегъ; а вы Христіане требуете тогоже: такъ какая же тутъ разница между вами и ими „? Правда," я былъ столько простъ и глупъ,

что даже не припомнилъ наставленія моего учителя и дѣлалъ вопросы съ намѣреніемъ, показать предъ Царевичемъ мое остроуміе и въ той надеждѣ, что онъ меня за то похвалитъ, не подумавъ того, что не примѣтся ли сіе со всѣмъ противнымъ образомъ. Царевичь за молчалъ и казался не понявшимъ моихъ словъ; но минуты черезъ двѣ обнаружилось его не удовольствіе, такъ сильно, что онъ велѣлъ меня выпащить, бить и отвести въ тюрму. Трое людей его, схвативъ меня за волосы и тащивъ до Тюрмы волокомъ, били безъ всякой пощаты палкою и кулаками. Сей урокъ весьма убѣдительно удостовѣрилъ меня въ истиннѣ моральныхъ наставленій добраго моего учителя, чтобъ не говорить ни чего не обдумавши.

Докторъ узнавши о семъ, пошелъ на другой день къ Царевичу и просилъ его, чтобъ приказалъ меня выпустить. Онъ не могъ въ прозьбѣ Доктора отказать по тому, что сей переставалъ бы давать ему кушанье, и такъ привели меня въ домъ.

Хозяинъ, для излѣченія избитаго моего тѣла и подкрѣпленія силъ, употребилъ по своему искуству весьма дѣйспвитель-ныя средства. Сіе приключеніе сомною было 11 го Сентября. Въ тотъ же день вечеромъ пришла въ Сигнахъ вѣсшь, что Грузины имѣли съ Шаховыми войсками сраженіе, одержали надъ ними верьхъ и что предводипшельспвовавшій ими Меликъ, изъ Армянъ Карабахскихъ, Меджлумъ, убитъ на мѣстѣ. Меликъ сей перешелъ къ Шаху и убопгребилъ себя пропивъ Царя Ираклія въ опмщеніе за то, что братъ его, обольщенный ложнымъ покро-вительспвомъ Грузинъ, удалился на ихъ спѣпи и погибъ тамъ точно такимъ же образомъ, какъ и все прочіе. И такъ по сему случаю, 12 числа, сдѣлано было тор-жество, которое состояло въ томъ, что Царевичь и народъ, собравшись на лугъ, стрѣляли изъ находившихся тамъ четы-рехъ пушекъ, пили много новаго вина, дѣ-лали радостныя восклицанія и опредѣляли погибель Шаха. Не смотря на мое не здоровье, не приминулъ и я хотя чрезъ

силу выдти и посмотрѣть на сіе тор-
жество, чтобъ быть очевиднымъ свидѣ-
телемъ радости народной; но держась на-
ставленій моего учителя, и не давняго
урока, Царевичемъ мнѣ даннаго, былъ уже
скромнѣе и осторожнѣе. О не основа-
тельности праздника сего, я судилъ уже
только про себя, не смѣя и видомъ обна-
руживать своихъ мыслей. 13е число
прошло такъ же въ увесѣленіи; но 14го,
около полудня, вдругъ начали прибѣгать
въ Сигнахъ Тифлискіе жители, покрытыя
ранами, и возвѣстили что Тифлисъ взятъ
Шахомъ 12 числа, т: е: въ тотъ самый
день, какъ Царевичь съ жителями тор-
жествовалъ убитіе Меджлума и побѣду
надъ Персіанами; что жители, оставшія-
ся въ живыхъ, разбѣжались; самъ Царь
скрылся не извѣстно куда и что Шахъ
придетъ и въ Сигнахъ. Вѣсть сія про-
извела въ Сигнахѣ страхъ и опасность,
такъ, что одному нельзя было за городъ
сдѣлать и двухъ Шаговъ: ибо нѣкоторыя
изъ жителей, вмѣсто того, чтобъ едино-
душно думать о мѣрахъ къ общему спа-

сенію, начали разбойничать, грабить и другъ друга убивать, какъ почти всегда водится въ подобныхъ случаяхъ во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ. Царевичь, послѣ двухъ дневной радости, вдругъ пораженный столь не ожидаемымъ, и совершенно противнымъ событіемъ, придумалъ къ личному своему спасенію, самое надежнѣйшее средство — бѣжать.

Ехтанки его (: сундуки :) уже были навьючены на лошакахъ; но народъ, какъ скоро увидѣлъ сіе: то собравшись толпами около дома, кричали ему, что они его не выпустятъ; и между прочимъ укоряли, что онъ умѣлъ быками ихъ, баранами и воиномъ довольствоваться, а какъ пришла опасность: то хочетъ ихъ бросить. Такъ нѣтъ же, повторяли всѣ въ одинъ голосъ; теперь мы тебя не выпустимъ; умирай вмѣстѣ съ нами; когда будутъ рубить наши головы, то пусть срубятъ и тебѣ! Царевичь обратился къ нимъ съ убѣдительнѣйшею прозьбою, чтобъ они его отпустили; но нечувствительныя и упрямые Сигнахцы не внимали

его моленіямъ и на конецъ приставилик ъ нему караулъ. Ему оставалось одно средство: подкупить караульныхъ, въ чемъ и успѣлъ; по неиначе какъ простившись со всемъ своимъ имуществомъ, какое только имѣлъ, и въ одномъ кафтанѣ скрылся въ Телафъ, что въ Кахетіи.

Купецъ, взявшійся доставить меня въ Россію, чрезъ нѣсколько дней возвратился въ Сигнахъ и увѣдомилъ насъ, что взятіе Тифлиса дошло и до Лезгинцовъ, которыя такъ же стали укрѣплять оборонительныя свои мѣста, страшась нашествія Шахова. Сей купецъ заѣхалъ въ Сигнахъ по неволѣ; онъ хотѣлъ проѣхать на Тѣлафъ, нежелая возвратишь мнѣ 30 руб. кои я у него имѣлъ право потребовать; но въ одномъ мѣстѣ, подъ горою близь Сигнаха, былъ ограбленъ Грузинами. Хозяинъ мой принялъ его по мнѣ въ своемъ домѣ. Въ ето же время, по рекомендаціи Доктора, потребовали меня для перевода допросовъ одному пойманному Персидскому шпіону. Въ семъ мнимомъ истонѣ, призналъ я Ериванскаго жителя,

сына одного тамошняго кузнеца, прихо-
дившаго не однократно въ бытность мою
у Карапета, въ Георгіевской Монастырь
къ обѣдни. Переходя изъ одного мѣста
въ другое, и на послѣдокъ бѣжавши изъ
Грузіи отъ страха военнаго, пойманъ въ
Сигнахѣ за шпіона, бывъ при томъ из-
битъ и израненъ. Я тронулся его поло-
женіемъ столько, что не могъ удержать
слезъ и бросился ему на шею. Чтобы
спасти его отъ дальнѣйшихъ изтязаній,
увѣрялъ тамошнихъ людей, что онъ сынъ
одного изъ Ериванскихъ Князей, человѣкъ
весьма хорошій и пришелъ въ Сигнахъ
для спасенія себя отъ Персіанъ. Я тутъ
же просилъ Доктора убѣдительно, чтобъ
онъ взялъ его къ себѣ въ домъ и оказалъ
бы ему нужную помощь. Докторъ удов-
летворяя моей прозьбѣ, уговарилъ пер-
ваго тамошняго старшину, оставить
Ериванца въ покоѣ и непричинять ему
болѣе оскорбленій. Дабы подкрѣпить мою
объ немъ рекомендацію, я старался ока-
зывать ему всевозможное уваженіе, и
даже раболѣпствовалъ. Докторъ, видя

таковые добрые мои поступки, вздумалъ полюбопытствовать Ериванца обомнѣ и спросилъ его: какихъ я родителей, какого состоянія, какъ жилъ въ своемъ мѣстѣ и прочее, увѣдомивъ при томъ его обовсемъ, что намѣренъ мнѣ сдѣлать. Ериванецъ знавшій и безъ того, что Докторъ расположенъ отдать за меня свою дочь и поставить у себя надъ всемъ полнымъ хозяиномъ, позавидовалъ моему щастію, и за мое благодѣяніе отплатилъ тѣмъ, что незнавши подлинно изъ какого я состоянія, на сказалъ Доктору, что я сынъ самаго послѣдняго деревенскаго мужика, и надѣлавши тамъ много шалостей, наконецъ бѣжалъ, присовокупивъ къ тому, что онъ очень сожалѣетъ объ оказываемыхъ имъ мнѣ великихъ милостяхъ, и что располагаясь отдать свою дочь за такого недостойнаго человѣка какъ я, приготовляетъ ей совершенное нещастіе. Изъ сей рекомендаціи Докторъ тотъ часъ замѣтилъ въ Ериванцѣ человѣка злобнаго и неблагодарнаго. Пришедъ ко мнѣ, съ начала весьма осторожно, пребовалъ ска-

зать ему про него правду, изъ какого подлинно онъ состоянія; и когда я сталъ подтверждать ему то, что говорилъ прежде, тогда онъ съ гнѣвомъ уже началъ укорять меня во лжи, и сказалъ все, что говорилъ обомнѣ Ериванецъ. Я, продолжалъ онъ, полюбилъ тебя и взялъ за сына, собственно по тебѣ самомъ, и мнѣ нѣтъ нужды, изъ какого бы ты состоянія нибылъ: это для меня все равно; но сей человѣкъ, естьли бы онъ и дѣйствительно былъ благороднаго произхожденія, столько взысканъ благодѣяніемъ твоимъ, что не смѣлъ бы уже злословить тебя, и изъ одной зависти стараться отклонять меня отъ того, что я намѣренъ съ тобою сдѣлать.— Послѣ таковыхъ замѣчаній опять принуждалъ меня сказать объ немъ правду; но я стыдился уже открыть то изъ отмщенія, чего не хотѣлъ говорить подоброй волѣ и подтвердилъ, что Ериванецъ точно сынъ Князя, а я, какъ уже ему извѣстно деревенской житель, и бѣдныхъ родителей; но только не послѣдняго мужика. За всѣмъ тѣмъ Докторъ не вѣрилъ бла-

городству сего Ериванца и повидимому проникнувь побудительную причину, по коей я подтверждалъ объ немъ мое свидѣтельство, изъ одного уже человѣчества не выгналъ его изъ дома: ибо послѣ сего онъ не премѣнно былъ бы убитъ. Въ слѣдъ за симъ и другой гость, помянутый купецъ, здѣлалъ со мною еще большее, или лутче сказать, настоящее злодѣяніе. Онъ торопился уѣхать въ Тифлисъ, чтобъ узнать о судьбѣ оставшагося тамъ семейства своего, и въ небытность мою дома, распрощавшись съ хозяиномъ, съ ѣхалъ со двора. При немъ ничего не было, кромѣ одной верховой лошади, на которой ѣхалъ, да другой весьма худой, сопровождаемой его работникомъ, и навьюченной Сигнагскими орѣхами, пудъ до восьми. Но я, возвращаясь домой, встрѣтился съ нимъ и требовалъ моихъ денегъ; въ противномъ же случаѣ хотѣлъ его остановить. Не имѣя расположенія расплатиться со мною, онъ наговорилъ мнѣ, что я ошибаюсь въ моихъ надеждахъ, и сдѣлаю глупость, есть-

ли останусь у Матеоса, потому, что онъ будто бы высмотрѣвши мои недостатки, находитъ меня теперь не достойнымъ того, чтобъ усыновить и отдать за меня свою дочь, но что напротивъ того, думаетъ сдѣлать благодѣяніе одной своей служанкѣ, женивъ меня на ней, и вмѣсто Священника, опредѣлить къ Церкви сторожемъ. Говоря сіе, онъ продолжалъ ѣхать къ своимъ товарищамъ, или по пупчикамъ, коихъ было всего шесть человѣкъ. Не имѣя времяни обдумать сего, и непредполагая въ славахъ купца ни какого коварства, я отвѣчалъ ему, что послѣ сего не останусь у Доктора ни одного часа, и просилъ чтобъ меня обождать, пока я распрощусь съ нимъ. Вошедъ къ Матеосу, и безъ всякихъ околичностей сказавъ, что ѣду, благодарилъ его за неоставленіе меня и за всѣ милости, какія онъ мнѣ оказалъ. Докторъ и жена его изумлись толь скорому во мнѣ перевороту и почти со слезами просили меня открыть имъ причину, по которой я рѣшился, такъ не ожидаемо и вдругъ ос-

тавить ихъ, представляя, сколько много они меня любятъ, и что на мнѣ основывали всю надежду благополучія своего семѣйства и свою радость. Я боялся объясняться, чтобъ не упустить время и купца, такъ какъ мнѣ нельзя бы было одному выйти изъ Сигнаха; считалъ слова ихъ уже лестію и для того отвѣчалъ имъ, что я послѣ чрезъ письмо увѣдомлю ихъ обо всѣмъ. Докторъ на сіе сказалъ мнѣ:, ну, другъ мой! небудешь ли послѣ сожалѣть, что оставилъ насъ и свое счастіе?.... Можетъ быть и вы Гнъ. Матеосъ, сказалъ я, будете сожалѣть обо мнѣ еще болѣе, — и съ тѣмъ вышелъ. Купецъ съ своими товарищами уже поднялся въ дальнѣйшій путь, и я могъ догнать ихъ только по тому, что худая лошадь съ орехами, едва тащила ноги. Онъ принялъ меня не очень милостиво и съ грубостію велѣлъ слѣдовать за его работникомъ. Опасаясь встрѣтится съ разбойниками и торопясь ѣхали они предъ нами впередъ, но безсильная лошадь принуждала ихъ по часту останавливаться.

Купецъ будучи озлобленъ мною, за требованіе денегъ, билъ меня, и невиннаго работника своего, саблею безъ милосердія за то, что нейдетъ его лошадь. Жестокость свою оказалъ онъ надъ ними болѣе десяти разъ, какъ на конецъ взошли мы на одинъ высокой холмъ, близъ Мартеопа и завидѣли нѣсколько человѣкъ вѣрхами. По тогдашнему времени нельзя было не заключить, что это были разбойники. Хозяинъ мой съ товарищами тотъ часъ спустились въ оврагъ и тамъ притаились; а я съ работникомъ описали отъ нихъ сажень на 60, радуясь что лошадь по безъ силію своему стала. Мы старались, чтобъ разбойники насъ замѣтили и пришли спасти отъ тирана.

Я безъ ошибки ожидалъ лучшаго, надѣясь быть проданнымъ въ хорошія руки и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть отмщеніе купцу за злодѣйскіе со мною поступки. Но къ нещастію разбойники насъ не замѣтили, а хозяева понуждали сойти къ нимъ. Они догадавшись о нашемъ намѣреніи, били насъ съ сугубою жестокостію, такъ

что одинъ только страхъ, быть со всемъ убитыми, поднималъ уже наши ноги. Въ деревнѣ Марнгопѣ, которой жители, какъ выше сказано, всѣ разбѣжались, остановились мы провести ночь и на другой день дошли до деревни Лило; но и здѣсь не нашли ни одной живой души, кромѣ мертвыхъ тѣлъ, ибо Персіане доходили и до сего мѣста. Чемъ далѣе шли мы къ Тифлису, тѣмъ болѣе видѣли по всюду убитыхъ. Въ Лило такъ же мы начевали и къ вечеру третьяго дня вошли въ предмѣстіе Алвабаръ, которое Персіанами было все выжено. Предполагали переправится чрезъ рѣку Куръ прямо въ Тифлисъ; но мостъ на оной Персіанами, на возвратномъ пути ихъ, такъ же былъ сожженъ изъ предосторожности, чтобъ не быть превожимыми съ тылу. Почему принуждены были искать мѣста, гдѣ бы остановиться на ночь; но по всему предмѣстію нашли только одинъ домъ, уцѣлевшій отъ общаго пожара. Какъ скоро наступила ночь: то Кахетинцы, искавшіе въ спѣнахъ погорѣлыхъ домовъ ка-

кихъ ни будь имуществъ, пришли и къ нашему ночлегу. Купцы во всю ночь должны были держать себя въ оборонительномъ положеніи. Стоя въ дверяхъ и окнахъ привѣтствовали незванныхъ гостей выстрелами изъ ружей. Однако Кахетинцы удалились не прежде, какъ съ наступленіемъ дня. Былъ ли изъ нихъ кто убитъ или нѣтъ, узнать было не можно: ибо мертвыхъ тѣлъ, какъ во кругъ дома, такъ и по всему предместію валялось множество. Съ вечера помышляя единственно объ отысканіи убѣжища и сохраненіи себя отъ столь вѣроятной опасности быть убитыми, мы не могли заниматься пожаромъ города; но на утро пришедъ къ рѣкѣ, увидѣли, что Тифлисъ почти во всѣхъ мѣстахъ дымился. Незная гдѣ найти переправу чрезъ Куръ, пошли берегомъ на удачу къ рѣкѣ Аракъ, чрезъ деревню Коки, стоящую на берегу прямо противъ Тифлиса; дошли до деревни Гавчала и тутъ принуждены были остановиться, чтобъ накормить лошадей, которыя отъ Лило ни чего неѣли. На слѣ-

дующій день, недалеко отъ рѣки Аракъ, гдѣ она впадаетъ въ Куръ, напали на меня и работника, нѣсколько человѣкъ Кахетинцовъ, и кромѣ ореховъ отняли все, чшо было навьючено на лошади, и имянно: нѣсколько подушекъ весьма невысокой цѣны, мѣдную посуду, Персидскій коверъ и прочія мѣлочи, а въ томъ числѣ и мое платьѣ. Драхлую лошадь такъ же думали увести; но принужденными нашлись бросить, отойдя съ нею нѣсколько саженъ. Между тѣмъ, какъ Кахетинцы производили свою работу, купцы будучи отъ насъ саженяхъ въ 60 ти, кричали намъ, чтобъ мы, не имѣющіе ни какого оружія, голодные и безсильные, защищались отъ нихъ и недавали себя грабить; но сами не смѣли приближиться, имѣя у себя ружья, пистолеты, сабли и порохъ, котораго, на вѣрное можно полагать, небыло у Кахетинцовъ.— Какъ скоро они удалились, тогда хозяева наши, подъѣхавъ къ намъ, и за то, что мы допустили себя ограбить, прибили насъ такъ, что на тѣлѣ нашемъ не осталось ни одного цѣ-

лаго мѣспа; не смопря на по, чпо сами были причиною всему, не давъ намъ помощи. Бросивъ насъ на мѣспѣ, сами уѣхали, переправясь верхами чрезъ Аракъ къ Цехпу, перьвопрестольному Грузинскому Монаспырю.

Въ продолженіе пятидневнаго пупи, опъ Сигнаха до сего мѣспа, я ни чего не ѣлъ, кромѣ орѣховъ: ибо опходя изъ Сигнаха съ поропливостію, я во все не по думалъ о помъ, чпобъ взять на дорогу хотя одинъ хлѣбъ. Будучи избиты и голодны, мы не имѣли силъ подняться съ мѣспа и пробыли тутъ до другаго дня. Купецъ, хозяинъ моего поварища, а мой должникъ, былъ сполько жесток, чпо не оспавилъ намъ ни сколько и орѣховъ, зная чпо на помъ мѣспѣ, для пропипанія нашего, небыло даже ни какой правы. По упру добрѣли мы до берегу; но ни гдѣ не находили мѣспа, гдѣ бы можно было переправиться въ Бродъ. И пакъ принуждены были, упомленные бо лѣзнію и голодомъ, сидѣпь на берегу и дожидаться: не увидимъ ли какого нибудь

бегleца. Около полудни, нашелъ на насъ одинъ Грузинъ. Мы просили его, чтобъ указалъ намъ бродъ; но онъ потребовалъ съ насъ за то платы; а какъ мы ничего не имѣли, то онъ удовольствовался отъ меня худымъ мепкалевымъ кушакомъ, а товарищъ мой отдалъ ему свои башмаки, такъ же почти изношенныя. Рѣку прошли мы держась за его плеча, и гдѣ было выше головы, то мы, по наученію его, прискакивая подвигались впередъ;— и такимъ образомъ перешли съ помощію Божіею на другой бѣрегъ. Домы въ Цхешѣ такъ же всѣ были выжжены, и по всюду валялось множество убитыхъ жителей; а Монашествующіе всѣ разбѣжались. На дворѣ Монастырскомъ встрѣтили мы еще трехъ человѣкъ, которые возвратились сюда изъ бѣгства, для того, чтобъ сыскать себѣ какой ни будь пищи. Обшаривъ всѣ мѣста, не попалось намъ ничего, кромѣ одной, едва бродившей на дворѣ старой свиньи. Ни у одного изъ насъ не было ни какого орудія, чемъ бы ее заколоть. Наконецъ нашли мы изломанной серпъ, а

другіе взяли острые камни; но всѣ пятеро такъ были безсильны, что съ великимъ трудомъ могли сладить съ дряхлою животною, и ее убить. Надобно было идти къ берегу, чтобъ достать хворосту, но никто не смѣлъ туда показаться, опасаясь быть убитыми отъ разбойниковъ; и такъ рѣшились раскласть сухой навозъ и на немъ спрятать жаркое. Кушанье наше только что запѣклось, но впрочемъ было еще сыро и при томъ безъ соли; однако голодъ не разбираетъ ничего, и мы кое какъ напитались. День и наступившую ночь провели въ недостроенномъ домѣ Кафоликоса. Намѣстникъ и Монашествующіе, при побѣгѣ своемъ, Монастырскія сокровища спрятали въ потаенномъ мѣстѣ внутрь стѣны, въ которой отверстіе сдѣлано было къ самомъ верху, и закладывалось такимъ же камнемъ, какъ и прочіе. Но попрятавши сныя, поторопливости, или по простотѣ, оставили у того самаго мѣста лѣстницу; а сіе и подало поводъ догадаться Персіанамъ, что тутъ есть поклажа, которая и похищена ими безъ

остатка. Можно однако думать, что если бы Монашествующіе не оставали своего поста, тогда Персіане, можетъ быть не прикоснулись бы ни къ чему, такъ какъ они изъ спари къ Свяпымъ мѣстамъ всегда имѣюпъ уваженіе.

На другой день рѣшились мы идти въ Тифлисъ, чрезъ Гарпискаръ, несмотря на всю опасность сего мѣспа, гдѣ и въ мирное время, всегда водились разбойники. Дорога сія, отъ Цхета до Тифлиса, идѣтъ иодлѣ самой рѣки Куръ подъ каменнымъ и гористымъ ея берегомъ узинькою пропинкою, такъ, что не болѣе двухъ человѣкъ могутъ идти рядомъ. Подорогѣ вздумалъ я отстать отъ моихъ поварищей, съ тѣмъ, что бы дождаться разбойниковъ, которыя для своей пользы конечно не допустятъ меня умѣреть съ голода, отвезутъ къ себѣ и продадутъ какому нибудь Армянину; а какъ я человѣкъ грамотной, то надѣялся, что и вездѣ мнѣ будетъ хорошо. Между трупами убитыхъ я сидѣлъ цѣлой день; —

наступила ночь, — а потомъ утро; — но, какъ нарочно, не наѣхалъ на меня ни кто. — Между тѣмъ, предъ полуднемъ увидѣлъ я толпу людей, бѣгущихъ отъ стороны Тифлиса. Они спросили меня, что я тутъ дѣлаю? Хочу идти въ Тифлисъ, отвѣчалъ я. Но они совѣтовали мнѣ слѣдовать съ ними въ Душетъ и Ананауръ, куда укрылись Тифлискіе жители, говоря что они сами хотѣли посмотрѣть жилища свои и полюбопытствовать, что въ Тифлисѣ дѣлается; но узнали, что Шахъ опять воротился и приближается къ сему мѣсту. Я отказался отъ ихъ предложенія потому, что отъ нихъ не досталъ бы ни куска хлѣба; въ Тифлисѣ же надѣялся я найти въ садахъ какіе ни будь фрукты, и находилъ для себя гораздо полезнѣе попасться въ руки разбойниковъ, или Персіанъ, нежели слѣдовать за ними. Перешедъ дорогу сію, почти все по трупамъ, и пришедъ въ Тифлисъ, чрезъ Тапитагскіе ворота я еще болѣе ужаснулся, увидѣвъ даже женщинъ и младенцовъ посѣченныхъ мечемъ

непріятеля по всемѣстно, не говоря уже о мущинахъ, коихъ въ одной башнѣ нашелъ я на глазомѣръ около тысячи труповъ. Шахъ, по выходѣ изъ Тифлиса въ обратной путь, не дошелъ еще до Ганджи, и былъ отъ Тифлиса не далѣе трехъ сутокъ ходу, какъ я пришелъ въ оный Бродя по городу, даже до Ганджинскихъ воротъ, я не встрѣтился ни съ однимъ живымъ человѣкомъ, кромѣ нѣкоторыхъ измученныхъ стариковъ, коихъ непріятели допрашивая, гдѣ есть унихъ богатства, или деньги, дѣлали надъ ними различныя тиранства. Городъ почти весь былъ выженъ — и еще дымился, а воздухъ отъ гніющихъ убитыхъ тѣлъ, по жаркому времени, совершенно не сносенъ, и даже заразителенъ. Сіе ужасное позорище остановило меня. Я не имѣлъ ни силъ, ни духу пройти за городъ, за Ганджинскія ворота на Сейдабатскую дорогу въ Керцанисъ, гдѣ думалъ я найти плодовъ и посмотрѣть мѣсто сраженія, и принужденъ былъ въ тотъ же день выдти изъ него на прежнюю дорогу, гдѣ

покрайнѣй мѣрѣ могъ я отыскать себѣ въ пищу хотя траву. Но только что выбрался изъ города, то отъ бѣзсилія принужденъ былъ остановиться и провести остальную часть дня и ночь подъ открытымъ небомъ. На утро слѣдующаго дня, идучи обратно въ Цхету, питался травою, ягодами, какіе только попадались, и съ великимъ трудомъ дошелъ туда въ продолженіи дня. Умеря изсохла вся внутренность и едва можно слышать мой голосъ. Въ Цхетѣ нашелъ я нѣсколько бродящихъ бѣглецовъ Тифлискихъ жителей, и на другой день пошелъ съ ними въ Душетъ. Въ продолженіи сей дороги питался я такъ же травою, кореньями и ягодами. Попутчики мои были совершенные звѣри; они не навидѣли меня, какъ Персидскаго подданнаго, и даже, сколько я могъ замѣтить, покушались меня убить. Переночевавъ въ Душетѣ, предъ вечеромъ другаго дня, дошелъ я одинъ до селѣнія Анануръ, которое стоитъ на самомъ берегу Арака. Мнѣ тѣмъ труднѣе было проходить сіи

мѣста, что и Армане не знали Армянскаго языка; а говорили по Грузински и я вездѣ подвергался отъ нихъ опасности по одному только тому, что платье на мнѣ было Персидскаго покроя. — Даже самое бѣдствіе не смягчило сердецъ ихъ.

Въ Ананурѣ Армянскихъ домовъ было до 15 ти и одна весьма малая церьковь въ которой вмѣститься могло едва 50 тъ человѣкъ. Я лишился почти всѣхъ силъ; но крайность заставила сдѣлать послѣднѣе ихъ напряженіе, чтобъ взойти въ въ церьковъ, которая была не заперта ни чемъ, кромѣ одной рѣшетки, служившей вмѣсто дверей. Сколько могъ очищалъ пыль, поставилъ на свои мѣста нѣкоторыя церьковныя вещи и молился Богу, сколько отъ истиннаго сокрушенія сердца, столько, признаться и для того, чтобъ дать себя замѣтить шамошнимъ людямъ, имѣя нужду достать себѣ кусокъ хлѣба. За мною взошли двое изъ Армянъ; но изъ нихъ только одинъ могъ говорить по Армански, да и то весьма худо. Онъ

распрашивалъ меня опъ куда я; знаю ли грамопѣ и гдѣ учился? Удовлепворяя вопросамъ его, я, въ конечномъ безсиліи моемъ, поръпился высказапь ему важнѣйшее, чпо я знаю оченъ хорошо чипапь, писапь и весь церьковный обрядъ и служеніе. Послѣ сего онъ спросилъ еще: хочу ли быпь у нихъ Священникомъ? пакъ какъ Священника у нихъ не было. Я объявилъ имъ, чпо согласенъ на все, что только имъ угодно, не имѣя болѣе силъ говорипь: всѣ члены мои дрожали опъ слабости, и я едва держался на ногахъ. Сіи два Армянина были родные брапья и оба женапы. Они привели меня къ себѣ въ домъ и придумывали чѣмъ бы меня накормипь: ибо знали уже, что я изъ 13 ти супокъ, пять, ѣлъ только орехи, а восемъ супокъ одну праву. И пакъ рѣшились сдѣлапь самую жипкую салапу. Но за всѣмъ тѣмъ, что она довольно была уже простывши, я, только что проглопилъ двѣ ложки: то кожа въ ропу вся слезла; вдругъ лишился я послѣднихъ силъ и памяпи, и въ положеніи

почти безчувственномъ, пробылъ до самаго утра слѣдующаго дня. Отъ хозяевъ моихъ узнали обомнѣ и всѣ тамошніе Армяне; они приходили меня смотрѣть, ласкали меня и говорили, про себя, что нашли кладъ. Мать новыхъ хозяевъ моихъ особенно меня полюбила и старалась кормить меня какъ можно лучше, такъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней я довольно поправился. Здѣсь узнали мы отъ выходцовъ, что Шахъ удаляется въ Персію и выступилъ уже изъ Ганджи. По сему извѣстію, укрывавшіеся въ лѣсахъ за Душетомъ и Ананурóмъ жители Тифлиса, и другихъ мѣстъ, стали выходить въ селѣнія. При сихъ случаяхъ, я былъ зрителемъ столь плачевныхъ сценъ, что даже забывалъ собственное бѣдствіе. Престарѣлые и малолѣтные обоего пола и всѣхъ состояній, стѣкшіеся въ Анануръ во множествѣ, проводя день и ночь подъ опкрытымъ небомъ въ ненастливую погоду, не имѣя ни одежды, ни пропитанія, оплакивали свою участь и жребій ихъ семѣйствъ и родственни-

ковъ. Отецъ потерялъ сына, сынъ не зналъ, что послѣдовало съ его отцомъ; матери лишились дочерей, а дочери матерей, мужья женъ, а жены мужей, и совсѣхъ сторонъ воплями наполняли воздухъ.

Узнавъ, что Царь Ираклій находится тутъ же въ Ананурѣ, я рѣшился непремѣнно его найти. Для сего пошелъ одним утромъ къ тамошнему Грузинскому старинному Монастырю, какъ къ единственному мѣсту, въ которомъ на вѣрное могъ встрѣтиться съ Царемъ. Монастырь сей былъ очень не великъ и почти весь уже развалился. Ходя около сего мѣста, подъ сводомъ одной разрушенной кельи, бывшей въ углу монастырской стѣны, увидѣлъ я человѣка, сидящаго лицомъ къ стѣнѣ и закрытаго простымъ овчиннымъ тулупомъ; а въ близи его стоялъ другой человѣкъ, довольно старой. Я спросилъ его: кто такой сидитъ въ углу? Онъ отвѣчалъ мнѣ по Армянски пространно и съглубокимъ вздохомъ:

„ сей, котораго ты видишь, былъ нѣкогда въ великой славѣ и имя его уважалось по всей Азіи, еще отъ дней Тахмасъ Кулы Хана. Онъ былъ лучшій правитель народа своего. Какъ отецъ старался облагоденствіи его и умѣлъ сохранять цѣлость царства своего до сего времени чрезъ цѣлые 40 лѣтъ, но старость, лишившая его силъ, положила всему преграду и конецъ. — Чтобъ отвратить раздоры и междоусобія въ семействѣ своемъ, по смерти его послѣдовать могущія, онъ думалъ сдѣлать послѣднѣе добро народу своему, и для лучшаго управленія раздѣлилъ царство по частямъ. — Но нещастный Царь Ираклій ошибся въ своихъ надеждахъ. — Бывшій Евнухомъ Тахмасъ Кулыхана, въ то время, какъ Ираклій носилъ званіе военноначальника Персіи, пришелъ нынѣ побѣдишь не мощную старость его, Какъ и собственные дѣти отказались помочь ему, и спасти отечество, по тому, что ихъ было много, и всякой изъ нихъ думалъ, что онъ будетъ стараться не для себя, а для другаго.

Онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ Царю Имѣреціи; но естьли ты былъ въ Тифлисѣ, то конечно видѣлъ весь позоръ, какой представляли тамъ войска его. Ираклій съ горстію людей сражался со ста тысячами и лишился Престола отъ того, что былъ оставленъ безъ жалости дѣтьми своими, и комуже на жертву? Евнуху, — человѣку, который прежде ему раболѣпствовалъ! Померкла долголѣтняя слова его; столица обращена въ развалины и благоденствіе народа его въ погибель. Вотъ, подъ сею стѣною, видишь ты укрывающагося отъ всѣхъ людей, славнаго Царя Грузіи, безъ помощи и покрытаго только овчиною кожею. Царедворцы и всѣ находившіяся принемъ ближніе его, природные подданные, коихъ онъ покоилъ и питалъ налонѣ своемъ во всемъ изобиліи, оставили его; ни одинъ изъ нихъ не послѣдовалъ за владыкою своимъ, кромѣ меня, самаго послѣдняго Армянина. Я прислуживалъ у повара его и питался отъ падающихъ крупицъ. Я одинъ только не забылъ, что и сіи крупицы принадлежали

Царю; одинъ я не бросилъ сего нещастнаго Царя; охраняю его, прошу милостыню, или инымъ образомъ достаю кусокъ хлѣба и приношу ему.„ Сей добрый старикъ, разсказывая мнѣ приключеніе Царя, горестно плакалъ объ участи его, какъ вѣрный преданный рабъ. — Съ благоговѣйнымъ уваженіемъ я посмотрѣлъ на Ираклія, желалъ повергнуться къ стопамъ его и облобызать ихъ, но не смѣлъ сего сдѣлать, и Армянинъ конечно бы до того меня не допустилъ, дабы не открыть Ираклію, что онъ узналъ, — узнанъ въ столь униженномъ, а болѣе бѣдственномъ состояніи Невольнымъ образомъ вспомнилъ я Исторію матери моей, — церкви и Монастыри на Аракапской горѣ; — содрогнулся въ душе моей — и самъ себѣ сказалъ: сильныя и крѣпкія земли! вотъ ваша слава.! — Плоды дѣлъ вашихъ!— Вся мудрость ваша, слабые сосуды скудельничьи! — Смотрите, — ужаснитесь и на учитесь! Одни судьбы Божіи сильны и не преложны; однѣ надѣющіяся на господа и ходящіе въ путехъ его,

не имутъ погибнуть во вѣки! Съ сими размышленіями, и съ сердцемъ полнымъ сокрушенія и скорби, пошелъ я къ своему дому, проливая о участи нещастнаго Царя обильныя слезы.

Отъ усугубившагося стеченія народа изъ Теулета и отъ Степан-Цминда, (: Святаго Стефанія, старинный Грузинскій монастырь, стоящій впустѣ:) я едва могъ продраться, чтобъ войти въ домъ. Къ удивленію нашелъ я у моихъ хозяевъ того купца, который мнѣ долженъ. Не входя со мною ни въ какія изъясненіи, онъ, по прежнему праву, послалъ меня въ тотъ же день на дряхлой своей животинѣ въ Тифлисъ, чтобъ отыскавъ его домъ, осмотрѣть погребъ, куда жена его спрятала свое имѣніе; а потомъ пройти въ Карцанисъ, въ садъ его и привести оттуда вина, которое предъ нашествіемъ Шаха только, что было сдѣлано и осталось въ своемъ мѣстѣ не убраннымъ. Въ Ананурѣ пробылъ я въ сей разъ 8 дней. Вмѣсто того, чтобъ придти въ Тифлисъ въ однѣ сутки, я

долженъ былъ пробыть на дорогѣ трои сутки: ибо лошадь едва переступала. Пришедъ въ Тифлисъ, нашелъ я домъ купца въ развалинахъ и погребъ разрытымъ, въ которомъ, вмѣсто имѣнія, лежали двое убитыхъ людей; равнымъ образомъ и въ саду не нашелъ я ничего: ибо вино еще скорѣе могло быть найдено. Такъ какъ весь почти городъ обращенъ былъ въ развалины и выженъ: по сему то мѣсто, гдѣ былъ домъ купца, я могъ найти только по примѣтамъ, что близко его находилась извѣстная мнѣ церковь. Какъ въ самомъ Тифлисѣ, такъ и за городомъ запахъ отъ мертвыхъ тѣлъ еще болѣе усугубился и совершенно сдѣлался заразительнымъ. Въ Карцанисѣ встрѣтилъ я жителей Газахъ-Барчалу, (*) Грузинскихъ подданныхъ, которые съ семѣйствами своими возвращались на прежнія жилища. Одинъ изъ нихъ призналъ купцову лошадь своею, которая у него была украдена, назадъ мѣсяца четыре, что подтвердили изъ тѣхъ

(*) Мѣсто рожденія моей матери.

семѣйствъ нѣсколько человѣкъ. Меня хотѣли связать и отвести въ свое мѣсто, чтобы тамъ наказать какъ вора, и я едва могъ увѣрить ихъ въ моей невинности, объяснивъ отъ кого и за чѣмъ былъ посланъ въ городъ. Освободившись отъ Газахцовъ, я радъ былъ, что избавился отъ негодной лошади, за которую принялъ столько пиранскихъ побоевъ, и пошелъ въ сады набрать плодовъ, чтобъ утолить свой голодъ; ибо идучи изъ Ананура, не было со мною ничего; я пипался на дорогѣ опять правою, и привыкши уже къ голоду, три дни были мнѣ не такъ чувствительны. Для отдохновенія своего нашелъ я близъ Ганджинскихъ воротъ, у площади Турке-Майданъ, подлѣ церкви одинъ домъ, который не былъ ни созженъ, ни разрушенъ. Я думалъ остаться въ семъ домѣ до другаго дня; но взойдя въ оный увидѣлъ нагаго человѣка, поверженнаго на землѣ и едва дышущаго; подхожу къ нему, и узнаю того самаго, котораго я приглашалъ удалиться изъ Тифлиса заблаговременно. Онъ былъ раненъ, и съ

нуждою могъ проговорить, что уже нѣсколько дней ничего не ѣлъ. Я далъ ему плодовъ и совѣтовалъ, чтобы онъ дошелъ до садовъ; но сей смѣшный человѣкъ сказалъ мнѣ, что онъ боится разбойниковъ, какъ будто бы было еще что отнять у него, и будто бы можетъ послѣдовать съ нимъ худшее, нежели въ какомъ положеніи онъ находился. Я замѣтилъ ему, что страхъ его столькоже пустой и глупой, какъ и та надежда, которую онъ имѣлъ, что Шахъ будетъ побѣжденъ, и не хотѣлъ вѣрить очевидному событію. Онъ отчасти разсказалъ мнѣ о жестокостяхъ и неистовствахъ Персіянъ, какія оказывали они въ Тифлисѣ, даже надъ младенцами и малолѣтными дѣтьми, которыхъ, держа за ноги, разрубали пополамъ съ одного раза, для того, чтобъ пробовать: хорошили ихъ сабли; и наконецъ что всему бѣдствію будто бы была причиною супруга Ираклія: ибо въ то время, говорилъ онъ, какъ Царь, съ храбрыми своими войсками сражался въ Карцанисѣ, жители Тифлисскіе хотѣли укрѣ-

питься въ городѣ и сдѣлать все нужное къ своей защитѣ; но видя, что Царица оставя городъ и супруга бѣжала въ горы, по народъ, потерявши присутствіе духа, пересталъ думать объ оборонѣ и разбѣжался почти весь.„ Оставя сего раненаго, я, для лучшей безопасности придумалъ сыскать такой домъ, гдѣ были бы воры, отыскивавшіе по ночамъ пожитки въ пустыхъ домахъ. Таковые люди были изъ тамошнихъ же бѣдныхъ жителей, которые знали всѣ богатые домы и отъ такаго промысла они сдѣлались богатыми, а богатые бѣдными. Я нашелъ другой цѣлый домъ, также подлѣ самой церкви, принадлежащій одному именитому человѣку Саркису Агѣ, который и оную церковь выстроилъ вмѣстѣ съ домомъ. — На дворѣ встрѣтился я съ престарѣлою женщиною, которая лишилась своего семѣйства и прислуживала въ семъ домѣ тѣмъ людямъ, коихъ я искалъ. По своему нещастію она сжалилась надъ моимъ, и приняла подъ свое покровительство. Я прожилъ въ семъ домѣ четверо сутокъ

безъ всякой опасности, и тѣмъ подъ вѣрнѣйшею защитою отъ воровъ и разбойниковъ, что мои защитники, были сами того же ремесла. Ходя по улицамъ и по разкопаннымъ домамъ, я собиралъ валяющіяся книги и приносилъ для сохраненія къ старухѣ; а для пропитанія ходилъ въ мѣстечко Вѣра на мѣльницы; собиралъ тамъ мучную пыль, а по домамъ въ конюшняхъ ячьмень, изъ котораго старуха дѣлала для меня хлѣбъ. На одной изъ посѣщаемыхъ мною мѣльницъ, случай привелъ меня найти еще одного нещастнаго изъ моихъ знакомыхъ. Въ караванѣ нашемъ, пришедшемъ въ Тифлисъ изъ Тавреза, былъ одинъ купецъ, имѣвшій отъ роду около 70 лѣтъ. Женясь въ Тифлисѣ, жилъ съ женою, по тамошнему обыкновенію, не болѣе мѣсяца, и будучи недоволенъ умѣреннымъ состояніемъ, отправился шататься по разнымъ странамъ; былъ даже въ Египтѣ и всюду искалъ на богатиться. Возвратясь въ Тифлисъ, слишкомъ чрезъ сорокъ лѣтъ, отыскалъ свою жену, которую оставилъ молодою;

а нашелъ старухою. Она столько была справедлива къ самой себѣ, что при первомъ шагѣ отрѣклась отъ него, выгнала отъ себя съ безчестіемъ, и не пожелала отъ него ни богатства, ни успарѣвшей его любви. Труды его, почти полвѣка продолжавшіеся, кончились тѣмъ, что онъ лишился всего, и измученный, покрытый ранами, найденъ мною брошеннымъ на мѣльницѣ. Онъ еще былъ живъ и узнавъ меня, просилъ доставить ему какой нибудь пищи. Но я не могъ подать ему никакой помощи, и думаю, что онъ въ тотъ же день умеръ. Я нужнымъ считаю здѣсь упомянуть, что въ Грузіи и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ, къ нещастію весьма многіе такъ дѣлаютъ, что прожив я съ молодою женою недѣли двѣ, б р о с а ю т ъ ее и идутъ на чужую сторону искать неизвѣстнаго; оставляя нещастную жену, безъ всякой жалости, влачить самую тягостную жизнь.

На четвертый день пребыванія моего въ Тифлисѣ въ сообществѣ воровъ, по-

кровительница моя послала меня съ кувшиномъ за водою. Возвращаясь съ рѣки увидѣлъ я толпу людей, бѣгущихъ за Тапитагскіе ворота, которые, думалъ я, были изъ числа тѣхъ же, кои занимались въ городѣ обыскиваніемъ домовъ. Я спрашивалъ ихъ о причинѣ сего бѣгства, и едва могъ добиться, что будто бы Шахъ опять возвратился и вступилъ въ Соганлугъ. Я очень былъ увѣренъ, что это была выдумка нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобъ больше еще выиграть времени для обшариванія домовъ нещастныхъ жителей, и потому, не смотря на мнимый страхъ, шелъ спокойно къ своему мѣсту. Но пришедъ въ домъ, не нашелъ уже въ немъ никого. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ итти опять въ Анануръ., Въ убѣжищѣ моихъ покровителей нашелъ я одинъ не большой мѣшокъ, въ который набралъ плодовъ, называемыхъ у насъ *Сергѣвилъ*, а по Тифлисски *Колши* (: плодъ подобный большой грушѣ :) съ тѣмъ чтобъ отнести моимъ хозяевамъ въ подарокъ. Я пошелъ прежнею дорогою и

ночевалъ надъ рѣкою на одномъ высокомъ холмѣ. Потомъ имѣлъ ноглегъ въ Цхетѣ, въ монастырѣ, гдѣ тогда было много проходящихъ людей разнаго званія. Я положилъ мѣшокъ мой съ плодами подъ голову; но проснувшись, къ великому прискорбію, не нашелъ ни мѣшка ни плодовъ, и тужилъ о сей потерѣ, какъ о какомъ нибудь важномъ сокровищѣ, потому, что изъ усердія къ добрымъ моимъ хозяевамъ, принималъ трудъ въ жаркое время тащить довольно тягостную для меня ношу, желая хотя чрезъ сію малость, оказать имъ мою признательность. Пришедъ въ Анануръ, я встрѣченъ былъ купцомъ и его женою, ожидавшими меня съ нетерпѣніемъ. Я пересказалъ имъ все, что нашелъ въ бывшемъ его домѣ, и какимъ образомъ отняли у меня Газахцы его лошадь. Но сей бѣздѣльникъ ругалъ меня и ударилъ нѣсколько разъ по щекамъ за то, для чего не взялъ я паланъ, (родъ сѣдла, которое по крайней мѣрѣ было вѣсомъ пудъ), и какъ будто я былъ въ силахъ сдѣлать что нибудь пропиву нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.,

Хозяева мои, и другіе, говорили мнѣ, для чего я позволяю ему поступать съ собою столь обиднымъ и наглымъ образомъ, и совѣтовали заплатить словомъ за слово и наплевать ему въ глаза. Но я все надѣялся, что могу съ нимъ добраться до Россіи и для того рѣшился терпѣть все, держа въ умѣ своемъ, чтобъ отъ него не отстать, обмануть надежду Ананурцовъ, что буду у нихъ Священникомъ, и потому съ притворнымъ смиреніемъ отозвался на слова ихъ, что по закону Божественному, должно все сносить съ терпѣніемъ. — Въ сіе время нашелъ я въ Ананурѣ людей весьма уже немного: ибо въ мое отсутствіе всѣ почти стали удаляться въ Кахетію, какъ такое мѣсто, гдѣ безъ нужды могли найти для себя продовольствіе.—

На другой, или на третій день, какъ пришелъ я въ Анануръ, проѣзжала чрезъ сіе мѣсто изъ Степанцминда въ Кахетію Свѣтлѣйшая супруга Ираклія, Дариджанъ. Здѣсь народъ, остановя ее, уко-

рялъ въ одинъ голосъ своимъ бѣдствіемъ, и забывши должное къ особѣ ея уваженіе, можно сказать остервенился до того, что кромѣ неистовыхъ и дерзновеннѣйшихъ выраженій, даже и самая жизнь ея подвержена была опасности.

Послѣ сего, не болѣе какъ дни чрезъ четыре, Грузинскіе мошенники пропустили слухъ, съ тѣмъ же намѣреніемъ какое объяснилъ я выше, будто Шахъ опять вступилъ въ Тифлисъ. По общей тревогѣ, находившіяся въ Ананурѣ шесть семѣйствъ зажиточныхъ Армянъ, въ томъ числѣ и мои хозяева, рѣшились, пока не настанетъ спокойствіе, удалиться въ горы къ Теулетскимъ жителямъ, въ деревню Чоху, отъ Ананура на день ходу. Купецъ съ своимъ семѣйствомъ также послѣдовалъ вмѣстѣ съ ними. Мы остановились въ Чохѣ, въ домѣ старшины, по прозванію Шаро.— Всѣхъ домовъ въ Чохѣ, было тогда только три. Теулетцы Грузинскіе подданные и хотя исповѣдуютъ Христіансую вѣру, но совершенно дикій на-

родъ. Анануръ, Душедъ и другіе не большія селенія въ горахъ, по обѣ стороны Арака, и словомъ все то мѣсто, которое называется Хевсуръ, по раздѣлу Ираклія, находилось во владѣніи Царевича Вахтанга. Теулетскіе деревни, заключаютъ въ себѣ не болѣе, какъ отъ двухъ до пяти домовъ, а въ иномъ мѣстѣ по одному; въ домахъ оконъ и трубъ нѣтъ; — свѣтъ входитъ только въ двери, и потому въ избахъ такъ темно, что во весь день куряться у нихъ лучины, или бересты. На домахъ по двѣ кровли; изъ коихъ нижнія такъ крѣпко строятся, что на нихъ, по тамошнему обыкновенію, молотятъ хлѣбъ лошадью, а верхнія охраняютъ отъ дождя. Хлѣбы дѣлаютъ поламъ изъ ячменной и бобовой муки, или какая когда случится. Пекутъ ихъ въ большихъ глиняныхъ сосудахъ съ краями, на подобіе тарелокъ, такимъ образомъ, что поставя ихъ одну къ другой внутреннею стороною соединенно верхними концами, разкладываютъ подъ ними огонь; и когда тарѣлки разкалятся, то поло-

живъ въ нихъ приготовленное тѣсто, засыпаютъ довольно толсто горячею золою. Хлѣбъ сей называется по тамошнему Кеци. Естьли же когда достаютъ мясо, то не прежде варятъ его въ пищу, какъ сдѣлается отъ него уже запахъ, или просто сказать, когда протухнетъ. Живутъ вообще неопрятно; ибо въ одной избѣ держатъ съ собою и скотъ, какой только у нихъ есть, и даже безперегородки, а только привязываютъ къ стѣнѣ. По общей нуждѣ, я конечно былъ бы голоденъ; но для избѣжанія сего, я прислуживалъ каждому семѣйству, въ чемъ кому была надобность; и буде не въ томъ, такъ въ другомъ мѣстѣ, доставалъ себѣ пищу. Однако и за тѣмъ не всегда случалось быть совершенно сытымъ. Въ деревнѣ Чохѣ находилась не большая церковь, но безъ священника. Въ ней почти ничего не было, кромѣ одной занавѣсы у олтаря, изъ старой холстины; вокругъ церкви росли дикія грушевыя деревья; съ которыхъ никто не смѣлъ собирать плодовъ, какъ съ принадлежащихъ церквѣ и

потому священныхъ и неприкосновенныхъ. Мнѣ также о семъ было сказано, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ, быть убитымъ. Однако не смотря на сіе запрещеніе, въ первыя сутки по приходѣ въ Чоху, когда я еще не ознакомился съ помянутыми семѣйствами, будучи довольно голоденъ, осмѣлился въ ночное время по пользоваться сими плодами. Но кромѣ того, что они по холодному времени были замерзши, нашелъ ихъ и недозрѣлыми; отъ чего набилъ самую сильную оскомину, такъ, что послѣ сего ни какъ не могъ ѣсть хлѣба, и опасался посему быть признаннымъ въ похищеніи священныхъ плодовъ. — Однако я нашелъ средство вылѣчить свои зубы жеваньемъ восковаго огарка, который одинъ только и былъ найденъ мною въ церквѣ. Послѣ сего ходилъ я, почти каждый вечеръ, къ одному переселившемуся изъ Турецкихъ владѣній пожилому Тифлискому обывателю, Голоенцу Багдасару, споявшему въ другой избѣ, читать для него вечернія молитвы и службу. Онъ

и жена его весьма меня полюбили; довольно доказали, чпо были люди добрые, и я не имѣлъ уже большой нужды въ пропитаніи. Хозяева мои, также по возможности меня не оставляли, изключая купца, отъ котораго я ничего не видалъ, кромѣ оскорбленій и обидъ. Сей злый человѣкъ и здѣсь былъ причиною одного со мною случившагося приключенія, которое было и болѣзненно и столько же смѣшно. Онъ послалъ меня однажды въ другую деревню, стоявшую за первымъ отъ Чохи возвышеніемъ, купить для лошади его мякины, научивъ меня спрашивать по Грузински, такимъ образомъ: *Бзѣ - Арагакъ Гасасъ - Гидели*, чпо значитъ изъ слова въ слово: *мякина есть ли продажная*. — Идучи дорогою я безпрестанно твердилъ сіи слова, чпобъ не забыпь; но пришедъ въ деревню и осматривая, въ какой домъ войпи, выбралъ тотъ, который былъ побольше другихъ; но между пѣмъ, кромѣ *Бзѣ*, прочія слова позабылъ.— Взошедъ въ избу, полную дыма, по темноцѣ не могъ ничего

видѣлъ и обходилъ осторожно около скопины къ курившемуся огню.. Тутъ увидѣвъ женщину, приготовляющую хлѣбы, сказалъ ей только *Бзѣ*: она взглянувъ на меня, перекрестилась, и выговоривъ по своему имя Іисусъ Христа, съ торопливостію вышла вонъ. Я не заключая изъ сего ничего худаго, думалъ еще, что женщина сія столько добра, что пошла принести мякины, не сказавъ даже, сколько будетъ стоить мѣшокъ, который для сего былъ со мною. Но вмѣсто мякины, чрезъ нѣсколько минутъ, входитъ въ избу цѣлая толпа народа, съ палками и кто съ чѣмъ, каждый держа въ одной рукѣ зазженныя, или лучину, или бересто. Подходя ко мнѣ тихо, всѣ крестились, говоря также имя Іисусъ Христа. — Я не имѣлъ времени размышлять о томъ, чтобы значило сіе явленіе, какъ они вдругъ всѣ на меня бросились, сшибли съ ногъ, щипали на мнѣ волосы, сожгли отъ худаго моего кафтана цѣлую полу, прочее разодрали и едва не удушили. Я также кричалъ имъ, и по Турецки, и по Персидски,

что я Христіянинъ; но они ничему не внимая выпащили меня изъ избы, и пока принесли веревку, человѣкъ десять держали меня, кто за руки, кто заплатье, другіе за волосы; а одинъ схватилъ меня за нижнюю губу. По томъ надѣвъ мнѣ нашею петлю, держали веревку съ концовъ, а я находился по срединѣ, и такимъ образомъ повели меня въ ту деревню, гдѣ мы сшояли, къ помянутому старшинѣ Шаро, и провожая съ зади палочными ударами, едва меня незадавили. Я былъ при нападеніи и измятъ и обожженъ во многихъ мѣстахъ такъ, что большая часть волосъ сгорѣли и даже брови были всѣ опалены. Я ничего непонималъ изъ сего явленія и терпѣлъ чрезвычайную боль отъ обжоги и прочаго. Но только что взвели меня на гору, то отъ насъ къ щастію тотчасъ увидѣли торжественное мое шествіе. Старшина первой побѣжалъ на встрѣчу и едва могъ уговорить дикарей, чтобъ меня освободили.— Причина такому поступку, какъ мнѣ объяснили, была та, что какъ женщина,

такъ и прочіе жители никогда невидали тамъ человѣка въ одеждѣ Ериванскаго покроя; а при томъ первая будучи испугана нечаяннымъ моимъ появленіемъ, прямо сочла меня за домоваго и увѣрила въ томъ и прочихъ. Волосы щипали на мнѣ для того, что, какъ они вѣрятъ, естьли невзять отъ домоваго волосъ, то онъ во всѣ скроется; а когда кто ихъ достанетъ, то домовой послѣ того будетъ у того прислуживать въ домѣ не видимо. Отъ сего приключенія былъ я болѣнъ около двухъ недѣль; хозяева мои и Багдасаръ съ женою прилагали обо мнѣ попеченіе и лѣчили обжогу мою, обмазывая масломъ и гусинымъ саломъ.

Галоенъ Багдасаръ, примѣчая всѣ злые поступки со мною купца, и видя бедственное мое положеніе и всегдашнюю горесть, наконецъ по выздоровленіи моемъ позвалъ къ себѣ спросилъ меня, чтобъ я пересказалъ ему о себѣ подробно, отъ куда и какъ я попался къ тому купцу. — Я разсказалъ ему всѣ со мною приключе-

нія, какія только могли заслужить его уваженіе. Онъ столько былъ оными пронутъ, что обнялъ меня со слезами и утѣшалъ надеждою на милость и помощь Божію.— Узнавъ же, что я порученъ купцу не для того, чтобъ быть безгласнымъ его рабомъ, но что онъ обязался доставить меня въ Россію и взялъ за то придцать рублей, то обѣщавъ отправить меня въ Кизляръ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, тотъ же часъ пошелъ сомною въ нашу квартиру, и объяснившись съ купцомъ о томъ, что онъ въ разсужденіи меня обязанъ былъ сдѣлать, объявилъ ему, что доставленіе меня въ Россію береть онъ на себя и требовалъ отъ него, чтобъ возвратилъ мнѣ взятые имъ въ Вагаршапатѣ 30 руб. Безсовѣстный купецъ не имѣя чемъ со мною разплатиться, отговаривался тѣмъ, что онъ взялся доставить меня въ Россію тогда, когда поѣдетъ самъ, по чему и долженъ я дожидаться того времяни. На сіе Багдасаръ называя его плутомъ и укоряя безчеловѣчными со мною поступками, предсказалъ ему, что онъ поше-

рявши уже свое имѣніе, потеряетъ и еще что впредь имѣть будетъ, за обиды, причиняемые бѣдному сиротѣ. Потомъ отобравъ отъ него церковныя мои книги и чернилицу Сагака, совѣтовалъ мнѣ оставить мое требованіе и отдать все на судъ Божій.— Багдасаръ имѣлъ двухъ сыновей; старшаго оставлялъ при себѣ, а младшаго отправлялъ въ Кизляръ, съ тѣмъ, чтобъ онъ тамъ опредѣлившись къ какому нибудь достаточному купцу, занимался торговыми дѣлами, для чего назначалъ сдѣлать и переводъ нѣкотораго небольшаго капитала, по прибытіи его въ Россію. — Онъ былъ прежде очень богатъ; но лишился большой части своего капитала, такъ какъ и многіе другіе богатые люди, по причинѣ прежде бывшихъ въ Грузіи въ обыкновеніи притѣсненій, которыя дѣлались имъ единственно на потъ конецъ чтобъ вымучить изъ нихъ то, что они имѣютъ. Меньшаго сына своего, съ которымъ я назначенъ былъ слѣдовать, отправлялъ онъ съ свойственникомъ своимъ изъ Кизлярскихъ жителей,

который по случаю нашествія Шахова на Грузію, пріѣзжалъ нарочно, чтобъ узнать о судьбѣ ближнихъ своихъ родственниковъ, жившихъ въ Тифлисѣ, но принуждень былъ остановиться въ Ананурѣ. Мосесъ, какъ звали сего Кизлярца, находился вмѣстѣ съ прочими въ Чохѣ. Багдасаръ переговоривши съ нимъ о томъ, что нужно было употребить въ дорогѣ для меня, и именно о издержкахъ на заплату провожатымъ, кои обыкновенно нанимаются отъ Степан-Цминда до Моздока, просилъ Мосеса убѣдительно имѣть обо мнѣ попеченіе, равное какъ и объ его сынѣ; а вечеромъ того дня онъ давалъ мнѣ добрые совѣты и наставленія и особенно, чтобъ быть честнымъ и добрымъ человѣкомъ, говоря, что я, какъ онъ надѣется и предчувствуетъ, непотеряю себя и буду со временемъ благополученъ, что лучше сохраню и воспользуюся его совѣтами, нежели какъ ожидаетъ того отъ своего сына, и что онъ дѣлаетъ мнѣ теперь добро, сколько по любви ко мнѣ, столько и для того, чтобъ Богъ поми-

ловалъ за то его сына. Между тѣмъ Моисесъ собиралъ въ Ананурѣ попутчиковъ, а я прощался съ добрыми моими хозяевами, благодарилъ за неоставленіе меня, и извиняясь что по такимъ опасностямъ немогу остаться у нихъ, не имѣя въ виду ничего вѣрнаго и надежнаго, обѣщалъ навсегда сохранить въ моей памяти ихъ благодѣяніе.. Съ нами набралось еще 9 ть человѣкъ изъ Грузинскихъ Армянъ, которымъ надлежало возвратиться въ Моздокъ и въ Кизляръ, и 1 го Декабря утромъ рано, отправились мы къ Степан-Цминду. Багдасаръ далъ мнѣ на дорогу старой шерстяной кафтанъ своего сына, напомнилъ свои совѣты, и пожелалъ мнѣ благополучія Въ караванѣ было всего 10 ть человѣкъ вѣрьхами; а я и другой еще Армянинъ шли пѣшками. До Степан-Цминда, гдѣ живутъ одни только Осетинцы считающіяся Грузинскими подданными и часть Черкесовъ, пришли мы въ полдень другаго дня. Съ отправленія изъ деревни Чохи и по при бытіи въ Степан-Цминду, въ продолженіи чепы-

рехъ, а всего въ пятеры сутки я терпелъ великой голодъ, ибо денегъ у меня во вся небыло, на что бы могъ купить себѣ хлѣба, а у корованныхъ своихъ пупчиковъ рѣдко могъ его выпрашивать и то съ величайшимъ прудомъ и укоризнами; сынъ же благодѣтеля моего не былъ ко мнѣ таковъ, какъ отецъ его. Но по приходѣ во Владикавкаскъ, къ щастію моему, случилось въ то время умереть одному Осетинцу, для поминовенія котораго родственники его, слѣдуя своему обычаю, дали на нашъ караванъ довольное количество мяса, хлѣба (*) и бузы. (: Такъ назначается у нихъ напитокъ довольно полной и сытной :) на мою долю досталось, кромѣ хлѣба, фунтовъ до восьми мяса, и я поблагодаривъ Бога за сего умершаго, по желалъ ему отъ всего сердца всѣхъ радостей и ушѣхъ на томъ свѣтѣ.

(*) Хлѣбы у Осетинцовъ дѣлаются, кромѣ пшеничной и изъ просяной муки и называются по ихнему Коржина

Здѣсь пробыли мы двои сутки, пока наняли одного тамошняго Башчи, (: Голова :) съ его командою, для препровожденія каравана нашего до Моздока, за что берутъ они отъ 10 ти до 15 ти серебромъ съ каждаго человѣка. Одинъ Армянинъ изъ каравана нашего, видя, что по погдашнему времяни одѣтъ я очень бѣдно, а при томъ и сапоги были у меня почти безподошвъ, сжалился на домною и далъ мнѣ до Моздока войлочную епанчу, которые дѣлаются собственно горскими народами изъ козлячьей шерсти, называемыя здѣсь бурками. — Изъ Степан-Цминда въ Владикавказскъ пришли съ небольшимъ въ сутки, гдѣ и ночевали; а изъ Владикавказска, по разпоряженію Башчи надлежало, для осторожности, отправиться непримѣтно вечеромъ, и со всею поспѣшностію воспользоваться темнотою ночи такъ, чтобы къ упру дойти до Черкесскаго селенія Ахелгабаха; ибо дорога на семъ разстояніи есть самая опаснѣйшая отъ набѣговъ Горскихъ хищниковъ. При всей поспѣшности должно

было ѣхать такъ, чтобъ несдѣлать ни-малѣйшаго шума. На семъ самомъ раз-стояніи, въ одну ночь, я едва нелишился жизни въ два раза. Чтобъ неотстать отъ каравана, мы съ Армяниномъ должны были бѣжать впереди предъ верьховыми.. Согрѣвшись подъ епанчею я начиналъ вы-ходить изъ силъ, которыя поддерживала необходимость и страхъ, чтобъ не ос-таться одному въ неизвѣстномъ мѣстѣ и непопасться въ руки горскихъ разбой-никовъ, или, что еще хуже, быть съ ѣденнымъ отъ какого нибудь хищнаго звѣря. Я покушался просить хозяина сей епанчи, чтобъ взялъ ее отъ меня, но боялся, что когда она мнѣ опять пона-добится, то онъ болѣе ее недастъ; и такъ рѣшился бѣжать пока еще будутъ силы. Паръ отъ лошадей и иней, садив-шійся на мою епанчу, покрыли ее почти всю льдяными сосульками, отъ чего она еще болѣе сдѣлалась мнѣ тягостна, и наконецъ, около полуночи, я совершенно выбился изъ силъ и упалъ, будучи не въ состояніи ни кричать, ни поднятся съ

мѣста. Такимъ образомъ я погибъ бы тупъ же; но одинъ изъ провожатыхъ примѣтя сіе, возвратился ко мнѣ и требовалъ, чтобъ я что нибудь ему далъ, по онъ провезетъ меня на своей лошади на такое разстояніе, какъ я могу отдохнуть. Я отдалъ ему бывшую у меня подъ шапкою фасъ (родъ маленкой скуфьи). Проѣхавъ съ нимъ около версты, я долженъ былъ сойти и опять бѣжать пѣшкомъ. Между тѣмъ, сидя на лошади я прозябъ и весь оледенелъ. Чтобъ меньше чувствовать тягость и долготу дороги, я читалъ про себя молитвы и псалмы, приличныя моему положенію. Но дорога несокращалась, а силы меня со всѣмъ оставляли. — Я рѣшался уже и отстать, но топъ же страхъ меня удерживалъ; собиралъ силы и бѣжалъ еще, надѣясь, что можетъ быть дорога кончится скоро, но конца все небыло; я обливался горькими слезами и на послѣдокъ прочитавъ молитву Іоны, говоренную имъ къ Богу во чревѣ Китовѣ, упалъ опять, лишившись всѣхъ силъ, и просилъ себѣ уже одной только смерти.

Ни кто изъ Христіанъ, попутчиковъ моихъ недогадался, или справедливѣе, нехотѣлъ по примѣру Осетинца язычника, помочь моей слабости, чтобъ недопустить меня до такого, можно сказать, смертнаго изнеможенія. Я во все нечувствовалъ, долголи пролежалъ на мѣстѣ;— какъ привезли меня въ Агель - Габахъ, какъ оттирали снѣгомъ и закутывали послѣ того въ войлоки: ибо я весь и почти совершенно замерзъ, а пальцы у ногъ почернѣли какъ уголь. (*) Я не прежде проснулся отъ мертваго моего сна, какъ уже въ полдень, и тогда только узналъ о томъ, что со мною происходило. Симъ спасеніемъ моимъ я обязанъ однимъ Осетинцамъ и искренно помянулъ еще ихъ покойника; ибо безъ его поминокъ, я конечно погибъ бы отъ одного холода. Послѣ сего приложили мнѣ къ ногамъ гусинаго сала, которымъ я вылѣчился. Здѣсь кормили меня пшенным хлѣбомъ, родъ густой каши изъ обыкно-

(*) Сей озноб ногъ я и нынѣ нѣсколько чувствую въ холодное время.

веннаго тпена называемой *Паста*. 9го Декабря вышли мы изъ Агелгабаха, а 10го остановились въ лѣсу, близь рѣчки Терска, пропивъ Моздока. При разплатѣ съ Башчи и его командою, въ досталь-ныхъ деньгахъ вышли у путешественни-ковъ нашихъ запрудненія; наконецъ не-доставало только 80 коп., которыя обѣ-щались прислать чрезъ два часа изъ Моз-дока; но Осетинцы имъ неповѣрили; и такъ, чтобъ оставить имъ залогъ въ тѣхъ 80 коп., то и тутъ жребій палъ на меня же. Вмѣсто двухъ часовъ про-шли двои сутки; но Армяне денегъ не прислали; между тѣмъ провожатыя ис-правивши въ городѣ свои нужды, 12 числа утромъ спѣшили возвратиться въ свои мѣста, и столько были великодушны и честны противъ попутчиковъ моихъ, что еще понуждали меня достать деньги и въ противномъ только случаѣ грозили утащить съ собою.— Къ счастію моему, когда я уже отчаявался, увидѣлъ идущаго берегомъ человѣка въ зеленой шинелѣ, и по узкому исподнему платью догадался,

что это долженъ быть Европеецъ (: по общему названію Азіатцовъ, Франкъ:) и конечно Россіянинъ. Я тотчасъ бросился къ нему, упалъ въ ноги, и по Турецки просилъ оказать надо мною милосердіе и выкупить отъ Осетинцовъ. Такъ какъ Осетинцы и Черкесы часто пріѣзжаютъ въ Моздокъ, то многіе изъ нихъ знаютъ по Русски: по чему одинъ изъ провожатыхъ, знавшій нѣсколько и по Турецки, перевелъ ему на семъ языкѣ мою прозьбу, пересказалъ мое страданіе на дорогѣ; что я оставленъ унихъ въ закладѣ, и что онъ съ своей стороны, смотря на мою тѣсноту и горесть, охотно бы отпустилъ меня, естьли бы это отъ него одного зависѣло. Россіянинъ тотчасъ переправился опять чрезъ рѣку, оставя свое дѣло, и доложилъ обо мнѣ Коменданту; а сей приказалъ немедленно отыскать Кизлярца, и принудилъ его меня выкупить. Все сіе продолжалось неболѣе какъ часа два.

Между тѣмъ какъ я находился въ закладѣ, на третій день по прибытіи къ

Тереку, т. е. 12 го числа, услыша по церквамъ необыкновенной звонъ, въ первые по выходѣ моемъ изъ Тифлиса, до взятія его Шахомъ, пришелъ въ нѣкоторое душевное возхищеніе, такъ, что естьли бы по милости Кизлярца и прочихъ бывшихъ съ нимъ Армянъ послѣдовало со мною въ томъ мѣстѣ еще какое либо нещастное приключеніе, то я готовъ былъ хоть умереть. Но по милости Русскихъ, я тогоже дня, т: е: 12 Декабря 1795 года вступилъ въ Моздокъ. Пришедъ въ городъ мнѣ надлежало отыскать Моисеа, по великодушію котораго я остался было въ неволѣ у Осетинцовъ за восемдесятъ копѣекъ, но кромѣ котораго я не имѣлъ ни какого другаго знакомаго, къ коему бы могъ прибѣгнуть.— Отыскивая его, не приминулъ я спрашивать попадавшихся мнѣ Армянъ о причинѣ бывшаго въ тотъ день большаго звона; но едва могъ добиться, что значитъ слово праздникъ и какой имянно, ибо тамошніе Армяне, всѣ Грузинскіе и со всѣмъ незнаютъ коренаго языка Армянскаго. Напослѣдокъ

узналъ, что то былъ день рожденія, какъ изтолковали мнѣ Государева сына. Несмотря на нужное мое положеніе, я былъ въ великомъ возхищеніи и благословлялъ Бога, что привелъ меня въ землю Христіанскую, и еще въ день праздника Царскаго Моисеа отыскалъ я въ Моздокскомъ гостиномъ дворѣ, гдѣ приспалъ онъ съ сыномъ Багдасара у одного знакомаго ему тамошняго купца изъ Армянъ же, который, какъ человѣкъ холостой, жилъ въ лавкѣ, въ особо придѣланныхъ во внутрь двора покояхъ. Мнѣ отвели мѣсто въ кухнѣ, гдѣ и для Багдасарова сына пригоповлепа была хорошая постеля. Вечеромъ покормили меня весьма изрядно, а спать я легъ на полу на рогожѣ; скоро однакоже я долженъ былъ лишиться сего пристанища, не прилично говорить, какая именно была причина сему нещастію; однакоже скажу только, что мнѣ не избѣжно надлежало быть свидѣтелемъ нѣкотораго произшествія и имѣя отъ онаго большое отвращеніе, такъ искусно проказничалъ, что купецъ по проекратной по

пыткѣ принужденъ былъ отказаться на тотъ разъ отъ выполненія своего желанія, и проведя всю ночь безъ сна, въ справедливомъ не годованіи нанарушеніе мною правъ гостепріимства, еще часа за два до разсвѣта разбудивъ своего мальчика, приказалъ достать огню и выгнать меня вонъ, примолвилъ, чтобъ впредь и духъ мой у него не пахъ. Понимаю всю важность моего преступленія противъ Азіатскаго обыкновенія, коимъ я можетъ быть обидѣлъ и сына моего благодѣтеля Багдасара. Не смѣя, ни объясниться, ни просить помилованія я повиновался безмолвно бѣдственному на меня изрѣченію. Вышедъ на улицу просилъ я убѣдительно сказаннаго мальчика, чтобъ по крайнѣй мѣрѣ онъ сжалился надъ моимъ положеніемъ и научилъ бы куда мнѣ дѣваться; ибо стужа была превеликая, а я въ одномъ былъ шерстяномъ кафтанѣ и въ сапогахъ безподошвъ. — Мальчикъ жалуясь мнѣ на своего хозяина, что онъ самъ терпитъ отъ него много обидъ, весьма благоразумно и въ коротких словахъ

утѣшалъ меня переносить мое нещастіе; а при томъ далъ мнѣ совѣтъ пойти къ одной женщинѣ, торгующей хлѣбами, разказавъ какъ ее найти, и что женщина сія находилась въ великой печали о своемъ сынѣ, уѣхавшемъ съ однимъ купцомъ въ Тифлисъ, котораго, по извѣстнымъ тамъ произшествіямъ, считала уже погибшимъ. Найдя ея домъ, съ рыданіемъ объяснилъ ей, что я чужестранецъ съ такой то стороны и не имѣю пристанища, и чтобъ она для любви къ сыну ея, оказала надо мной материнское милосердіе и дала бы мнѣ теплое мѣсто. Женщина сія, будучи тронута напоминаніемъ объ ея сынѣ и видя, что я дрожалъ отъ стужи, тотчасъ велѣла своей дѣвкѣ отвести меня въ тотъ покой, гдѣ она пекла хлѣбы. Дни чрезъ два, которые провелъ я совершенно спокойно, продложила она мнѣ ходить по городу и продавать ея хлѣбы, на что я согласился охотно, не смотря на то, что въ морозы былъ почти босикомъ только бы быть сыту. Она показала мнѣ грошь,

по чему продавать каждый хлѣбъ, и на учила по Грузински кричать: *цхели, цхели, пури.* (теплые хлѣбы). Но торговля моя продолжалась только четыре дни. Въ одномъ мѣстѣ я оставилъ въ долгъ десять хлѣбовъ; по одному въ день, въ продолженіи продажи, съѣдалъ, а можетъ быть еще нѣсколько гдѣ нибудь у меня и украли; то хозяйка, какъ я думаю, замѣтивъ, что приходъ съ разходомъ не вѣренъ, объявила мнѣ, чтобъ я, за оставленные мною въ долгу хлѣбы, 20 коп. взялъ себѣ и больше къ ней не приходилъ, не сказавъ о причинѣ сего изгнанія ни слова. Я прибѣгнулъ опять къ мальчику и увѣдомя о моемъ нещастіи, просилъ его помощи. По его старанію приспалъ я къ одному сторожу госпинаго двора, чтобъ посредствомъ его обзнакомиться съ тамошними купцами и научиться какимъ образомъ имъ прислуживать. Уговоръ между мною и сторожемъ состоялъ въ томъ, чтобъ я служилъ недѣлю собственно въ его пользу на своемъ хлѣбѣ; а служба сія главнѣйше со-

стояла въ рубкѣ дровъ и ношеніи воды. Между тѣмъ мальчикъ велѣлъ мнѣ, по вечерамъ, когда будетъ уже темно, приходить тихонько къ нему, что онъ будетъ меня кормить и отъ холода прятать на ночь въ медвѣжьи кожи, кои когда случились быть въ числѣ ихъ товаровъ. Но рубя дрова, съ утра до вечера, по непривычкѣ я не выдержалъ условленной недѣли, и нашелъ себя не въ силахъ продолжать таковой промыселъ. Ладоши мои всѣ были изтерты до крови. и я немогъ болѣе поднимать рукъ. — Усердный мальчикъ велѣлъ бросить сторожа, достадъ мнѣ старые, но еще крѣпкіе сапоги и совѣтовалъ какъ нибудь стараться купить тулупъ, спрашивая, нѣтъ ли у меня чего продать. Кромѣ свящцовъ, псалтыря и молитвенника которой читается у насъ въ церкви, въ продолженіе литургіи, ничего у меня не было. — Хотя книги сіи, какъ печатанныя въ первопрестольномъ монастырѣ, могли почесться рѣдкостію, по тому, что въ Моздокѣ никто таковыхъ

не имѣлъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ у рѣдкихъ находятся; въ Моздокѣ же особливо небыло такихъ грамотѣевъ, которые бы знали пользу и цѣну ихъ и захотѣли бы купить настоящею, или по крайней мѣрѣ не совсемъ обширною для меня цѣною. Болѣе не къ кому было прибѣгнуть, кромѣ тамошняго Армянскаго Діакона. Съ начала я предложилъ ему одинѣ только святцы; но безсовѣстный Діаконъ вымучилъ опъ меня и другія книги, за которыя въ самомъ Монастырѣ заплатилъ я безъ мала три рубли, а въ Моздокѣ въ тогдашнее время стоили они по крайней мѣрѣ пятнадцать рублей серебромъ; но Діаконъ далъ мнѣ за нихъ худой овчинной тулупъ, нестоившій болѣе одного рубля. — Сколь нибыло мнѣ горестно разставаться съ сими священными моими спутниками; но небыло другаго средства помочь крайности. Между тѣмъ мальчикъ продолжалъ меня кормить и весьма прилѣжно закупывалъ на ночь въ мѣха, такъ, что я лежа въ нихъ, спалъ спокойно. Чрезъ нѣсколько дней

онъ увѣдомилъ меня, что Кизлярецъ отправляется въ свое мѣсто, и совѣтовалъ его просить, чтобъ онъ взялъ меня съ собою въ Кизляръ, гдѣ я могу лучше найти средства ко своему пропитанію. По сему совѣту осмѣлился я войти къ Гостино-дворцу и упрашивалъ Моисеа оказать мнѣ послѣднее благодѣяніе: но онъ съ начала отъ того отказывался съ грубостію и ругательствами, говоря при томъ, что хозяинъ на меня жалуется и запретилъ приходить въ его домъ; но на послѣдокъ я убѣдилъ неотступными моими просьбами, а болѣе представленіемъ, что не отягощу его: ибо пойду пѣшкомъ и никакой разницы ему не сдѣлаю. Читатели мои, конечно замѣтятъ: до какой степени иногда бываютъ люди жестоки! что жъ касается до меня: по незнаю, во всѣхъ ли націяхъ таковыя встрѣчаются, кои бы съ равнымъ сему хладнокровіемъ могли, отказывать — въ необходимой помощи нещастному, даже и тогда, когда оная

не стоитъ имъ никакого труда, ни заботъ, ниже какихъ либо издержекъ.

Добрый и великодушный мальчикъ простился со мною съ искреннею чувствительностію, и далъ мнѣ на дорогу хлѣба и 20 коп. мѣдныхъ денегъ. И такъ 28 Декабря оставилъ я Моздокъ и отправился въ Кизляръ пѣшкомъ, а Мосесъ ѣхалъ въ нагайской кибиткѣ, называемой Араба, и на половинѣ дороги почеловѣколюбію своему бросилъ меня. Я дошелъ до Кизляра уже съ нагайскими Татарами, кои гораздо болѣе оказали мнѣ добродушія. — Ето было 3 Генваря 1796 года. Въ Кизлярѣ прибѣгнуть было не къ кому и дѣло необошлось безъ Мосеса, сколь нибылъ онъ тягостенъ, или прямѣе сказать, отвратителенъ для моей чувствительности, какъ человѣкъ жестокосердой. Отыскавъ его домъ, я предсталъ ему съ возможнымъ униженіемъ и убѣдительно просилъ принять меня къ себѣ въ работники въ его сады, около которыхъ я нѣсколько уже обращался. Онъ

согласился на мою прозьбу и предста-
вилъ о утвержденіи меня въ званіи ра-
ботника, своему отцу, который былъ
еще живъ. Но старикъ достойный отецъ
такого сына, какъ Мосесъ бросивъ на
меня презрительный и ненавистный
взглядъ, закричалъ: нѣтъ, ты у меня не-
надобенъ! — и тужъ минуту велѣлъ вы-
гнать за ворота безъ всякой жалости,
по тому, что я не Грузинской Армянинъ,
а уроженецъ настоящей Арменіи; при
чемъ примолвилъ: поди къ своему земляку
попу, онъ можетъ тебя возмети. Слуга
его взявъ меня за руку, потащилъ вонъ;
вышедъ изъ покоевъ, я убѣдительно про-
силъ слугу разсказать мнѣ подробно какъ
найти того попа и какъ его зовутъ.
Слуга съ торопливостію отвѣчалъ мнѣ:
посмотри съ улицы на окна, они всегда
заперты для того, чтобъ бѣдные не мо-
гли просить милостыни, и я въ 15 лѣтъ,
какъ у него живу, не видалъ, чтобъ онъ
подалъ что нибудь; да и намъ хлѣбъ
даетъ вѣсомъ. Тебя не принялъ для того,
что дни три ты долженъ еще будешъ

учиться, и по тому считаетъ, что напрасно будешъ у него ѣсть хлѣбъ. Я охотно бы тебѣ указалъ, гдѣ живетъ попъ, но боюсь замѣшкать; зовутъ его Лукою; поди прямо по улицѣ спроси кого нибудь, и съ сими словами побѣжалъ отъ меня опрометью.

Мнѣ стоило изрядnаго труда отыскать священника Луку. Кого ниспрашиваю, слышу только въ отвѣтъ, съ насмѣшкою, а особливо, гдѣ случалось быть вмѣстѣ двумъ, или нѣсколькимъ человѣкамъ: „ а! это видно землякъ ему;“ говоря при томъ по Персидски слѣдующія слова: *ето для твоей чести будетъ*; другіе же прибавляли къ сему: ступай дальше. Причина таковымъ насмѣшкамъ, какъ я узналъ послѣ, была слѣдующая:

Одинъ изъ родственниковъ сего священника, живущій у него въ домѣ, за отлучкою работника, рубилъ на дворѣ дрова, и тогда, какъ вышедшая изъ покоевъ попадья говорила ему, что онъ на-

кололъ уже довольно, разкалывая послѣднее полено, по простотѣ своей сказалъ ей: ну! *пусть ето для твоей чести будетъ.* Къ нещастію священника и его родственника, нѣкоторые, тутъ случившіеся, услышавъ выговоренныя имъ слова, расказали другимъ, а послѣ всѣ стали имъ дразнить обѣихъ. Кизлярскіе Армяне не любили Луку за то, что онъ былъ человѣкъ справедливый, строгой по своей должности и умнѣе прочихъ. — Наконецъ съ великимъ трудомъ отыскалъ я его домъ, просилъ у него покровительства и помощи. Помянутый родственникъ его оказался мнѣ коротко знакомымъ, ибо былъ изъ одного со мною селенія и по бѣдности пріѣхалъ къ священнику просить по родству его помощи. Оба они приняли меня съ радостію и усердіемъ и разспрашивали о всѣхъ обстоятельствахъ по нашей стороны. Удовлетворивъ любопытству ихъ, разсказалъ имъ о трудности, съ какою отыскалъ домъ и о насмѣшкахъ Армянъ. При чемъ по простотѣ моей не упустилъ

спросить священника, чтобы значили говоренныя мнѣ помянутыя слова, не думая во все, что вопросъ мой будетъ для него огорчителенъ, и что мнѣ надлежало прежде сыскать пищи для желудка, а не для неумѣстнаго любопытства моего. Священникъ и его родственникъ вдругъ перемѣнили видъ свой и первой съ печальнымъ тономъ сказалъ мнѣ: поди мой другъ въ такую-то церковь, и опъ меня скажи тамъ сторожу, чтобы онъ принялъ тебя къ себѣ, пока я переговорю съ нимъ самъ, и съ сими словами ушолъ опъ меня въ другую комнату, заперевъ за собою двери. Родственникъ его вышелъ еще прежде и я остался одинъ. Тогда уразумѣлъ я глупость мою, вспомнилъ наставленіе добраго моего учителя и пошелъ отыскивать церковнаго сторожа, проклиная опъ всего сердца Кизлярскихъ Армянъ и *ето для твоей чести будетъ*, которое къ нещастію моему имѣло столь важное и сильное на попа вліяніе. — Я полагалъ однако же, что сторожъ порученіе священника приметъ

съ уваженіемъ; но сей грубіянъ, будучи весьма пьянъ, встрѣтилъ меня съ различными ругательствами, бранилъ также священника и кричалъ съ азартностію:„ какое онъ имѣетъ право приказывать мнѣ принимать къ себѣ всякаго нищаго, какой только ему попадется. — И не смотря на убѣдительную мою прозьбу, дать мнѣ мѣсто хотя только до утра: ибо наступалъ уже вечеръ, — продолжалъ:„ у насъ есть правленіе да староста, а онъ что за повелитель! — и съ сими словами выполкалъ меня вонъ. Я опять пришелъ къ священнику и пересказалъ ему пріемъ сторожа. Онъ принялъ на себя трудъ и самъ пошелъ со мною къ сторожу; но мы не нашли въ немъ, какъ говорится, ни гласу, ни послушанія, сколько священникъ ни разкликалъ и неразталкивалъ его. — Онъ приказалъ мнѣ остаться тамъ до утра. — Я будучи голоденъ и при томъ опасаясь, что сторожъ проспясь, прибьетъ меня, немогъ сомкнуть глазъ во всю ночь. Однако онъ не прежде проснулся, какъ по утру.

Увидѣвъ меня закричалъ: а! ты здѣсь! Я потчасъ со всею униженностію пересказалъ ему, что священникъ самъ приходилъ со мною, но не желая его разбудить, велѣлъ мнѣ остаться до утра. Между тѣмъ народъ сталъ собираться къ заупрени. Я сколько ни усердно молился Богу, но непреминулъ стараться также и о томъ, чтобъ себя выказать, начиная про себя всякое слѣдующее чтеніе и пѣніе, также и Евангеліе напередъ: ибо наизусть зналъ всю церковную службу, со всѣми перемѣнами, когда какой бываетъ праздникъ. Я былъ замѣченъ многими, но кромѣ старосты, молодаго и весьма добраго человѣка; по имяни Мелконъ Зурабова, никто не принялъ во мнѣ участія. Послѣ заупрени, на вопросы его, кто я, и отъ куда? — валяясь у него въ ногахъ, и объяснивъ мое странствованіе и бѣдность, просилъ, чтобъ до пріисканія случая, позволилъ мнѣ остаться при церкви. Онъ принялъ прозьбу мою охотно, далъ сторожу нужное приказаніе и прислалъ мнѣ изъ дому

хлѣба, въ которомъ я имѣлъ великую нужду и слишкомъ уже сутки ничего не ѣлъ. — Между тѣмъ сторожъ, пившій запоемъ весьма храбро, ушолъ со всемъ домой, а я по порученію старосты правилъ его должность. Но на другой день праздника Рождества Христова, которое празднуется у насъ 6 числа Генваря, вмѣстѣ съ крещеніемъ, когда по обыкновенному церковному обряду, священники пошли съ крестомъ и святою водою по обывателямъ: то онъ непреминулъ явиться и возпользоваться частію доходовъ, видя таковую для себя не выгодность, я отнесся объ оной священнику Лукѣ, просилъ его сыскать мнѣ какое нибудь мѣсто, и чрезъ нѣсколько дней опредѣлился по его старанію сторожемъ въ гостинный дворъ, по десяти рублей на мѣсяцъ.

Дворъ гостиной стоитъ на краю города, на площади. — Въ то время находилось въ Кизлярѣ много войскъ, шедшихъ къ Дербенту. Двѣ ночи стражбы

моей прошли благополучно; но на третію посѣтили насъ гости; отперли шесть лавокъ; взяли, что было имъ нужно, а прочее разбросали по площади. При семъ произшествіи я и другіе два сторожа, караулили только сами себя; кому гдѣ довелось спрятаться съ начала я хотѣлъ было кричать *харай*, тоже, что по Руски караулъ, — но разсудилъ за лутчее такъже спрятатся. А на утро, объяснившись съ помянутымъ священникомъ, откказался отъ моей должности безъ дальнѣйшихъ притязаній со стороны кунцовъ. Послѣ сего священникъ досталъ мнѣ работу выбивать сарачинское пшено; которую исправлялъ я по разнымъ обывателямъ, вырабатывая въ день до рубля, кромѣ того, что давалось еще отъ хозяина хлѣбъ и вино. — По прошествіи нѣкотораго времени случилось мнѣ работать у одного зажиточнаго человѣка, и по прозьбѣ сына его, которой зналъ уже читать и писать кое что ему показывалъ и толковалъ; а особенно нѣкоторыя календарныя значе-

нія. Казалось бы усердіе мое заслужива-
ло отъ всякаго благодарности; но хозя-
инъ, на пропивъ того, по бѣдности и
худой моей одеждѣ обидѣлся онымъ такъ,
что осыпая меня всѣми возможными ру-
гательствами, и называя поступокъ мой
дерзостію; кричалъ между прочимъ: какъ
ты могъ осмѣлиться такой нищій въ ра-
зодранномъ рубищѣ, учить сына такого
человѣка, какъ я; а въ заключеніе сего
давъ мнѣ нѣсколько пощечинъ, выпол-
калъ со двора. Сіе приключеніе огорчило
меня гораздо менѣе, чѣмъ удивительною
показалась такая необычайная глупость
онаго человѣка.

Получа столь достаточное убѣжде-
ніе о необходимости имѣть хорошее
платье, я при удобномъ случаѣ, или пря-
мо сказать, подъ хмѣльную руку, купилъ
изъ выработанныхъ денегъ упомянутаго
сторожа, съ коимъ я по милости ста-
росты продолжалъ жить при церкви,
очень изрядной кафтанъ и шаравары, ме-
нѣе, нежели за два рубли. — Въ сіе же
время одинъ изъ тамошнихъ священни-

ковъ подарилъ мнѣ хорошую плисовую шапку. Надѣвъ мои обновы, я былъ въ немаломъ восхищеніи; а особливо когда тамошніе обыватели, оказывавшіе прежде ко мнѣ величайшее презрѣніе, увидя хорошее платье, вдругъ начали меня хвалить, и какъ я самъ слышалъ не одинъ разъ: а! Это очень разумной человѣкъ,— грамотной; онъ учился въ Араратѣ, читаетъ чрезвычайно скоро и твердо, — все знаетъ и проч. — Познавъ чрезъ сіе удивительное дѣйствіе хорошаго платья я благодарилъ Бога, что послалъ мнѣ случай нажить нѣсколько денегъ и весьма дешево купить платье. Доброй староста очень былъ радъ перемѣнѣ понятія обо мнѣ жителей, и чрезъ нѣсколько дней объявилъ мнѣ, что они по посредству его, уважая мою ученость, желаютъ опредѣлить меня къ церкви помощникомъ Діакона, и спрашивалъ на сіе моего согласія. Я охотно принялъ таковое предложеніе и благодарилъ усердно старосту. Но діаконъ будучи мнѣ не примиримымъ непріятелемъ, отозвался

обществу, что естьли они опредѣляпъ меня, по онъ откажется отъ своей должности; по чему обыватели и принуждены были отмѣнить свое намѣреніе. Причина непріязненному ко мнѣ расположенію діакона была слѣдующая: онъ училъ дѣтей грамотѣ, но, какъ мнѣ было извѣстно, ничего имъ необъяснялъ и неполковалъ; по чему я взялъ большое сомнѣніе, что онъ и самъ можетъ быть ничего не смыслитъ, и за нѣсколько предъ тѣмъ временемъ, какъ староста сдѣлалъ мнѣ помянутое предложеніе, сойдясь съ нимъ у сторожа, предложилъ ему одинъ текстъ изъ священнаго писанія, и просилъ, чтобъ онъ разтолковалъ мнѣ значеніе онаго. Будучи приведенъ въ изумленіе и небывъ въ состояніи мнѣ отвѣчать, онъ догадался, что я его экзаменую и столько раздражился моимъ вопросомъ, что вмѣсто изъясненія онаго, обругавъ меня со всемъ не по духовному едва не прибилъ, хотѣлъ выгнать вонъ отъ сторожа и побѣжалъ къ жившему подлѣ церкви обывателю, называемому крио-

вошею, Степану, съ жалобою какъ на меня, такъ и на старосту, что держитъ меня при церкви. Кривошей принявъ сію жалобу съ удовольствіемъ и уваженіемъ, представилъ обществу многого по его мнѣнію весьма важныхъ, но впрочемъ глупыхъ причинъ, что мнѣ при церкви жить во все негодится; по чему староста принужденнымъ нашелъ принять въ разсужденіи меня такія мѣры, чтобъ я жилъ при церкви тайно, и приходилъ туда вечеромъ, дабы никто того незамѣтилъ, и о семъ уговорился со сторожемъ. — Но не смотря на сіе, когда я надѣлъ на себя хорошее свое платье, общество Кизлярское превозносило меня похвалами, какъ выше сказано, и я сдѣлался было поддіакономъ, еспьли бы не смысленный діаконъ тому невозпротивился. Между тѣмъ продолжалъ я по временамъ доставать себѣ нѣсколько разъ работу, и безъ нужды пропитывался, — какъ наступило 14е число Февраля, когда у насъ празднуютъ день Срѣтенія Господня, то на канунѣ того дня, когда

надобно было идти въ церковь къ вечернѣ, старшій сынъ одного извѣстнаго въ Кизлярѣ человѣка, просилъ меня не могу ли я во время службы найти за старшимъ протопопомъ какой нибудь ошибки во время служенія, я охотно за сіе взялся и когда протопопъ сталъ читать Евангеліе, я споя близь того мѣста, также читалъ про себя, но такъ, что многіе около меня находившіеся могли слышать. Протопопъ будучи человѣкъ довольно уже пожилой не много замѣшался отъ того, что чтеніе мое было ему слышно. Будучи тѣмъ нѣсколько встревоженъ оглянулси на обѣ стороны, и къ большему еще замѣшательству, увидѣлъ, что и многіе то замѣтили. —

Бывъ поступкомъ моимъ обиженъ, по окончаніи Евангелія, приказалъ меня выгнать изъ церкви, что и было исполнено. Хотя я заслужилъ сіе по всей справедливости, однако нѣкоторые обыватели говорили ему, что я справедливъ, и что онъ напрасно такъ со мною поступилъ.

*

Послѣ вечерни пошелъ я прямо къ дому того человѣка, для котораго подвергнулся изгнанію и онъ принялъ меня съ великою благодарностію и радостію, такъ, что я съ ряду 4 дни праздновалъ у него въ домѣ. Отецъ его, братья и сестры также меня полюбили. Послѣ сего я въ случаѣ нужды всегда приходилъ къ нимъ равнымъ образомъ неоставлялъ меня и староста, и сіе по крайней мѣрѣ столько дѣлало мнѣ пользы, что я былъ всегда сытъ и доволенъ.

Гордые меня послѣ сего возненавидѣли совершенно; а другіе священники, которые были посмирнѣе, на противъ того полюбили сугубо; часто со мною бесѣдовали, толковали священное писаніе, и всегда были довольны моими объясненіями. — 29го Февраля: ибо 796 годъ былъ высокосный, случилось другое приключеніе, также на счетъ священниковъ. — За вечернею на сіе только число, читается у насъ изъ четь-минеи нѣсколько листовъ родословной отъ Авраама до

12 колѣнъ. — Надобно читать весьма скоро и твердо, чтобъ непродолжить много времяни; но такъ читать кромѣ меня было нѣкому. Староста предложилъ, чшобъ сіе чтеніе поручить мнѣ, и я къ общему удовольствію окончилъ весьма скоро. Священники, коихъ у насъ при церквѣ въ Армянскихъ селеніяхъ бываетъ отъ 3 до 6-ти, также и діаконы, сказали, что я въ чтеніи будто бы пропустилъ цѣлую половину. Старостѣ было весьма досадно и обидно. Онъ просилъ всѣхъ остановиться, чтобъ заставить меня прочитать въ другой разъ и при семъ смотрѣть, пропустилъ ли я, что нибудь или нѣтъ. Тотчасъ принесли другую чепь.минею. По одной я читалъ, а по другой повѣряли чтеніе мое трое. Чтобъ отличиться, я постарался прочитать еще скорѣе такъ, что и повѣряющіе почти неуспѣвали смотрѣть, и потомъ дѣйствительно увѣрились всѣ что я не пропустилъ ничего; а несправедливо притѣснявщіе меня священники принуждены были выслушать послѣ сего много

непріятныхъ словъ, какъ отъ старосты такъ и отъ прочихъ. Послѣ вечерни за сей мой подвигъ староста прислалъ мнѣ хорошій хлѣбъ, шпофъ виноградnаго вина и полтину денегъ. — Я и жившій тутъ же при церкви старичокъ, родомъ изъ ганджи, — бывшій въ Іерусалимѣ, потъ вечеръ очень были довольны и веселы; опорожнивъ шпофъ до суха, при содѣйствіи виноградныхъ паровъ, мы заснули крѣпко. Но въ самую полночь услышали чрезвычайный шумъ и стукъ на кровлѣ и въ дверяхъ. Вскочивъ оба со страхомъ старикъ началъ меня ругать за то, что я можетъ быть кому нибудь похвастался, что у меня есть пятьдесятъ копѣекъ, и что нришли теперь насъ грабить; а можетъ быть и убьютъ; я оправдывался тѣмъ, что ни куда не выходилъ и сидѣлъ весь вечеръ съ нимъ, а между тѣмъ гости одни уже спускались въ трубу, а другія выломили дверь. Говоря со старикомъ, я уже помышлялъ о средствахъ къ спасенію, и какъ скоро дверь затрещала, я припаился въ углу и съ помощію те-

мноты вышелъ вонъ, бросился на колокольню и ударилъ въ набатъ. Незваные гости принялись за старика, допрашивали о деньгахъ, но неразумѣя языка другъ, друга, одни продолжали бить, а другой кричать. — По моему позыву тотчасъ сбѣжался народъ, но старикъ былъ уже прибитъ такъ, что побои его нимало непоходили на шутку, и ясно показали всѣмъ, что обращеніе посѣтителей было слишкомъ грубо, короче сказать: признаки жизни въ старикѣ означались только вздохами; а въ прочемъ онъ былъ почти безъ памяти: ибо ему немного было и надобно. — Меня спрашивали: гдѣ горитъ? а я указывая на старика, отвѣчалъ имъ: вотъ въ немъ весь пожаръ и разсказалъ настоящую причину тревоги. — Кривошей первый обвинилъ меня и кричалъ, что я есть единственною причиною смятенія, и что староста обманулъ всѣхъ, сказавъ, я болѣе уже при церквѣ не живу и требовалъ, чтобъ меня немедленно оттуда выгнать и отправить на съѣзжій дворъ.

Староста хотя и представлялъ обществу, что я ни въ чемъ предъ ними не виноватъ, но не болѣе могъ успѣть, своимъ продстательствомъ, какъ только въ томъ, чтобъ не описывали меня на съѣзжую; а пристанища при церквѣ я долженъ былъ лишиться. Онъ немогъ другой оказать мнѣ помощи, какъ только велѣлъ мнѣ всегда приходить къ нему, когда я буду имѣть нужду въ хлѣбѣ, да и то тихонько, и даже хотѣлъ въ случаѣ сдѣлать мнѣ мѣсячное положеніе на пропитаніе. Принять же и держать меня у себя было бы дѣло для него опасное; ибо таковымъ поступкомъ показалъ бы, что идетъ противу всего общества; а болѣе бы озлобилъ тамошнее наше духовенство, которое составляло главныхъ моихъ непріятелей. — Они, говорилъ староста, изключая не многихъ, всегда стараются свои обиды отмстить въ трое въ четверо и сколько возможно, и для того будутъ искать всѣхъ случаевъ сдѣлать мнѣ огорченіе и зло, коль скоро я окажу тебѣ явное покровительство. Упромъ

пошелъ я къ священнику Лукѣ и объявилъ ему мое горе. Онъ присовѣтовалъ мнѣ наняться въ работники къ виноградным садамъ за обыкновенную тогда плату въ 6 мѣсяцовъ 50 рублей, съ каковыми деньгами по зимѣ я могу сдѣлать для своей пользы какой нибудь оборотъ, и въ тотъ же день опрекомендовалъ меня одному тамошнему жителю, заказанную плату, — что происходило на первой недѣлѣ великаго поста. Я тогда же переселился въ садъ, находившійся отъ города въ 7 ми верстахъ. Но какъ мнѣ видно суждено безпрестанно испытывать разныя приключенія; то и сдѣсь я неизбѣгъ ихъ. Садовникъ при первомъ шагѣ спросилъ меня, умѣю ли я что дѣлать и обходиться съ садомъ; я отвѣчалъ, что въ нашей сторонѣ довольно зналъ хорошо садовое искуство, но что здѣсь на первой случай всякое дѣло надобно мнѣ прежде разсмотрѣть. Злобная зависть обняла всю его душу, что хозяинъ положилъ мнѣ такое жалованье, когда я долженъ еще учиться и ругалъ

меня безъ милосердія. Я упрашивалъ его не одинъ разъ съ возможною убѣдительностію и даже со слезами, чтобъ онъ мнѣ показывалъ; но все осталось тщетнымъ, и сей жестокой человѣкъ пребылъ неумолимымъ. Я нарочно хаживалъ въ другіе сады и сколько возможно было старался замѣчать, что мнѣ было нужно. А садовникъ между тѣмъ не давалъ мнѣ ниже одной минуты спокойной и неудовольствуясь ругательствами, часто и бивалъ; — кормилъ худо, а при томъ ни одного куска не съѣдалъ я безъ слезъ. Однажды я рѣшился уже сказать ему, что онъ и самъ также много можетъ быть терпѣлъ, будучи изъ плѣнныхъ, что онъ не самъ по себѣ все узналъ, а по же какой нибудь доброй человѣкъ ему показывалъ и что *суди* по себѣ и боясь Бога, поступалъ бы равнымъ образомъ и со мною. Но онъ вмѣсто того, чтобъ убѣдиться моими представленіями, счелъ слова мои дерзостію и прибилъ меня еще болѣе прежняго, а потомъ оказывалъ сугубую ревность въ притесне-

ніи, такъ, что я почти и ночью не имѣлъ покоя. Мнѣ было скучно и то, что шесть недѣль небылъ я въ церквѣ, а наслѣдокъ потерялъ все мое терпѣніе и въ вербную Субботу услышавъ въ городѣ благовѣстъ къ вечернѣ, оставя садъ, ушелъ въ городъ. Прежде всего пришелъ въ церковь, а послѣ явился къ священнику, и объяснилъ мое положеніе. Съ искреннимъ сожалѣніемъ о моемъ претерпѣніи, онъ признался мнѣ, что по тамошнимъ несноснымъ жаламъ а особливо отъ комаровъ, дно бы было мнѣ сносить лѣтнюю работу, и предложилъ мнѣ опредѣлиться въ военную службу, и отправиться съ Россійскими войсками въ Персію, гдѣ, въ какомъ нибудь случаѣ я по извѣстной ему вѣрности моей и усердію, могу быть употребленъ съ пользою, говоря, что Главнокомандующій войсками Графъ В. А. Зубовъ, человѣкъ весьма милостивой и добродѣтельной, и что онъ самъ будетъ обо мнѣ просить находящагося при немъ валантера и перевотчика а изъ Ар-

мянъ Маіора С. . . — Предложеніе сіе я принялъ съ радостію, и доброй священникъ тотъ же часъ пошелъ къ сказанному Маіору и ходатайствовалъ за меня сколько могъ, Гнъ С..... далъ священнику честное слово сдѣлать меня щастливымъ, потому болѣе, что люди, знающіе тамошнія мѣста, языкъ и обычаи, какъ онъ говорилъ, дѣйствительно будутъ нужны. — Насказалъ при томъ ему весьма много о важности своего поста, и о наградахъ, какія можетъ онъ дѣлать по заслугамъ каждаго, которыя будутъ находится въ его свитѣ, что въ его возможности состоитъ удостоивать ихъ и къ награжденію чинами или по смерть пенсіонами, кромѣ того, онъ можетъ еще награждать ихъ и изъ собственныхъ доходовъ съ Крымскихъ деревень, (: которыхъ по повѣркѣ неоказалось :) и что особенно мнѣ, естьли я буду вѣренъ и усерденъ, по уваженію къ таковому обо мнѣ ходатайству, положитъ онъ пенсіона по 1000 рублей въ годъ, и словомъ, сдѣлаетъ со мною то, что всѣ Армянѣ

удивятся; доброй священникъ по простотѣ своего сердца весьма скоро повѣрилъ симъ обѣщаніямъ и прибѣжавъ домой запыхавшись со всею торопливостію и возпоргомъ высказалъ мнѣ будущее мое благополучіе, и въ ту же минуту хотѣлъ меня отвѣсти къ Г. С. Симъ неожидаемымъ извѣстіемъ я приведенъ былъ въ возхищеніе, однако желалъ прежде разчитаться съ Кизлярцомъ за полтора мѣсяца моей работы въ его саду, на что священникъ едва согласился, опасаясь, чтобы между тѣмъ другой не воспользовался моимъ счастіемъ. Кизлярецъ не смотря на то, что я противъ воли оставилъ его садъ, неуважая ни трудовъ, ни моего мученія, ниже моей нищеты, отказалъ въ удовлетвореніи меня съ грубостію, потому, что я не выжилъ у него срочнаго времяни. Священникъ недалъ мнѣ ничего съ нимъ говорить и тащилъ скорѣе къ С. — У него нашли мы многихъ изъ Кизлярскихъ Армянъ, которые приходили къ нему засвидѣтельствовать свое почтеніе. Онъ занимался въ

это время пересчитываніемъ ассигнацій своихъ, и повторялъ сіе нѣсколько разъ, можетъ быть для того, чтобъ показать себя человѣкомъ, готовымъ разсыпать на всѣхъ свои благодѣянія и щедроты, или занятымъ важными расчотами. Потомъ, когда священникъ со всею униженностію представилъ ему меня, то онъ на передъ спросилъ: сколько я хочу жалованья, и вдругъ за симъ избавивъ меня отъ труда отвѣчать, сказалъ: ну, — ты можешъ надѣяться получать по тысячѣ. — Это привело меня въ такой восторгъ, что всѣ члены мои трепетали отъ радости и я обѣщалъ ему всевозможное усердіе и вѣрность къ службѣ до послѣдней капли крови. — Онъ спросилъ меня, знаю ли я по Фразнцузски, или хотя по Нѣмецки, или на другомъ какомъ Европейскомъ языкѣ. Я, чтобъ избавить его отъ дальнѣйшаго труда, сказалъ ему, что я Пердсидской уроженецъ, и знаю только Армянскій, Персидскій и Турецкій. Армяне спросили его: что онъ конечно знаетъ всѣ тѣ языки;

о которыхъ меня спрашивалъ? да, отвѣчалъ онъ, и всѣ только ахнули. Послѣ сего С. разсказывалъ намъ всѣмъ, предъ нимъ предстоящимъ, что онъ, въ какихъ важныхъ о извѣстныхъ дѣлахъ былъ употребляемъ и какіе воздаваемы были ему почести. Всѣ вѣрили его баснямъ безъ малѣйшаго сомнѣнія, и были приведены въ удивленіе его знаменитостію, а особливо 2. (*) Священикъ откланявшись ему, поручилъ меня его покровительству и милостямъ и съ чистосердечнымъ умиленіемъ благословивъ, пожелалъ мнѣ счастія, и такимъ образомъ я остался у Г. С. Онъ принялъ къ себѣ еще четырехъ Армянъ. Одинъ изъ нихъ, какъ я послѣ узналъ, промоталъ все отцовское имѣніе въ Астраханѣ, другой былъ цирюльникъ Енокъ, не имѣвшій почти во все никакого понятія о своей религіи; третій былъ извѣстный по Кизляру без-

(*) Немалой поводъ подало мнѣ вѣрить всему отъ него мнѣ обѣщанному и то, что я никогда еще не видавъ пудреныхъ головъ, и сочтя потому Г. С. сѣдымъ, думалъ про себя, неуже ли такой почтенной пожилой человѣкъ станетъ меня обманывать?

дѣльникъ; а четвертый великой ябѣдникъ и лжецъ, хотя всѣ они были большіе охотники наливаться виномъ, но первый изъ нихъ превосходилъ въ томъ прочихъ своихъ товарищей. С. назначилъ мнѣ должность, чтобъ слѣдовать въ походѣ въ передъ и по назначенію квартермистра разбивать Колмыцкую его кибитку, или палатку; а потомъ кормить лошадей. Для наученія меня, нѣсколько разъ велѣлъ онъ ее ставить, собирать и укладывать на Арабу, а потомъ заставлять меня дѣлать тоже, чтобъ научился совершенно. — Изъ такого порученія, сколько ни поздравлялъ меня священникъ съ моимъ благополучіемъ, я не могъ предвидѣть онаго, и со дня на день, болѣе сталъ сомнѣваться въ томъ, и наконецъ рѣшился объясниться о семъ съ самимъ священникомъ, замѣтивъ ему при томъ и о свойствахъ людей, составлявшихъ свиту С. Но онъ успокоивалъ меня тѣмъ, что можетъ быть Г. С. дѣлаетъ надо мною испытаніе, и потому уговаривалъ потерпѣть и ожидать развязки.

Товарищи мои, будучи праздны, занимались въ продолженіи страстной недѣли только пьянствомъ, а я не имѣя времяни отлучаться отъ квартиры, имѣлъ великую нужду даже въ хлѣбѣ. Между тѣмъ Г. С... много и имъ насулилъ всякаго счастія, и они разсказывали о томъ всѣмъ по Кизляру Армянамъ, которые тѣмъ скорѣе всему тому вѣрили, чѣмъ меньше имѣли свѣденія о правилахъ и способахъ человѣка сего.

Между тѣмъ Главнокомандующій далъ приказъ войскамъ собраться въ лагерь за рѣкою Терекомъ, куда и я по приказанію Г. С... отправился съ палаткою его, и тамъ приготовилъ ее. Это было въ свѣтлое Христово Воскресеніе. Мнѣ не удалось даже сходить въ церковь, и разговѣлся весьма худо. Во вторникъ войска выступили въ походъ далѣе по дорогѣ, ведущей къ Дербенту. На семъ пути встрѣтилось затрудненіе въ переправѣ чрезъ рѣку Койсу. — Но за сіи труды войска наши довольно повеселились въ

городѣ Тарху; отъ куда 1 го Маія пришли къ Дербенту (*) и расположились лагеремъ близь горы, лежащей пропиву Дербентской крѣпости, гдѣ находились двѣ главныя Персидскія башни, или батареи. Мѣсто сіе, весьма пріятно и выгодно для лагеря, наконецъ расположились по высотамъ, гдѣ въ старину было кладбище. По роздыхѣ, Главнокомандующій послалъ въ городъ къ Шихъ Алихану объявить ему, чтобъ оный сдалъ безъ кровопролитія, въ сходствіе изданнаго Манифеста, но Ханъ не токмо не согласился на сдачу города, да еще сверхъ того болѣе сталъ оный укрѣплять.— Кромѣ крѣпости, и за городомъ подѣланы были укрѣпленія, называемыя по Персидски Бурджама, что означаетъ батареи.

Прежде всего, надлежало взять приступомъ батареи, или Бурджи. Я рѣшился быть всегда близъ сраженій, и хотѣлъ все видѣть; для того почасту оставляя лошадей Г. С... въ полѣ съ прочими, просилъ

(*) При семъ прилагается видъ города Дербента.

Снят: Сапу: Г. Сергѣевымъ. 1796 года. | Гра: Осиповъ.

Видъ Города ДЕРБЕНТА при Каспіскомъ Морѣ ‖ Ձև քաղաքին ԴԱՐԲԱՆՏՈՒ որ կայ ի յեզր Ծովուն Կասպից:

Արդեամբ իմով՝ ի լոյս ածի: Յարուն Վարժապետի: Ս.Գ.Ր: 1812.

надсматривать за ними караульныхъ козаковъ. Для безопасности, я дѣлалъ мои наблюденія изъ шанцовъ, и находилъ чрезвычайное удовольствіе, смотрѣть на летающія изъ нашего лагеря бомбы, какъ на явленіе новое, и доселѣ мнѣ неизвѣстное.—

Прежде прибытія съ войсками Графа В. А. Зубова къ Дербенту, находился тамъ за нѣсколько мѣсяцовъ, козацкій Генералъ Савельевъ, съ небольшимъ корпусомъ. — Но какъ скоро прибыли многочисленнѣйшія войска, то находившіеся въ Дербентѣ богатые Армяне, домовъ до ста, видя, что Россійскія прокламаціи не останутся тщетными, и городъ рано или поздно будетъ взятъ, для спасенія себя отъ бѣдствій, тотчасъ сдѣлали между собою тайной совѣтъ, чтобъ пособить Россійскимъ войскамъ, взять городъ безъ кровопролитія и для того, склонивъ одного опважнаго Армянина, спустили его въ ночное время за крѣпость по веревкѣ съ тѣмъ, чтобъ онъ указалъ, какъ крѣпостныя мѣста, куда бы съ пользою можно

было производить огонь, такъ и тотъ ключь, находившійся за крѣпостью, и снабжавшій весь городъ водою, безъ котораго, естьли отвесши его въ другую сторону, граждане не могутъ существовать иногда почти дня. — Сей Армянинъ пришелъ въ Россійскій станъ благополучно, и бывъ представленъ къ Графу, объявилъ ему чрезъ переводчика, причину своего посольства.

По приказанію его, подъ вечеръ 8 го числа, взяли помянутыя внѣшнія батареи штурмомъ, какъ пункты весьма важный, съ коего было видно все внутрь крѣпости; а 9 го числа отвели ключь, и стали бомбардировать городъ, и особливо ту его часть, гдѣ былъ Ханскій домъ. — Персіане во все не думали быть побѣжденными, а особливо надѣясь на вспомогательное войско, которое шло къ нимъ изъ Дагистана. — Но увидѣвъ потерю Бурджей, пришли въ великой страхъ. Противъ сего мѣста притащили они свою чугунную пушку, которая одна только у

нихъ и была, и которую однимъ удач-
нымъ съ нашей стороны выстрѣломъ, при-
вели въ недѣйствіе. Въ тотъ же день
увидѣли они, что отнята у нихъ и вода.
Таковое стѣсненіе подѣйствовало надъ
ними еще болѣе, такъ, что они приня-
лись уже мыслить, объ отвращеніи дальнѣй-
шаго зла, какого могли ожидать отъ
штурмованія города, добровольною его
здачею.— Ханъ общимъ совѣтомъ первыхъ
своихъ чиновъ, положилъ сдаться и пере-
говоры о томъ поручить Армянамъ, въ
той увѣренности, что они, какъ Хри-
стіане, могутъ окончить дѣло сіе съ луч-
шею для Персіанъ пользою. И такъ вы-
бравъ для сего Депутатомъ любимца
сестры Ханской, перваго изъ Армянскаго
общества, Дадашъ Степана, человѣка
почтеннаго и престарелаго, дали ему
полную волю сдѣлать договоръ, какой
онъ заблаго признаетъ. Дадашъ Степанъ,
пришелъ въ станъ 10 го числа, былъ пред-
ставленъ Графу, и получилъ въ отвѣтъ,
между прочимъ слѣдующія кондиціи:

1.) Чтобъ Ханъ, немедлѣнно выслалъ ключи города; опорожнилъ крѣпость отъ своихъ войскъ, и самъ явился въ станъ Россійской.

2.) Чтобъ всѣ жители города, были обезоружены.

Послѣ сего отвѣта, приходили въ станъ главные чиновники Хана, чтобъ удостовѣриться въ справедливости объявленнаго Дадашемъ положенія. 11 го числа напередъ вынесены были ключи города, а за симъ въ слѣдъ прибылъ и Шахали-Ханъ, окруженный своею свитою. Великодушный побѣдитель вышелъ ему на встрѣчу, принялъ его съ приличнымъ уваженіемъ, и оказалъ величайшую ласку.— Ханъ, сперва исполненный страха трепеталъ; потомъ совершенно таковымъ пріемомъ былъ успокоенъ. Главнокомандующій приказалъ для него разбить богатую и самую лучшую палатку, поставилъ предъ нею гарнизонъ - вахту, и опредѣлилъ ему большое содержаніе. Г. С. приставленъ былъ къ

нему безотлучно, съ тѣмъ, чтобъ доставлять ему всякое удовольствіе, а между тѣмъ имѣть нужное наблюденіе какъ за самимъ Ханомъ, такъ и за всѣми къ нему приходящими, и недопускать ни-докакого тайнаго съ кѣмъ либо разговора. Прочимъ въ его свитѣ находившимся также отведены особыя палатки. Въ тотъ день сдѣланъ большой парадъ и нѣкоторое торжество, а вечеромъ была иллюминація. Того же числа вступила въ крѣпость небольшая часть нашего войска, и по главнымъ мѣстамъ учреждены пикеты, а прочіе, какъ и Главнокомандующій, остались въ лагерѣ. Изъ города и въ городъ, никто немогъ войти и выйти, какъ по билетамъ дежурнаго Полковника Е. И. Миллера Закамельскаго. 12 го пришли къ Хану, его мать и сестра, и просили Графа очень убѣдительно, пощадить Хана, по молодости лѣтъ его и простить, что онъ осмѣлился противиться. Онѣ также приняты были весьма милостиво.

Между тѣмъ господинъ мой, сдѣлавшись приставомъ Хана, сколько казался великъ, особливо по наименованію А. Б. столько на пропивъ того былъ я несчастливъ: ибо не говоря уже о прочемъ, самое пропитаніе мое, состояло только въ чорныхъ сухаряхъ, кои получалъ я и то съ превеликою трудностію и большими укоризнами со стороны денщика Г. С. Вся моя бѣда произходила отъ того только, что я не разумѣлъ еще Россійскаго языка. Однажды, узнавъ, что вышеупомянутый Дадашъ былъ въ палаткѣ Г. С. зашелъ я полюбопытствовать что говорятъ, и что дѣлаютъ составляющіе свиту моего господина; и нашелъ, что головы ихъ по обыкновенію были уже довольно наполнены винными парами. Только, что я вступилъ въ палатку, какъ они всѣ принялись меня ругать за то, что я осмѣлился къ нимъ войти. Дадашъ, какъ человѣкъ почтенный и добрый, тотчасъ за меня вступился, и говорилъ имъ, что они напрасно мѣня обижаютъ, а потомъ спросилъ меня, изъ какого я мѣста

и какъ нахожусь у Г. С. Я увѣдомилъ его крапко о мѣстѣ моего рожденія, какимъ образомъ порученъ Г. С. отъ Священника, и какія сдѣланы были мнѣ при семъ обѣщанія; послѣ сего Дадашъ велѣлъ мнѣ придти къ себѣ въ домъ и вышелъ изъ палапки, показавъ явное презрѣніе къ свипѣ Г. С.— По приказанію его пришедъ на другой день въ домъ Дадаша, пересказалъ ему подробно всѣ мои приключенiи. Выслушавъ меня съ полнымъ сердечнымъ участіемъ, онъ изъявилъ величайшее обо мнѣ сожалѣніе и совѣтовалъ, чтобъ я отойдя отъ С. остался у него, обѣщавъ по способностямъ моимъ женить меня на единственной дочери старшаго ихъ Протопопа и сдѣлать Священникомъ, говоря, что по смерти Протопопа я получу себѣ и все его имѣніе, словомъ: составитъ мнѣ все возможное благополучіе, и что онъ обѣщаніе, которое мнѣ дѣлаетъ, подтвердитъ письменно и непремѣнно его исполнитъ, чему и все общество будетъ радо, по тому болѣе, что они весьма нуждаются

въ Священникахъ, а особливо въ столь знающихъ, какъ я. Мнѣ однако казалось дѣломъ безсовѣстнымъ, оставишь Г. С. не испросивъ на то его согласія и по тому сказалъ я Дадашу, что будучи порученъ ему отъ Священника, не могу отойти отъ него безъ спроса. Дадашъ на сіе согласился и я тогда уже объяснился съ Г. С. какъ о моихъ нуждахъ и обидахъ, кои я претерпѣваю по моей у него должности и отъ свиты его, такъ и о приглашеніи Дадаша. Но Г. С. покачавъ головою и назвавъ меня глупымъ и неопытнымъ, сталъ сожалѣть о моей простотѣ и говорилъ: неужели ты прельщаешся такимъ состояніемъ, которое не-болѣе можетъ тебѣ доставить, какъ тысячь пять, а много десять. — Дадашъ далъ слово сдѣлать тебѣ то, чтобъ всѣ удивились, и мнѣ, какъ человѣку столь сильному и значительному, стыдно бы было, естьли бы я несдержалъ моего слова и недоставилъ тебѣ того, и естьли бы отпустилъ тебя менѣе нежели съ такимъ то состояніемъ;

словомъ, онъ насулилъ мнѣ столько разныхъ благополучій, что стыдно мнѣ и писать о томъ. Въ прочемъ объ огромности таковыхъ обѣщаній можно судить и по тому, что 5 или 10 тысячь считалъ онъ совершенною бездѣлицею, недостойною даже и вниманія его. За всѣмъ тѣмъ я очень чувствовалъ, сколь мало должно такимъ словамъ вѣрить, но судя по тому и сильнымъ убѣжденіямъ его несмѣлъ думать того, чтобъ они во все были ложны, или бы остались тщетными и чтобъ я чего нибудь отъ него недобился,— и по тому рѣшился стяжать душу мою въ терпѣніи.— Чтожъ касается до обидъ моихъ, то онъ говорилъ съ нѣкоторою азартностію: да кто здѣсь смѣетъ сказать тебѣ что нибудь? а въ разсужденіи того, что я всегда голоденъ: какъ! онъ вскричалъ, я приказалъ все тебѣ давать! и съ сими словами ушелъ отъ меня съ торопливостію, какъ будто самъ спѣшилъ принести мнѣ что нибудь для обѣда; однако и за тѣмъ положеніе мое не поправилось.

18 го числа Маія по повелѣнію Главнокомандующаго, всѣ войска снялись и выступили въ дальнѣйшій походъ чрезъ Дербентъ по Кубинской дорогѣ къ Шамахѣ.— Въ продолженіи 17 ти дней стоянки подъ Дербентомъ, войско очень поправилось и люди весьма были здоровы. Погода была пріятнѣйшая, воздухъ чрезвычайно чистъ и свѣжъ; ключевой воды и травъ было изобильно, а частію созрѣвали и фрукты. Провіанта имѣли безъ нужды, словомъ, ни въ чемъ небыло недостатку, всѣ были довольны и веселы, кромѣ одного обстоятельства, которое причинило было нѣсколько хлопотъ, и о которомъ хочу я упомянутъ, чтобъ отдать справедливую честь усердію, вѣрности, и бдительности Дербентскихъ Армянъ.

По вступленіи войскъ Россійскихъ въ городъ, когда все уже утихло, самые главные изъ Персіанъ приготовляли тайный ковъ. Они переписались съ ожидаемыми изъ Дагистана войсками и распоряжались, чтобъ сіи сдѣлали на крѣпость

и лагерь внезапное нападеніе, тогда, какъ все находилось въ безопасности. Вееьма вѣроятно, что такая тревога причинилабы не малую разстройку, судя по стремительности и дерзости Лезгинскихъ нападеній, но Армяне тогдаже провѣдавъ о семъ намѣреніи Персіанъ, тотчасъ дали знать объ ономъ Главнокомандующему; они даже указали и мѣсто скопища заговорщиковъ и перехватили одно ихъ письмо. Въ слѣдствіе чего 12 ть человѣкъ изъ главнѣйшихъ зачинщиковъ взяты были подъ стражу и отосланы куда слѣдовало. Послѣ того отыскано было еще нѣсколько человѣкъ такихъ же соумышленниковъ, и спокойствіе возстановлено совершенно. Генералъ Савельевъ оставленъ былъ въ крѣпости съ нѣсколькими тысячами. — Войска шли въ удивительномъ порядкѣ и съ совершенно веселымъ духомъ. Первой привалъ сдѣлали на степи, называемой Рубасы-Чолъ подъ деревнею Моллахалылъ.— Ханъ Дербентской находился въ войскѣ, онъ имѣлъ впрочемъ полную свободу и всякое

довольствіе. Свита его каждый день, а особливо по вечерамъ, раздѣляла съ нимъ время, и они всѣ казались оттмѣнно веселы. Во время марша Ханъ удивлялъ все войско своимъ искуствомъ въ верховой ѣздѣ; лошадь была у него также чрезвычайная по своей быстротѣ и виду. По крутизнамъ, едва возходимымъ, она скакала съ необыкновенною легкостію. Ханъ такъ сказать игралъ, и кромѣ удовольствія ничего нечувствовалъ. Нѣкоторые изъ свиты его также имѣли отличныхъ лошадей и кажется ни чѣмъ болѣе незанимались, кромѣ какъ вмѣстѣ съ Ханомъ раздѣляли его удовольствіе; подъ деревнею Моллахалылъ простояли съ недѣлю. Кубинской Ханъ, состоявшій въ зависимости Дербентскаго, какъ его подданный, прибылъ въ станъ Главнокомандующаго съ объявленіемъ добровольнаго его подданства, и привелъ съ собою въ подарокъ Графу отличныхъ лошадей. Главнокомандующій принялъ и отпустилъ его съ совершенною благосклонностію. Можно справедливо сказать, что Ханъ

во все неожидалъ той степени свободы и тѣхъ выгодъ, какими пользовался опъ доброты души и сердца благотворившаго ему Графа. — Мушкурскіе Армяне были при войскахъ въ числѣ вожатыхъ. Они заблаговремянно предупредили войско наше, чтобъ недопущать лошадей своихъ и прочей скотъ на паству: ибо по оныимъ мѣстамъ на несколько верстъ разстоянія, находятся ядовитыя травы, которыхъ ежа только скотъ хватитъ, тотчасъ заражается и падаетъ; чему мы всѣ были очевидцами. Армія шла берегомъ Каспійскаго моря, которое находилось въ лѣвой рукѣ, а по правую Кавказскія горы; походъ отъ чрезвычайнаго жару продолжался тихо. Въ день неболѣе проходили какъ верстъ 25, потомъ отдыхали день и два. 1 го Іюня войска прибыли къ рѣкѣ Самуръ, выходящей изъ горъ и впадающей въ море. По безмѣрному стремленію воды переправа чрезъ нее была весьма затруднительна, и надѣлала весьма много вреда. Не смотря на всѣ средства предосторожно-

сти и усилія, многія маркитантскія повозки съ запасами и другія были опрокинуты и унесены въ море. За сею рѣкою въ лѣвой рукѣ къ морю находится Мушкуръ, мѣсто, заключающее въ себѣ селеній до десяти. Армяне, въ нихъ живущіе, опасаясь мщенія со стороны Персіанъ за свое усердіе и услуги, Россійскимъ войскамъ оказанныя, принуждены были послѣ, такъ какъ и Дербентскіе Армяне и прочіе, оставивъ домы свои, прекрасные сады и плодоносныя поля, и все недвижимое имущество и удалиться въ Россію. Они поселились около Кизляра и по нынѣ сохранили свое названіе. 7 го Іюня остановились подъ деревнею Еграхъ, гдѣ простояли нѣсколько дней. Отсюда пройдя нѣсколько верстъ въ передъ, и потомъ поворотя въ гору, примѣрно верстъ до 5, находится на горѣ область, или провинція Губа. — На семъ мѣстѣ, гдѣ поворотъ къ Губѣ, сдѣланъ былъ привалъ; по томъ на первомъ маршѣ приняли въ право къ Шамахѣ долиною же, съ начала весьма обширною и приле-

гающею съ лѣвой руки къ морю, а по томъ окруженною съ обѣихъ сторонъ горами. На семъ маршѣ Дербентской Ханъ по обыкновенію играя на своей лошади скакалъ туда и сюда, то по долинѣ, то по крутизнамъ горы и ускакивалъ на довольное разстояніе. Господинъ мой С. считая себя дядькою и опекуномъ столь знаменитой особы, возхищался ловкостію и проворствомъ Хана, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самимъ собою. — На конецъ, недоходя еще до сказаннаго поворота къ Шамахѣ, когда поравнялись противъ одной Персидской деревни, стоявшей на горѣ весьма высоко, такъ, что едва можно было ее видѣть, Ханъ вдругъ пустилъ лошадь прямо къ деревнѣ. Съ начала неподозрѣвая его намѣренія, смотрѣли только на его удальство и легкость лошади, скакавшей по совершенной крутизнѣ на подобіе зайца; но по томъ увидѣли, что игрушка обращается въ настоящее бѣгство; послали въ погоню козаковъ; но какъ лошади ихъ не привыкли по горамъ бѣгать, то Ханъ между

тѣмъ въ виду ихъ добрался до деревни, и тамъ скрылся. — Прочіе изъ его свиты, кои надѣялись на своихъ лошадей, послѣдовали примѣру его и ускакали подъ предлогомъ обыкновеннаго рисканія, тѣмъ свободнѣе, что вниманіе всѣхъ обращено было на одного Хана.

Господинъ С. по видимому весьма худо удовлетворилъ сдѣланной ему довѣренности. Занимаясь только своею величавостію и оскорбляя ею даже своихъ товарищей, природныхъ Русскихъ Офицеровъ, — онъ, такъ сказать, былъ обворожень мнимымъ уваженіемъ къ нему хитраго Хана и свиты его, и столько прельщался названіемъ А. Б. Персіанами ему присвоеннаго, что даже допустилъ Хана сдѣлать предварительное къ бѣгству разпоряженіе, и когда уже оно приведено было въ дѣйствіе, то позже всѣхъ могъ онъ сіе примѣтить. Что Ханъ не въ одну минуту и не на томъ самомъ мѣстѣ вздумалъ удалиться, то вѣроятность сего видна изъ слѣдующаго: когда козаки

окружили деревню и отыскивали въ ней Хана, но вдругъ съ трехъ сторонъ по трое поскакали въ разныя стороны. — Козаки незнали, куда бросится, ибо ни лошади Ханской, ни того платья, въ которое онъ одѣвался находясь въ войскѣ, ни на комъ небыло примѣтно. На конецъ бросились преслѣдовать на удачу. Козаки сдѣлали больше, нежели по справедливости можно было отъ нихъ требовать, судя по отличной быспротѣ Персидскихъ лошадей: они поймали и привели двѣ партіи, т. е. шесть человѣкъ, но третьей недостигли и даже слѣдовъ немогли узнать, и въ сей то щастливой партіи находился Ханъ.

Господина С. тотчасъ приказано было арестовать, опечатать его имущество и приставить къ нему караулъ, съ тѣмъ, чтобъ кромѣ Русскаго языка ни на какомъ другомъ ни съ кѣмъ неговорилъ, а о томъ, что будетъ говорить, каждодневно рапортовать дежурному Полковнику.— Лошадей его также отобрали, а

я остался свободнымъ. — Въ сей день войску надлежало бы войти на гору и дойти до источника Гуртъ - Булага, (: что значитъ волчій источникъ :) но Главнокомандующій далъ повелѣніе остановиться и отыскивать Хана, — однако же всѣ поиски остались тщетны.

Господинъ С. до сего случая на маршѣ, когда случалось проходить мимо, или близко селеній, посылалъ пьяныхъ своихъ Рыцарей къ жителямъ съ повелѣніями дать для него все нужное, какъ то: вина, пшена, хлѣбовъ и прочихъ съѣстныхъ припасовъ и фуража для лошадей, объявляя при таковыхъ случаяхъ, что онъ такой-то знамѣнитой человѣкъ и главное то, что Ханъ, какъ говорилъ онъ, находится унего въ полной власти.— Армяне и Персіане въ самомъ дѣлѣ считавшіе его за таковаго, какимъ онъ себя выдавалъ, несли къ нему всячину.— Рыцари его при семъ незабывали и себя, и какъ посланники напередъ были угощаемы до безпамятства пива и путь свой продолжали

въ полномъ удовольствіи и изобиліи, будучи безъ просыпу всегда пьяны.

Въ такомъ состояніи, по крайней мѣрѣ могли они считать себя не во все лишенными того счастія, какое обѣщалъ имъ С. а я бѣдный человѣкъ не зная себѣ покоя, едва неумиралъ съ голода. — Какъ скоро С. заарестовали: (* то они тотчасъ его оставили и разбрелись въ разныя стороны. Я же на противъ того видя его отъ всѣхъ оставленнымъ, забылъ всѣ мои огорченія, нужды и стѣсненія, и по Христіанскому ученію что за зло должно платить добромъ, рѣшился не-

(* По общему голосу обвиненіе С. сколько мнѣ было извѣстно, состояло въ томъ, *Первое*: что онъ худо наблюдалъ за поведеніемъ Хана и не только не старался проникать въ намѣренія, но даже и дѣйствія его оставлялъ по видимому безъ примѣчанія. *Второе*: что зная свойство Персіянъ, ни самъ непринималъ осторожныхъ мѣръ, ниже предварилъ о томъ начальство, и допускалъ Хана поступать съ лишкомъ свободно. *Третіе* что онъ какъ всѣми примѣчено, занимался только пиршествами и чрезъ то допустилъ себя быть обольщеннымъ мнимою веселостію Хана, и что вообще упустилъ свою обязанность. Впрочемъ много еще и кромѣ того говорено было.

оставить его до тѣхъ поръ, пока онъ неосвободится, или некончится его дѣло.— Пришедъ къ нему при переводчикѣ объявилъ ему мое сожалѣніе объ его несчастіи и готовность къ его услугамъ, объяснивъ при томъ ему все, что даетъ мнѣ справедливое право быть имъ недовольнымъ, и что я забываю по единственно для его несчастія.

Господинъ С. будучи удивленъ и пронутъ моимъ поступкомъ, изъявлялъ сожалѣніе, что до сего времяни незналъ меня хорошо; разкаявался въ дурныхъ со мною поступкахъ и на послѣдокъ стараясь увѣрить меня, отвѣчалъ словами Царя Давида: что естьли онъ забудетъ добродушное усердіе мое, то да будетъ забвенна десница его, и прильпнетъ языкъ къ гортани его, естьли непомянетъ меня въ началѣ веселія своего; и что онъ, когда освободится отъ своей бѣды, тогда раздѣлитъ со мною послѣдній кусокъ хлѣба, если не въ состояніи будетъ сдѣлать мнѣ что нибудь больше. Платье

мое, купленное въ Кизлярѣ, было уже изношено до тла; Г. С. далъ мнѣ овчинный тулупъ, взятый у его деньщика. Можетъ быпь онъ нашелъ бы около себя что нибудь и другое, но одѣлъ меня въ шубу, какъ можно думать, по тому разсчету, что я по погдашней жаркой погодѣ не всегда буду носипь его. — Простоявъ на мѣстѣ для поисковъ надъ Ханомъ двои сутки, подъ конецъ трепьяго или четвертаго дня пришли на гору и остановились у Гурпъ-Булага, чпю было около половины Іюня, да много также надсмапривали строго, я немогъ ничего писать и даже говорипь много съ С. кромѣ необходимыхъ нуждъ да и то чрезъ переводчика. Онъ выдавалъ мнѣ на расходы для него, меня и одного находившагося еще при немъ мальчика, по одному рублю на недѣлю; однако и присполь рѣдкой умѣренности, рука его дрожала, въ это время стала мнѣ весьма уже примѣтно природная и съ характеромъ его сопряженная скупоспь. — Сей суммы было бы во все не-

достаточно, но я каждый день ходилъ по Арманамъ, слѣдовавшимъ за Арміею и почти въ милостыню испрашивалъ хлѣба, вина, сыра, пшена и прочаго; а сверхъ того, многіе чиновники Арміи заставляли меня приготовлять для нихъ плавъ за что всегда мнѣ платили. — Такимъ образомъ доставлялъ я безъ бедное пропитаніе себѣ и Г. С. съ его мальчикомъ.

Многіе Штабъ и Оберъ - Офицеры, недовольные его поведеніемъ, а особливо другіе два переводчика, видя безкорыстное мое усердіе и добрые поступки съ Г. С. кои я оказывалъ не смотря на всѣ понесенныя отъ него угнѣтенія и нужды, безпрестанно совѣтовали мнѣ, чтобъ я подумалъ о собственной моей безопасности и пользѣ, говоря при томъ, что я потеряю себя, естьли еще далѣе останусь у него; нѣкоторые же изъ нихъ предлагали мнѣ пойти къ нимъ во услуженіе и давали по 20 руб. на мѣсяцъ жалованья, болѣе какъ я полагаю для того, чтобы мною опинять у Г. С. по-

слѣднюю для него помощь, которой по читали его недостойнымъ. Они даже предсказывали мнѣ, что Г. С. за все мое усердіе заплатитъ мнѣ самою черною неблагодарностію. — Но я рѣшительно отвѣчалъ, что нежелаю никакой платы и неожидаю отъ С. никакой благодарности; что я неоставляю его и по тому, что онъ оставленъ всѣми и даже своими соотчичами, и что платы за мои поступки я ожидаю отъ одного Бога, которой повелѣваетъ служить и врагамъ своимъ и благословлять кленущихъ насъ; друзей же своихъ и язычники умѣютъ любить и дѣлать добро тѣмъ, отъ кого сами видятъ добро. —

На стоянкѣ у Гуртъ-Булаха пріѣхалъ къ Главнокомандующему отъ Грузинскаго Царя Ираклія посланникомъ одинъ богатый Армянинъ, Сигнахской уроженецъ. Предмѣтъ посольства его былъ, какъ я слышалъ, тотъ, что Царь Ираклій имѣя намѣреніе идти на Ганджу противу Персіанъ, опасается имъ разореніе своего

Государства и смерть подданныхъ его, просилъ у Графа помощи. — Узнавъ о пріѣздѣ сего посланника, я любопытствовалъ его видѣть, и неболѣе, какъ дни чрезъ четыре встрѣтился съ нимъ у развода. — Я со всемъ его незналъ, и кажется никогда невидалъ въ бытности мою въ Сигнахѣ, но онъ при первомъ на меня взглядѣ тотчасъ подошелъ ко мнѣ съ радостнымъ видомъ и сказалъ: а! Другъ мой! ты здѣсь? — По томъ спросилъ: какимъ образомъ, попался я въ Россійскую Армію, и у кого нахожусь въ такой ужасной бѣдности, какъ онъ меня видитъ. — Я пересказалъ ему коротко только послѣднія мои произшествія въ Кизлярѣ и что нахожусь въ услуженіи у Г. С. Онъ знавши уже исторію его подробно, изъявилъ мнѣ сожалѣніе, что я попался въ такія худыя руки; — по томъ увѣдомилъ, сколь много сожалѣлъ обо мнѣ Докторъ и всѣ вообще Сигнахскіе жители, что я ихъ оставилъ, а послѣдніе полагали, что я удалился изъ города тайно. — Я также, продолжалъ онъ,

весьма былъ огорченъ твоимъ уходомъ. Мы всѣ надѣялись, что ты непремѣнно будешъ у насъ Священникомъ. Докторъ сердечно желалъ сдѣлать тебя своимъ сыномъ, выдать за тебя свою дочь и съ нею все свое имѣніе. — Чемъ тебѣ терпѣть здѣсь такое бѣдствіе и жить у человѣка, отъ котораго ты терпѣлъ и терпишь много нужды, а сверхъ того какъ говорятъ, для него собираетъ милостыню, и кормитъ его, согласись лучше возвратиться въ Сигнахъ; — я исправлю всѣ твои нужды и уплачу долги, какіе бы на тебѣ ни были. — Общество наше приметъ тебя съ радостію, и неторкмо заплатитъ за всѣ издержки, но сверьхъ того наградитъ тебя въ трое и болѣе. Ты будешъ сдѣланъ тотчасъ старшимъ Священникомъ надъ всѣми. Съ тѣхъ поръ, какъ ты замѣтилъ ихъ ошибку, они живутъ между собою несогласно и причиняютъ чрезъ то обществу много неудовольствій. Мы видѣли твое знаніе въ Церковномъ служеніи и были увѣрены, что ты совершенно исправишъ всѣ без-

порядки и подашъ другимъ примѣръ своимъ поведеніемъ, которое доказалъ въ бытность свою у Доктора; а особливо сострадательность и благодушіе твое, оказанное противу Ериванскаго выходца; о чемъ послѣ тебя разсказывалъ намъ Матеосъ, утвердилъ всѣхъ тамъ въ той мысли, что въ тебѣ имѣли бы мы лучшаго и примѣрнаго Священника.— Естьли ты согласисся ѣхать въ Сигнахъ, я объявлю здѣсь мое обязательство отъ лица всего тамошняго Общества, для чего имянно я тебя туда отправилъ и сей часъ сдѣлаю все, что для тебя нужно.— Оставаясь же у настоящаго своего господина, ты неможешъ ничего надѣяться добраго; его вина, какъ всѣмъ извѣстно, столько велика, что погибѣль его, кажется неизбѣжною, и я опасаюсь, что естьли ты отъ него неотстанешъ, то непослѣдовало бы чего худаго и съ тобою; а для того совѣтую удалиться заблаговремянно, чтобъ послѣдняя твоя, какъ говоритъ Священное писаніе, не было горьше первыхъ. Унасъ же ты

будешъ жить спокойно, въ полномъ удовольствіи и совершенномъ уваженіи. — Я отвѣчалъ ему на сіе: милостивѣйшій господинъ мой! до сихъ поръ тѣло мое отъ самаго младенчества терпитъ всѣ испытанія, какъ и вы нѣсколько уже знаете; я привыкъ переносить мое нещастіе и мои нужды;— терплю все и надѣюсь, что рано или поздо, Богъ призритъ на меня съ милосердіемъ, помилуетъ и избавитъ меня отъ золъ моихъ. — Я чувствую въ полной мѣрѣ то счастіе, которое вы не по достоинству моему, но по одному только ко мнѣ милосердію предлагаете; но я далъ предъ Богомъ въ сердцѣ моемъ слово, чтобъ неоставить несчастнаго моего господина; онъ оставленъ всѣми и мое къ нему усердіе есть единственною теперь для него отрадою. Естьли же я измѣню моему слову, то умножу болѣзнь его и горесть.— Я поступаю такъ по слову Евангельскому, и нежелаю другаго счастія, кромѣ того, которое обѣщаетъ оно въ будущемъ вѣкѣ.— Богатство и удовольствіе, которое конечно могу я

получить у васъ, для меня есть излишность и ничего мнѣ не прибавитъ, кромѣ суеты и безпечности. — Естьли Богу угодно будетъ надѣлить меня онымъ, то я ничего теперь еще не терплю; но естьли оставлю несчастнаго, тогда потеряю все и спасая отъ нуждъ тѣло мое, погублю душу. Но какъ вы разположены мнѣ сдѣлать благополучіе, то я прошу васъ всеуниженнѣйше обождать до тѣхъ поръ, какъ Г. С. освободится на волю. Можетъ быть Богъ избавитъ его отъ сей бѣды, которую онъ навлекъ на себя, тогда я буду свободенъ отъ моего обѣщанія, и могу оставить его, будучи спокоенъ въ моей совѣсти. За тѣмъ я просилъ его, чтобъ онъ для лучшаго моего удостовѣренія, по прибытіи обратно въ свое мѣсто, прислалъ ко мнѣ отъ всего общества бумагу о томъ, къ чему онъ меня приглашаетъ, и чтобъ онъ изъ состраданія къ моему хозяину, не говорилъ никому объ нашемъ разговорѣ, что конечно будетъ ему прискорбно, и такъ сказать приложимъ раны къ ранамъ его. —

Въ заключеніе увѣрялъ его, что я съ радостію исполню приказаніе общества, и непремѣнно отправлюсь къ нимъ тотъ же часъ, какъ скоро буду свободенъ. Упрашивая его пощадить моего хозяина я сколько былъ разпроганъ его положеніемъ, или лучше сказать собственною моею чувствительностію, что даже плакалъ. — Посланникъ хотя чрезвычайно былъ недоволенъ моимъ отвѣтомъ, однако обѣщалъ сдѣлать все по моему, и только подтверждалъ, чтоб я его не обманулъ. При прощаніи нашемъ смотря на то, что я былъ босикомъ, подарилъ мнѣ на покупку обуви два рубли Грузинскими серебряными деньгами. Состояніе мое между тѣмъ день отъ дня становилось тягостнѣе.— Каждое утро, до восхода солнечнаго, ходилъ я отъ лагеря, такъ какъ на версту, къ одному ключу и тамъ обремененный моею горестію молился Богу. Однажды находясь въ такомъ трудѣ, и проливая обильныя слезы, остановилъ глаза мои на возходящее солнце. Оно было еще на самомъ всходѣ и

весь горизонтъ покрытъ былъ какъ бы кровавыми облаками. Отъ слезъ ли, или отъ разстроеннаго моего положенія, показалось мнѣ въ тѣхъ облакахъ нѣсколько человѣческихъ головъ, а надъ солнцемъ бѣгающіе люди въ задъ и въ передъ Явленіе сіе въ такой привело меня страхъ и трепѣтъ, что я бросился лицомъ на землю и лишился памяти. — Въ такомъ положеніи пробылъ я болѣе часа, какъ наши калмыки, пришедшіе на сіе мѣсто поить верблюдовъ, меня разтолкали. Я увидѣлъ тогда солнце довольно уже высоко и не знаю въ безчувственности ли, или во снѣ, то время находился. — Приключеніе сіе, какъ и вообще горесть мою, я старался сколько возможно скрывать отъ Г. С., опасаясь, чтобъ неусугубить его страданія.

Войска на Гурпъ-Булахѣ простояли около полутора мѣсяца. Трава была почти вся вытравлена, такъ, что лошадей надлежало бы отгонять верстъ до 12 и болѣе;— но такая отдаленность со

стороны Горскихъ хищниковъ была опасна; почему въ послѣднихъ числахъ Іюля мѣсяца выступили отъ Гуртъ-Булага къ обширной долинѣ Персеиду у старой Шамахи, стоящей на самой подошвы Кавказскихъ горъ. Въ Гуртъ-Булагѣ воздухъ былъ очень пріятный и здоровый; но въ Персеидѣ нашли сухой и палящій. — Походъ съ Гуртъ-Булага былъ весьма затруднителенъ; ибо къ Персеиду надлежало спускаться по каменистой крутизнѣ. Жители старой Шамахи, по причинѣ частыхъ набѣговъ отъ Горскихъ разбойниковъ, принуждены были оставя свои дома, переселится на другое мѣсто, которое называется новая Шамаха, или Ах-су, по имяни тамошней рѣки, что значитъ бѣлая вода. Отъ старой Шамахи отъ 15 до 20 верстъ на вершинѣ горы есть крѣпкое и неприступное мѣсто Фитъ-Даги, къ коему на нѣкоторое разстояніе идетъ только одна весьма узкая дорожка. — Въ опасное время, при случающихся тамъ безпокойствахъ, жители новой Шамахи и всей тамошней

Области, собираются туда.— При нашествіи Ага - Магометъ - Хана на Грузію, Шамахинской Ханъ незахотѣлъ подклониться подъ его иго, и со всѣмъ народомъ удалился на Фипъ-Даго. Гористыя мѣста здѣсь покрыты были пажитями и составляли пріятное зрѣлище. Въ слѣдъ за войскомъ прибыли сюда изъ Россіи Архіепископъ Армянскій и находившійся въ Петербургѣ посланникомъ Царя Ираклія К. Ч. Главнокомандующій, для пользы службы, принялъ ихъ съ уваженіемъ и обласкалъ сколько возможно. — Епископъ посланъ былъ къ Шамахинскому Мустафѣ Хану съ тѣмъ, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Россійской станъ, не такъ какъ къ непріятелямъ, но для изъявленія дружбы. Они съѣхались въ деревнѣ Сагіанъ, стоящей на горѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Персеида. Въ тамошнемъ Армянскомъ Монастырѣ Епископъ далъ присягу Хану въ томъ, что онъ будетъ принятъ у насъ какъ другъ и свободно возвратится въ свое мѣсто. По прибытіи Хана, Главнокомандующій принялъ его съ прилич-

нымъ ему уваженіемъ и увѣрилъ, что Россійскія войска во всѣй его Области поступать будутъ пріятельски. Ханъ съ своей стороны говорилъ между прочимъ, что онъ ожидалъ, и будто бы желалъ прихода Россіянъ, и просилъ Графа оказывать ему свое покровительство и защиту противу Шаха, котораго онъ почитаетъ своимъ непріятелемъ. По отъѣздѣ Хана, Епископъ и К. — Ч. вздумалъ просить Графа о прощеніи Г. С. Они хотѣли чрезъ то прославить свое имя и избавить націю отъ того безчестія, что одинъ изъ ихъ земляковъ будетъ вѣчно несчастливъ. — Какъ бы то ни было, однако Епископъ и посланникъ, сколько много ни надѣялись на благосклонность къ нимъ великодушнаго Графа; но вмѣстѣ съ тѣмъ знали и важность проступка Г. С. противу присяги и Государства, и потому не прежде приступили къ ходатайству, какъ напередъ чрезъ письма убѣдили Шамахинскаго Хана, войти въ общее съ ними посредство. Ханъ на сіе согласился и съ своей сто

роны писалъ о томъ къ Графу убѣдительное письмо. Графъ желая сдѣлать имъ удовлетвореніе, единственно для того, что они могутъ оказать какую нибудь услугу, приказалъ представить предъ себя С. и въ присудствіи ходатаевъ и прочихъ чиновъ арміи, перечиталъ ему всѣ его поступки, укорилъ невѣрностію къ службѣ, нарушеніемъ присяги, и сколь тяжкому подлежитъ онъ осужденію; потомъ даровалъ ему прощеніе и приказалъ возвратить ему саблю и все его имущество. Какъ скоро Г. С. освободился, то вмѣсто того, чтобъ прославлять милосердіе Графа и помыслить о исправленіи своихъ поступковъ, онъ принялся за прежнее ремесло. Тѣмъ Арманамъ, которые еще его не знали,— нѣкоторымъ Персіанамъ и другимъ проспякамъ, говорилъ и хвасталъ что его не нашли виноватымъ и проч: Я понималъ тогда уже по русски многое что говорятъ, и частію могъ отвѣчать. Прислушиваясь иногда къ разговорамъ въ корпусѣ, а болѣе всего по случаю за арестованія Г. С. я имѣлъ уже

настоящее объ немъ понятіе и удивлялся какъ его необыкновенной спрасти къ хвастовству, такъ и тому, что онъ во все не чувствовалъ ни Божіяго къ нему милосердія, ни Графскаго благодѣянія. Впрочемъ будучи радъ его свободѣ, я почиталъ уже и себя свободнымъ воспользоваться первымъ благопріятнымъ случаемъ въ мою пользу; а между тѣмъ положилъ со всевозможнымъ вниманіемъ наблюдать за его поведеніемъ, и такъ сказать ходить по слѣдамъ его. По самохвальству его, многіе бѣдные Армяне приходили къ нему съ разными прозьбами, какъ къ человѣку сильному, и онъ всякому обѣщалъ сдѣлать удовлетвореніе. Люди сіи почти всегда толкались у нашей палатки, въ ожиданіи милостей Г. С.; однажды они просили меня напомнить ему о своихъ нуждахъ, я зналъ уже, что мой господинъ ихъ обманываетъ, но рѣшился полюбопытствовать объ его отвѣтѣ и за то удостоился изрядныхъ отъ него ругательствъ, что вмѣшиваюсь не въ свое дѣло.

Послѣ сего С. услышавъ, что Графъ хочетъ послать къ Ганджинскому и Шушинскому Ханамъ съ предложеніемъ вступить въ подданство Россіи, не упустилъ употребить сей случай въ свою пользу, упросивъ Архіепископа ходатайствовать у Графа, чтобъ оное посольство поручено было ему; за что обѣщалъ Епископу прославить его между тамошними Армянами, и непремѣнно довести ихъ до того, что они придутъ къ нему на поклонъ. Архіепископъ охотно на сіе согласился. Ходатайство его было принято и С. посланъ къ обѣимъ Ханамъ; такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ онъ могъ выполнить сіе порученіе по принаровкѣ къ свойствамъ Персіанъ, лутчимъ образомъ; а при томъ Главнокомандующій имѣлъ весьма убѣдительную причину надѣется, что С. задарованное ему прощеніе къ заслуженію же важной вины своей неоставить въ семъ случаѣ употребить съ истиннымъ усердіемъ всѣхъ своихъ способностей.

По отъѣздѣ его, я бывъ оставленъ имъ по его обыкновенію безъ всякаго пропитанія, вскорѣ получилъ съ однимъ Тифлисскимъ жителемъ письма отъ помянутаго Сигнахскаго Армянина, бывшаго посланникомъ отъ Царя Ираклія и отъ Доктора Матеоса. Первый писалъ ко мнѣ, что онъ въ разсужденіи моего съ нимъ положенія, разпорядилъ все по моему желанію, и убѣждалъ скорѣе пріѣзжать въ Сигнахъ; а Докторъ Матеосъ изъявляя въ чувствительныхъ выраженіяхъ свою ко мнѣ любовь и сожалѣніе о настоящемъ моемъ положеніи, между прочимъ писалъ, что какъ, по дошедшему до нихъ слуху, тотъ Маіоръ, у котораго я живу, оказался въ важномъ преступленіи, то для меня предосудительно и даже опасно находиться при такомъ человѣкѣ; по чему и совѣтовалъ, чтобъ я скорѣе пріѣзжалъ къ нимъ, что онъ приметъ меня какъ роднаго сына и чтобъ я на исправленіе нуждъ своихъ для отъѣзда занялъ бы на щотъ его;

сколько будетъ мнѣ нужно; а сверхъ того, естьли есть на мнѣ долги, то какіе бы они ни были, онъ заплатитъ все, и сіе письмо предъявилъ бы я для докуменпа. — Въ самомъ дѣлѣ Матеосъ былъ столько извѣстный человѣкъ, что я легко бы могъ у Грузинскихъ, или Тифлисскихъ Армянъ, по предъявленіи письма его, достать денегъ, сколько бы ни понадобилось. — Я ничего не могъ предпринять за отъѣздомъ С., ниже отвѣчать на сіи письма по слѣдующему произшествію, случившемуся на тѣхъ же днахъ.

Ханъ Нуралій, человѣкъ молодой лѣтъ 20, происходящій, какъ онъ называлъ себя, отъ крови законныхъ Государей Персіи, по неудовольствіямъ бѣжалъ оттуда въ Россію и находился въ Кизлярѣ Главнокомандующій, какъ человѣкъ чувствительной, принялъ участіе въ его судьбѣ и взялъ съ собою. Ханъ сей пользовался всѣми возможными милостями Графа, называлъ его всегда отцомъ и

казался преданнымъ ему со всею сыновнею горячностію. — Онъ имѣлъ довольно большую свиту и весьма достаточное содержаніе; а сверхъ того какъ, было извѣстно, Графъ хотѣлъ сдѣлать его гдѣ нибудь Ханомъ. Онъ всякой день веселился за вечернимъ столомъ съ своею компаніею и утѣшался съ одними песенниками, которые имѣли весьма пріятный голосъ, и по большой части пѣли одну любовную Персидскую пѣсню, которая столько понравилась у насъ въ Арміи что почти всѣ ее выпвердили и пѣли.—, Днемъ ничемъ другимъ незанимался какъ игрою, или ристаніемъ на лошадяхъ по своему обыкновенію; — словомъ жилъ въ полномъ удовольствіи, особливо со времени побѣга Дербенскаго Хана, котораго имѣніе все отдано было также ему. — Графъ да и всѣ совершенно увѣрены были въ его преданности и по благодѣяніямъ ему оказываемымъ имѣли право ожидать отъ него такого разположенія.— Надобно отдать справедливость, что Персіане

признательны и благодѣтельны, но только въ своемъ мѣстѣ, когда они повелѣваютъ сами, несостоятъ подъ чужою властію и живутъ подъ своимъ закономъ;— въ противномъ же случаѣ, никогда нельзя положиться постоянно на ихъ вѣрность. — Подобно тому и Нуралій Ханъ, несмотря на всѣ благодѣянія, выбиралъ только удобнѣйшій случай, чтобъ настоящее благосостояніе свое промѣнять на неизвѣстное; впрочемъ планъ его думать надобно былъ, по его мнѣнію, самый благопотребнѣйшій: ибо онъ затѣялъ покуситься на жизнь своего благодѣтеля и погибель всего войска.— По ихъ заключеніямъ когда Главнокомандующій будетъ убитъ, тогда уже и все побѣждено. — Нуралій Ханъ пользуясь отмѣнною довѣренностію и благоразположеніемъ Графа, тѣмъ свободнѣе могъ разполагать своимъ замысломъ и приспособлять его къ выполненію, а какъ ему ни въ чемъ небыло отказываемо, что составляло его удовольствіе, то онъ забралъ въ

свиту свою человѣкъ до ста Персіанъ, подъ предлогомъ верблюдниковъ, конюшихъ и прочихъ служащихъ. — Мустафа, Хань Шамахинскій, пріѣзжалъ въ корпусъ не одинъ разъ и съ нимъ видался. — Нуралій сверьхъ того нерѣдко посылалъ изъ своей свиты въ Шамаху для закупки нѣкоторыхъ потребностей и посредствомъ сего, или какимъ другимъ способомъ, сдѣлалъ съ Мустафою заговоръ, который вскорѣ бы приведенъ былъ въ дѣйствіе, естьлибъ нечаянный случай необнаружилъ онаго.

Нѣкоторые говорили, что будто бы схваченъ былъ одинъ изъ его свиты, посыланный съ письмомъ къ Шамахинскому Хану; но достовѣрнѣе то, что когда Нуралій, съ своею свитою занимался бѣганіемъ налошадяхъ, тогда упала съ него шапка. Одинъ изъ приставленныхъ къ нему для надзиранія чиновниковъ, изъ перекрещеныхъ Горцовъ, который былъ при немъ и за переводчика, замѣтилъ при

семъ выпавшее изъ шапки, завернутое по Персидскому манеру письмо, и осторожно оное скрылъ.— Нуралій можетъ быть въ тотъ день ненашелъ удобнаго случая переслать его, а возвратясь въ лагерь и во все о томъ забылъ. Письмо тотчасъ цредставлено было къ Графу и перевеdено. Нуралій писалъ къ Мустафѣ уже въ послѣдній разъ и назначалъ день и часъ, когда онъ долженъ былъ напасть нечаянно на лагерь и прямо наставку Главнокомандующаго; онъ же въ то время съ своими храбрыми людьми будетъ въ готовности, нападетъ съ нимъ вмѣстѣ и когда такимъ образомъ убьютъ Главнокомандующаго, тогда все будетъ побѣждено. — По приказанію Графа палатку Нуралія Хана окружили ночью и безъ всякаго почти шума обложили его оковами, и отправили куда приказано. Свита его также вся была захвачена; у всѣхъ нашли въ готовности потребное оружіе, которое имѣть было имъ возпрещено, и которое они пригоповили тайно,—по сему

самому приняты были всѣ мѣры осторож-
ности. Письма доставленныя ко мнѣ изъ
Сигнага также разпечатанныя и я немогъ
иначе отвѣчать на нихъ, какъ только
словесно тому, кто ихъ доставилъ, опа-
сась, чтобъ не навлечь на себя какого
либо сомнѣнія. Шамахинской Ханъ уз-
навши о участи своего соумышленника,
тотчасъ убѣжалъ и оставилъ свой го-
родъ.

Между тѣмъ войско находилось въ
трудномъ положеніи. Отъ чрезвычайныхъ
жаровъ и употребленія плодовъ, появи-
лись въ оном болѣзни, и сего нещастія
ничѣмъ другимъ отвратить было не
можно, кромѣ запрещенія привозить фрук-
ты, для чего поставлены были вездѣ ка-
раулы. Лошади, верблюды и быки болъ-
шою частію попадали отъ недостатка
въ фуражѣ; ибо трава, была почти вся
или выправлена, или выгорѣла, а на по-
слѣдокъ сдѣдалась и вредною по сѣрному
свойству земли; при томъ же наступила

ненастливая погода и дожди. По сему Графъ далъ повелѣніе немедленно выступить къ Шамахѣ, которая хотя недалѣе была какъ верстъ на 15, однако переходъ сей за недостаткомъ лошадей, верблюдовъ и воловъ, для перевозки тяжестей, былъ очень запруднителенъ.

Дядя Мустафы Хана, Гассимъ Ханъ, человѣкъ престарѣлой, по опасности отъ своего племянника, жилъ у Шакинскаго Хана. Узнавши о бѣгствѣ Мустафы, прибылъ въ Шамаху и заступилъ его мѣсто.— Сей престарелый Ханъ вышелъ на встрѣтеніе войску, и съ предложеніемъ подданства своего Россіи, самъ ввелъ Главнокомандующаго въ крѣпость. Графъ весьма былъ доволенъ поступкомъ сего Хана и тутъ же торжественно поздравилъ его дѣйствительнымъ владѣтелемъ Шамахи; который съ своей стороны въ собраніи всего войска далъ присягу въ вѣрности подданства. Ему поднесены

(* При семъ прилагается точный видъ церемоніалъ.

Снят. Сочин. Г. Сергеевымъ. 1796 года.

Гра. Петровъ

Приведение къ присягѣ на подданство Новошамахинскаго Гассимъ-Хана, среди Россійскаго корпуса, подъ командою Гр. В. А. Зубова, при рѣкѣ Аксучай, въ 1796 году.

Զև քաղաքին Նոր ՇԱՄԱԽՈՒ որ առ Աղսու գետով. և վն երդման Ղասում խանին ի հպատակութի ենթ Ռուսաց Տէրութե ընդ իշխանութ Կոմսակալ Գր: Վ: Ա: Զօրուքն: 1796:

Արդեամբ իմով ծլոս աշխ. Յարութ Վաղարշապատցի: Ս. Պ. Բ. 1812.

были въ даръ на большомъ серебреномъ блюдѣ золотые и серебреные деньги равно другіе знатные подарки. Сія церемонія сопровождаема была пушечною и ружейною пальбою. — По тамошнему обыкновенію дѣти во весь день кричали провозглашеніе Гасимъ-Хана владѣтелемъ, а вечеромъ какъ лагерь, такъ и городъ были иллюминованы.

Отсюда Главнокомандующій отправилъ часть войска къ Ганджѣ подъ Начальствомъ Генерала Булгакова въ помощь Царю Ираклію, который, какъ выше сказано, желалъ отмстить бѣдствіе своего отечества и впервые пошелъ противу Ганджинскаго Хана, который былъ путеуказателемъ Шаховымъ войскамъ и съ своими войсками находился всегда въ переди. Архіепископъ и посланникъ Ираклія отправились съ тѣми же войсками. По выходѣ ихъ возвратился и мои господинъ изъ своего Посольства съ нѣкоторыми данными ему тамъ въ подарокъ вещами для которыхъ собственно онъ и

ѣздилъ. Во первыхъ я объяснилъ ему о претерпѣнныхъ мною трудностяхъ и нуждахъ, ибо онъ при отъѣздѣ своемъ не оставилъ мнѣ на пропитаніе ни копѣйки; а по томъ о приглашеніи Грузинскаго Посланника и Доктора, и даже показалъ ко мнѣ ихъ письма, не смотря на то, сколько много написано было въ нихъ на щетъ его непріятнаго. — Мушкурскіе Армяне подтвердили ему какъ то, что письма сіи дѣйствительно справедливы, такъ и то, что Сигнагскій Армянинъ еще во время его ареста, приглашалъ меня ѣхать съ нимъ, съ обѣщаніемъ знатныхъ наградъ; о чемъ было молчано по собственному моему великодушію, чтобъ при его нещастіи не причинять ему новаго огорченія.— Г. С. принявъ на себя всегда готовый у него на таковые случаи видъ, далъ мнѣ почувствовать, что я опять впалъ въ заблужденіе и сталъ жалѣть обо мнѣ. По томъ вновь наговорилъ мнѣ множество нелѣпыхъ обѣщаній и убѣдительнымъ тономъ, изъявляющимъ истинное и совершенное во

мнѣ участіе и расположеніе ко всему для меня доброму, совѣтовалъ и даже просилъ меня потерпѣть только до возвращенія въ Россію. Сими послѣдними словами, онъ болѣе всего могъ меня обезоружить, заставишь отказаться отъ путешествія въ Сигнахъ и оспаться при немъ.

Войска терпѣли въ Шамахѣ, или Ахсу, такъ же немалую нужду, отъ того, что по глинистому здѣсь свойству земли отъ выпадавшихъ часто дождей сдѣлалось такъ вязко что невозможно было ходить; а болѣе всего, что въ продоволствіи имѣли большой недостатокъ. Посему Главнокомандующій рѣшился для препровожденія зимняго времени искать лучшаго мѣста и на сей конецъ далъ повелѣніе выступить къ Муганочолу, т. е. Муганской степи, простоявъ въ Ахсу около трехъ недѣль, что было уже въ Сентябрѣ мѣсяцѣ — При выходѣ войскъ Гасимъ Ханъ подтвердилъ присягу свою въ вѣрности и Графъ не имѣлъ никакой

причины сомнѣваться, чтобъ облагодѣтельствованный имъ старикъ нарушилъ оную тогда, когда единственно отъ Графа ожидалъ устроенія своего благополучія.

Мугана - Чолъ отъ новой Шамахіи лежитъ въ лѣвой къ юго-востоку. Походъ намъ продолжался трои сутки.— На нѣкоторое отъ Шамахи разстояніе сблизились мы съ рѣкою Куръ, впадающею въ Каспійское море; на семъ походѣ войско претерпѣло отъ глинистаго грунта новое затрудненіе. Но съ другой стороны много имѣло отрады и вмѣстѣ съ тѣмъ пользы отъ гранатъ во множествѣ растущихъ по берегу Кура; коими оно пользовалось съ совершеннымъ изобиліемъ на дорогѣ, также въ виду войска, бѣгали стадами олени, но по слабости лошадей неимѣли никакой возможности за ними гоняться.

Войско остановилось и поставило лагерь при рѣкѣ Курѣ, на весьма про-

странной и пріятной луговой долинѣ; козацкія же полки, подъ командою Генерала Платова, перешли на другую сторону рѣки, на Мугана-Чолъ, куда и всѣ лошади и другой скотъ были переправлены. — Войско, любимому Предводителю своему построило, можно сказать, въ короткое время двуэтажный деревянный домъ, каковаго не было и у частныхъ владѣтелей Персидскихъ.

Муганская степь есть единственная и обширнѣйшая изъ всѣхъ степей Персіи; — но могла быть полезна для арміи только въ то время, въ которое на нее прищли: она по всему ея пространству, какъ и лагерное мѣсто, покрыпы лучшею и полезною травою по тому, что селитреное свойство земляной подошвы сообщаетъ ей нѣкоторую соленость, которая для скота полезна и выпадающій снѣгъ тотчасъ разтворяла; но съ весны до наступленія осенняго времяни, пространство степи сей есть жилище, или такъ сказать, царство безчисленнаго

множества змѣй и другихъ многоразличныхъ вредныхъ и ядовитыхъ пресмыкающихся гадовъ. Воздухъ дѣлается тогда тяжелый, горькій и со всѣмъ неудобный къ дыханію, такъ, что и въ нѣкоторомъ отъ нее разстояніи нельзя сносить онаго; шумъ же и свистъ шипящихъ змѣй бываетъ слышимъ проѣзжающими изъ далека; словомъ, что въ продолженіе весны и лѣта, ни человѣкъ, ниже какой либо скотъ, или звѣрь, къ сему мѣсту приближится не можетъ. Войско для зимованья построило землянки. При семъ случаѣ и здѣсь выкапывали множество змѣй; нѣкоторые изъ сихъ ядовитыхъ животныхъ были въ окружности около 12 вертковъ. Въ слѣдъ за войскомъ доставленъ былъ на плоскодонныхъ судахъ, называемыхъ Кираджи, провіантъ и вино, также и военные снаряды, а рѣка Куръ снабжала армію во множествѣ рыбою: осетрами, севрюгою и красною рыбою (: Газель-Балыкъ :), у которой вся внутренность наполнена вкуснымъ жиромъ, употребляемымъ по всей Персіи въ пищу

и для освѣщенія. Ловлею занимались болѣе козаки, а частію и маркитанты. — Въ лагерѣ многіе, по Персидскому манеру, жаркую рыбу подправляли еще толчеными Грецкими орѣхами съ сокомъ кислыхъ гранатъ, каковое кушанье называется на Персидски Фисень-Жанъ, въ которое употребляютъ также и лимонный сокъ. Пшена сарачинскаго навезено было во множествѣ, изъ котораго дѣлали плавъ, и вмѣсто масла употребляли при томъ помянутый жиръ *Газелв-Балыка*. Нельзя лучшей желать стоянки, какова была на семъ мѣстѣ. Войско, будучи довольно уже изнурено, здѣсь, такъ сказать, ожило, и при совертенной безопасности, имѣло полное изобиліе, удовольствіе и веселіе.

Талышинскій Ханъ, Саліянской Султанъ, нѣкоторые изъ знатныхъ Персіанъ Гилянской провинціи, и нѣсколько изъ такихъ, кои бывъ родственники какихъ нибудь владѣтелей, по обычаю Персовъ, сперва укрывались отъ нихъ по другимъ

мѣстамъ; попомъ узнавъ о благодѣтельности и щедроспи Графа, пришли съ объявленіемъ своего усердія и поддансива, и многіе даже готовы были сражаться противу своихъ единовѣрцовъ вмѣспѣ съ Россійскими войсками, зная, что въ продолженіе зимы неприступятъ ни къ какому дѣйствію, и что до весны, весьма много еще найдется способныхъ случаевъ первымъ вмѣсто усердія и услугъ поступить по непріятельски, а послѣднимъ бѣжать и пристать къ сторонѣ своихъ единовѣрцовъ къ противодѣствію Россіанамъ.— Несмотря на сіе, Главнокомандующій принималъ ихъ съ обыкновеннымъ своимъ великодушіемъ и благосклонносшію, и давалъ каждому приличныя подарки и награды, ожидая, что хотя нѣкоторые изъ нихъ останутся вѣрными и могутъ оказать какую нибудь пользу. Вскорѣ послѣ сего прибылъ въ Армію изъ Петербурга находившійся подъ покровительствомъ Россійскаго двора прежній владѣлецъ Гилянской Области, или провинціи Мур-

паза - Гули - Ханъ, бѣжавшій изъ сво его владѣнія въ Россію для спасенія себя отъ тиранства роднаго его брата Ага Магометъ Хана Персидскаго, который убивъ мать сего Хана, грозилъ и его сваришь въ котлѣ.— въ Армію прислань онъ изъ Петербурга съ тѣмъ, чтобъ возвращено было ему его владѣніе. Въ слѣдствіе сего Главнокомандующій послалъ въ разныя мѣста Персіи прокламаціи, что съ наступленіемъ весны, Россійскія войска начнутъ военныя дѣйствія. Сверхъ того употреблены были многіе шпіоны изъ Армянъ и частію надежныхъ Персіанъ развѣдать тайно о разположеніи и состояніи Персовъ. — Впрочемъ и безъ того извѣстно, что Россійская армія безъ всякаго препятствія могла итти внупрь Персіи, куда только угодно, лишь бы судя по состоянію и количеству Россійскихъ войскъ, небыло недостатка въ продовольствіи онаго. Неговоря о частныхъ владѣтеляхъ, самъ Шахъ, который и небылъ въ готовности, немогъ выставить такихъ силъ, которыя бы

въ состояніи были противодѣйствовать Россійскому воинству, тѣмъ болѣе, что они неимѣютъ или покрайней мѣрѣ неимѣли въ то время Артиллеріи и страшатся дѣйствія ея. Одно завоеваніе Дербента, который есть ключь Персіи и называется у Персіанъ желѣзными воротами, привело ихъ въ трепетъ. (*) Но полученное извѣстіе о кончинѣ Государыни Императрицы Екатерины второрыя, остановило дальнѣйшія военныя дѣйствіи. Между тѣмъ произходила въ войскахъ со всею церемоніею присяга на вѣрность подданства вступившему на Престолъ Государю Императору Павлу 1. А 6 го числа Генваря 1797 сдѣлана была на рѣкѣ Курѣ Іордань, и день крещенія празднованъ самымъ торжественнымъ образомъ; все войско стояло въ парадѣ, а по окончаніи водоосвященія производима

(*) Поелику Персіанѣ вѣрютъ древнимъ своимъ преданіямъ, что когда вооруженные Христіанѣ войдутъ въ желѣзныя врата, то тогда воспослѣдуетъ всеконечная гибель Мусульманскому роду, по сему богатые жители все свое имѣніе распродавъ отправились далѣе къ Шаму т. е: къ Дамаску.

была чрезвычайная пальба такъ, что Персіане и Армяне, не слыхавшіе такихъ громовъ, объяты были страхомъ и удивленіемъ.

Послѣ сего, въ продолженіи двухъ мѣсяцовъ, находившіяся въ станѣ Салянской Султанъ, Талишскій Ханъ и многіе другіе, подъ разными предлогами, одинъ послѣ другаго, возвратились въ свои мѣста и разнесли слухи, что Россійскія войска скоро оставятъ Персію. — По сему поводу Персіане предались своевольствамъ и начали по дорогамъ производить грабежи и убійства. Старикъ, Шамахинскій Ханъ Гасимъ, забывъ всѣ благодѣянія Графа, также взбунтовался и занялся разбоями. Ожидая, что по выступленіи Россійскихъ войскъ, племянникъ его возвратится на свое мѣсто, а онъ долженъ будетъ опять бѣжать, то посредствомъ насилій, собиралъ съ богатыхъ Шамахинскихъ жителей, своихъ поддан-
ныхъ контрибуцію, а просто сказать, грабилъ ихъ, дабы запастись деньгами.

Прежде, нежели армія выступила съ Мугана-Чола, со мною произошли слѣдующія приключенія. Саліянскій Султанъ, при отъѣздѣ своемъ обѣщалъ Г. С. подарить мальчика и дѣвку изъ Грузинскихъ плѣнныхъ, за услугу его, оказанную ему въ полученіи отъ Графа подарковъ. Г. С. для полученія мальчика и дѣвки отправилъ меня съ однимъ козакомъ въ киткѣ, выпросивъ для пропуска нашего билетъ. Сверхъ того поручилъ мнѣ развѣдать въ Саліанѣ, какъ думаютъ и что говорятъ Персіане о нашей арміи. По необыкновенной скупости своей недавъ намъ на дорогу ни одной копѣйки, сказалъ, что вездѣ будутъ давать намъ все, какъ скоро объявимъ, что мы служители А. Б. На дорогѣ увидѣли мы нѣсколько убитыхъ Персіанъ и сами ежеминутно подвержены были опасности отъ набѣговъ Персіанъ, или Горскихъ разбойниковъ.

Саліанъ стоитъ ниже къ Каспійскому морю. Мы ѣхали около берега Куры; двѣ

ночи укрывались въ лѣсу, и гдѣ должно переправиться въ Саліанъ, пріѣхали на трешій день. Персіанинъ, переправившій насъ на другую сторону рѣки, требовалъ за перевозъ; но мы неимѣя чѣмъ ему заплатить, сказывали что посланы отъ А. Б. къ ихъ Султану, — но Персіанинъ самымъ усерднымъ образомъ ругалъ и А. Б. и насъ. Султанъ также не-былъ разположенъ оказать уваженіе къ посольству Г. С. Онъ недопустилъ насъ къ себѣ подъ предлогомъ занятія свадебными дѣлами своей дочери, которую выдавалъ за Талишинскаго Хана; однакоже сдѣлалъ съ нами по крайней мѣрѣ ту милость, что чрезъ своего чиновника приказалъ отвести намъ квартиру у одного Персіанина, изъ роду Саліанъ-лу (*), съ тѣмъ чтобъ намъ, равно и для продовольствія лошадей, давано было все потребное. Сей Персіанинъ по своей бѣдности весьма не доволенъ былъ нашимъ къ нему прибытіемъ, и въ продолженіи слишкомъ

(*) У Персіанъ есть нѣсколько главныхъ родовъ, живущихъ собственныя названія.

трехъ недѣль нашего тамъ пребыванія, въ ожиданіи отъ Султана отвѣта, ругалъ насъ безпрестанно и безпокойство и хлопоты составляли главную для него непріятность нашего постоя. Козакъ только примѣчалъ, неразумѣя Персидскаго языка, а я сколько понималъ силу брани, что надлежало имѣть всю осторожность чтобъ небыть убитыми. Я переносилъ все съ терпѣніемъ и совѣтовалъ товарищу моему сколько можно ласкаться къ Персіанину, не смотря на его брани. — Чтобъ менѣе быть у него на глазахъ, мы цѣлыя дни проводили на рыбной ловлѣ, производимой посредствомъ закола. Куръ въ семъ мѣстѣ столь изобиленъ осетрами, бѣлугою, севрюгою и прочею рыбою, что подобнаго лова кажется нельзя найти въ цѣломъ свѣтѣ, ибо рыбу изъ рѣки вынимаютъ какъ изъ садка. Кромѣ собственнаго продовольствія тамошнихъ мѣстъ, нагружается множество приходящихъ отъ Каспійскаго моря судовъ, и за всѣмъ тѣмъ, изобиліемъ ловимой рыбы, простираетпся до того, что изъ нее вы-

нимаютъ на послѣдокъ одну только икру, а мясо бросаютъ опять въ воду. Въ прогулкахъ моихъ я непропускалъ прислушиваться къ разговорамъ Персіанъ объ нашей арміи; — и что она пройдетъ назадъ, было на языкѣ у всѣхъ.

Домы въ Саліанѣ большею частію изъ камыша, вымазанные глиною, а нѣкоторыя складены изъ необожженнаго кирпича. Здѣсь удивлялся я Талишскимъ коровамъ, они самаго большаго роста, какъ Голландскіе, и на шеѣ имѣютъ горбъ въ пол-аршина, какъ у верблюдовъ на спинѣ. Мнѣ сказывали, что въ самомъ Талишѣ у коровъ горбъ сей еще больше даже до аршина. Такой породы коровъ кромѣ Талиша нѣтъ нигдѣ, что приписываютъ дѣйствію тамошняго климата. Саліанъ хотя отъ Талиша недалеко, но какъ говорили мнѣ, по привозѣ туда Талишскихъ коровъ, горбъ у нихъ уменьшается. Въ прочемъ извѣстно, что многіе той породы коровъ вывозили въ Астрахань и въ другія мѣста; но тамъ

горбъ ихъ мало по малу пропадалъ, а въ приплодѣ и во все онаго небыло.

Хозяинъ кормилъ насъ на мѣсто хлѣба жареною рыбою въ маслѣ Газель-Болыка. — Невидя здѣсь никогда хлѣба, я спросилъ однажды хозяина, для чего онъ недаетъ намъ хлѣба, но онъ отвѣчалъ, что по всей Саліанской области ни кто его не употребляетъ и незнаетъ. Желая удостовѣриться въ сей новости, я спрашивалъ тамъ многихъ престарѣлыхъ Персіанъ; но они всѣ даже съ клятвою увѣряли меня, что хотя они и видятъ у другихъ народовъ хлѣбъ въ употребленіи, но ни они, ни ихъ отцы и дѣды никогда его неѣдали; что главная пища ихъ состоитъ изъ пшена; а хлѣбъ у нихъ въ неупотребленіи до того, что когда надобно бываетъ унять дитя, или малолѣтняго, отъ чего нибудь, то первая для нихъ угроза состоитъ въ томъ, что имъ дадутъ хлѣба.

Такимъ образомъ любопытствуя въ Саліане о всемъ, что мнѣ встречалось, я между тѣмъ примѣчалъ, что за мной присматривали, и на послѣдокъ очень прилѣжно по слѣдамъ моимъ ходилъ какой то Персіанинъ повсюду. — Султанъ къ себѣ недопускалъ и недавалъ никакого отвѣта; я, и козакъ явно почти видѣли, что намъ предстоитъ опасность. Въ исходѣ второй недѣли поста, будучи на рѣкѣ, увидѣлъ я въ недальномъ отъ Саліана разстояніи многія Армянскія селенія, пришедшія на судахъ изъ Гилянской области, съ острова Анзали, гдѣ стоялъ небольшой Россійскій корпусъ. По причинѣ оказываемыхъ ими усердія и услугъ, они при отбытіи онаго корпуса, ожидали со стороны Персіанъ мщенія и смерти, и для того шли въ Мугана-Чолъ къ Главной Арміи, чтобъ съ онымъ дойти до Баки, а отъ туда отправится въ Россію.— Я рѣшился неупуская далѣе времяни, адресоваться къ находившемуся въ Саліанѣ одному Россійскому Кавалерійскому Маіору В.. ну, который по сдѣланному съ Султа-

номъ переговору посланъ былъ туда отъ Графа въ родѣ Консула, по предмету доспавленія въ Армію по рѣкѣ Куру провіанта, и по закупкѣ здѣсь рыбы Россійскими купцами, пріѣзжающими изъ Астрахани. Я пошелъ къ нему съ козакомъ поздо вечеромъ, чтобъ небыть примѣченными. Въ Нѣкоторомъ разстоянiи отъ его квартиры, мы увидѣли нѣсколько человѣкъ Персiанъ и по тому заключили, что они кого нибудь карауляпъ. Опасность наша слишкомъ была очевидна, но Г. В. въ тотъ вечеръ будучи занятъ своими удовольспвіями, недопуспилъ насъ до себя, несмотря на всѣ предспавленія о неизбѣжной нашей гибели. — Находившійся при немъ въ услуженіи Россіянинъ изъ Аспраханскихъ жипелей сказалъ мнѣ по Персидски, что В. по любовной интригѣ находипся и самъ почти въ неизбѣжной опасности, но нимало объ ней небезпокоипся.— Мы принуждены были ожидать до другаго вечера.— Перешептываніе хозяина нашего съ своими домашними, явно опкрывало намъ, что погибель

наша весьма близка, но Г. В. недопустилъ насъ и на другой вечеръ по той же причинѣ; въ трешій вечеръ слуга его сказалъ намъ тоже, что ни какъ не можно доложить объ насъ и отлагалъ до слѣдующихъ сутокъ, но я рѣшительно настоялъ, чтобъ Консулъ къ намъ вышелъ; а козакъ вышедъ изъ терпѣнія и забывъ всякое уваженіе, началъ тутъ кричать на щепъ Консула все, что только отчаяніе могло ему внушить, и такимъ образомъ Г. консулъ не могъ отъ насъ отдѣлаться. Онъ позвалъ къ себѣ меня одного; я пересказавъ ему наше положеніе просилъ, чтобы онъ постарался спасти хотя одного козака, которому по своей одеждѣ и незнанію Персидскаго языка совсемъ не возможно избѣгнуть предстоящей опасности. — Г. В. столько былъ нетерпѣливъ, что въ продолженіе моего разговора не дослушивая словъ моихъ, нѣсколько разъ выходилъ въ другую комнату, гдѣ, по видимому, находился предметъ пріятнѣйшаго для него занятія, чѣмъ жизнь двухъ человѣковъ и исполненіе

своей должности; а въ заключеніе сказалъ только то: хорошо, я постараюсь, спупай домой — и съ тѣмъ меня оставилъ. Изъ сего отвѣта уразумѣлъ я, что онъ вовсе не помышлялъ о средствахъ къ нашему и собственному спасенію, и что отнюдь не должно полагать на него надежды. — Съ величайшимъ страхомъ пришли мы съ козакомъ на свою квартирудругою дорогою, и послѣднія двѣ ночи не смѣли заснуть, опасаясь быть убитыми во снѣ. — я писалъ о семъ неоднократно къ С. съ надежными людьми; но онъ отвѣчалъ мнѣ только то, чтобъ я старался скорѣе взять дѣвку и мальчика, и говорилъ бы о себѣ, что я слуга А: Б: Не находя никакого средства къ своему избавленію, я рѣшился прибѣгнуть къ хитрости. — Въ слѣдующій день упромъ выпедъ по обыкновенію съ квартиры, и возвратясь назадъ весьма скоро, съ торопливостію объявилъ хозяину, что получилъ отъ своего господина письмо къ Султану и просилъ его къ нему меня проводить, сказавъ при

томъ, что армія наша идетъ къ Салі-
яну. — Вѣсть сія была очень грозна и
меня тотъ же часъ проводили къ Сул-
тану. Показывая ему одно Армянское
письмо, писанное ко мнѣ отъ С. ко-
торое будто бы получилъ сей часъ на
рѣкѣ, сказалъ, что Г. С. свидѣтель-
ствуетъ ему свое почтеніе и проситъ
приготовить у себя для него квартиру,
и что войски уже выступаютъ въ Са-
лянъ. Сулпанъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ
приготовитъ все нужное, и приказалъ,
чтобъ я какъ можно скорѣе отправился
назадъ: ибо Г. С. можетъ понадобится и
повозка и я самъ. Опасаясь, чтобъ меня
не перехитрили: то дабы удалить всякое
подозрѣніе, я вызывался, что С. можетъ
обойтиться и безъ меня, и что я, естьли онъ
прикажетъ, буду дожидаться его здѣсь. Но
Сулпанъ струсилъ въ самомъ дѣлѣ и боясь
обнаружить свое неблагонамѣреніе отпра-
вилъ насъ въ тотъ же часъ. — Переправясь
чрезъ рѣку, мы погоняли лошадей безъ по-
щады, не разбирая дороги, и столь были по-
спѣшны, что къ вечеру пріѣхали въ кор-

пусъ. Я пересказалъ С. о первомъ пріемѣ Султана, о нашихъ страхахъ и о Г. В. но С. ивердилъ свое, что конечно я не говорилъ объ его имени, и что по тому единствено получили мы столько затрудненій и опасности. Я принужденъ былъ на сіе сказать уже ему откровенно, какъ мало знаютъ и уважаютъ А. Б. и въ самомъ началѣ объяснилъ подлинникомъ брань перевозчика.

Г. С. нашелъ я въ это время очень скучнымъ отъ того, что прибытки его за отъѣздомъ бывшихъ въ станѣ именитыхъ Персіанъ, пресѣклись; а при томъ, къ сугубой горести его, проѣхалъ къ нему изъ Астрахани престарѣлый братъ его, человѣкъ очень почтенный, который по слуху о знатности своего брата, имъ воспитаннаго, думалъ получить отъ него какое нибудь пособіе. — Но бѣдный старикъ ошибся самымъ жалкимъ образомъ. — Онъ, какъ въ Астрахани всѣмъ извѣстно, былъ богатый человѣкъ, но оскудѣлъ по милости своихъ

прикащиковъ. Господинъ мой меньшій его братъ, съ своей стороны по силѣ возможности также содѣйствовалъ къ его разоренію когда Г. С. пришелъ въ совершенный возрастъ, то братъ послалъ его въ Догистанскій городъ Андрея, купить тамъ марены и шелку, отправивъ съ нимъ 8000 рублей. Г. С. остановясь въ Кизлярѣ, въ продолженіи 6 мѣсяцовъ оныя деньги прожилъ въ свое удовольствіе, а потомъ не смѣя возвратиться къ брату, вступилъ въ службу; и по счастію на конецъ добился до чиновъ. — Старикъ не видавши его много лѣтъ, усердно желалъ имѣть удовольствіе съ нимъ видѣться, и между прочимъ привезши съ собою въ корпусъ нѣсколько тюковъ курительнаго табаку и остальное домашнее серебро, надѣялся при помощи своего брата сдѣлать оборотъ и сколько нибудь поправить худыя свои обстоятельства, но С. отказалъ ему и въ кускѣ хлѣба, за то, что былъ имъ воспитанъ какъ отцомъ и за то, что лишилъ его знатнаго капитала,

естьли полагать въ щетъ и прибыль, какую могъ онъ получить отъ оборота 8000 руб. — Но сего еще недовольно: старикъ ходилъ въ старой худой одеждѣ, и когда С. стали указывать на бѣдность его, то онъ говорилъ всѣмъ, что отъ него будто бы опредѣлено брату изъ его доходовъ ежегодной пенсіи по 1000 руб. въ годъ; но что братъ его пьяница и вообще дурнаго поведенія, такъ, что какія бы ни были дѣланы ему пособія, но въ лучшемъ положеніи увидѣть его не льзя. Таковое безчестное хвастовство причинило старику жестокія огорченія: ибо не зная настоящаго дѣла многіе надъ нимъ издѣвались и укоряли худымъ поведеніемъ. Онъ столько былъ пронутъ поступкомъ неблагодарнаго своего брата, что проклиная часъ его рожденія, съ глубочайшею горестію объяснялъ мнѣ свое нещастіе и оскорбленіе, говоря, что онъ доселѣ все переносилъ великодушно, но злодѣйство брата убиваетъ его совершенно. Можетъ быть сіе обстоятельство въ продолженіи времени дошло бы между ими до важ-

ной исторіи, естьли бы не наступилъ вскорѣ походъ къ Бакѣ. Г. С. послалъ меня съ воимъ деньщикомъ отвезти напередъ въ Баку на повозкѣ нѣкоторое его имущество, между которымъ была, всякая всячина, набранная имъ кое-гдѣ. Я просилъ у него на дорогу или денегъ, или припасу; но онъ по безмѣрной своей скупости не далъ ни чего, и опять посылалъ было меня съ однимъ своимъ именемъ А: Б: но я напомнилъ ему, сколь много терпѣлъ уже я сраму и голоду отъ его имени безъ денегъ, за каковое справедливое представленіе онъ едва меня не прибилъ, запрещая впредь предъ нимъ не отвѣчать, и въ заключеніе сказалъ, что я буду получать пищу отъ деньщика, которому онъ также ничего не далъ. Первый день дороги прошли мы благополучно и ночевали въ одномъ Караванъ-сараѣ, гдѣ остановилось еще человѣкъ восемь проѣзжающихъ торговыхъ людей; Персіанъ и Армянъ. Товарищъ мой началъ ужинать свой хлѣбъ; я пришелъ было къ нему; но онъ объявилъ мнѣ, что подѣ-

литься со мной не можетъ по тому, что ему самому будетъ недостаточно; что хлѣбъ дается ему казенной, такъ какъ и самъ онъ принадлежитъ Государю, и для него одного принимаетъ всѣ трудности, не требуя больше ничего, что его судьба и солдатское званіе ему опредѣлили, и потому не можетъ никто отнимать у него того, что дано ему Государемъ; Г. же Маіоръ отправляя меня, долженъ былъ дать мнѣ на пропитаніе изъ своего кармана, а не на щетъ солдатскаго казеннаго куска, чтобъ и его уморить съ голода, — приводя къ тому и другіе неоспоримые резоны. Видя, что у бѣднаго деньщика въ самомъ дѣлѣ было больше ума, нежели хлѣба, я призналъ доказательства его справедливыми. — На другой вечеръ остановились мы въ двух-этажномъ большомъ караван сараѣ, выстроенномъ для проѣзжающаго купечества со всѣми потребностями, и такимъ образомъ что въ немъ при случаѣ нападенія отъ разбойниковъ можно защищаться, какъ въ

крѣпости. — (*) Здѣсь также нашли мы нѣсколько человѣкъ проѣзжающихъ, у которыхъ, для памяти усопшихъ родствен-никовъ ихъ, выпросилъ хлѣба и сыра, коими подѣлился съ моимъ товарищемъ, который доѣдалъ уже послѣдній кусокъ своего провіанта. На утро отъ сего мѣста проѣхали мы не болѣе двухъ верстъ, какъ наступила глинистая вязкая дорога. — Лошади наши отъ недостатка въ кормѣ были тощи и при трудности дороги, едва могли переступать, а на конецъ одна изъ нихъ пала. Глина прилипала такъ къ колесамъ, что чрезъ нѣсколько оборотовъ совсемъ ихъ покрывала. Намъ надлежало на каждомъ почти шагу ее очищать и пособлять лошадямъ тянуть. Было уже за полдень, какъ мы выбились изъ силъ, до того что оба плакали. Тяжелый нефтяный запахъ,

(*) Вообще въ Азіи существуетъ благодѣтельное для человѣчества обыкновеніе, что богатые люди на проѣзжихъ дорогахъ строятъ для путешественниковъ подобные каравансараи, или вырываютъ колодцы, или дѣлаютъ мосты, смотря по мѣсту, гдѣ сіе необходимо нужно.

отъ грунта земли произходящій, морской вѣтеръ и дождь, все усугубляло наше мученіе. Къ щастію наѣхали на насъ купцы Персіане, и по убидительной просьбѣ моей, помогли лошадямъ дотащить повозку нашу до того мѣста, гдѣ дорога набучена камышемъ и хворостомъ, и разсказали какъ найти для ночлега деревню, чрезъ которую должны мы ѣхать. Судить о трудности сей дороги можно по тому, что грязь до набученной дороги хотя неболѣе простирается какъ на четыре версты, но мы провели тутъ почти цѣлый день. — Въ деревню пришли мы къ вечеру и тамъ кое-гдѣ бѣднымъ лошадямъ набрали сѣна, смѣшаннаго съ камышомъ. Жители сей деревни, по случаю похода войскъ, всѣ разбѣжались, и мы ночевали въ ней одни. Чтобъ дать лощадямъ собраться съ силами, простояли тутъ еще сутки. Мѣсто здѣсь гористое и для проѣзжающихъ въ зимнее время очень опасное; ибо при наносѣ снѣга, проѣзжающіе по незнанію дороги попадаются въ глубокія ямы и погребаются

[illegible] ведь города Баку.

Снят. Снатуг. Сергѣевымъ, 1796 года.

Гра. Шелповниковъ.

Видъ Города БАКУ при Каспійскомъ Морѣ. | Ձև քաղաքին ԲԱՔՈՒԱ որ կայ ի յեզր ծովուն կասպից:

Արդեամբ խմով ի լոյս ածի. Յարութիւն Ալամդարեանց. Ս·Պ·Բ· 1812:

подъ снѣгомъ; таковыхъ нещастныхъ видѣлъ я тутъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько человѣкъ. Отъ деревни надлежало подниматься въ гору, примѣрно верстъ до 5, а послѣ того спуститься уже прямо къ Бакѣ. Не смотря на сіе малое разстояніе, довольную пологость горы, и на наши пособія, лошади едва доплелись до вершины предъ вечеромъ. Оставя товарища моего на горѣ, пошелъ я въ Баку (*) отыскать домъ одного извѣстнаго Армянина, который С. зналъ въ Астрахани, но за смертію его адресовали къ его вдовѣ и зятю. Они охотно согласились принять пожитки С. и я тотъ же часъ возвратился къ товарищу и привелъ его съ собою въ домъ. У вдовы былъ малолѣтный сынъ, который вечеромъ читалъ азбуку; чтобъ помочь себѣ въ голодныхъ обстоятельствахъ, я не упустилъ при семъ случаѣ показать мою ученость и усердіе, поправляя его ошибки. Хозяйка и ея зять весьма были мною довольны и съ честію приглашали за свой столъ; по моей милости и шова-

(*) При семъ прилагается видъ города Баки.

рищъ былъ накормленъ хорошо. Я пробылъ у нихъ съ недѣлю, и прилѣжно занимался ученіемъ ея сына, толковалъ также о законѣ и былъ за сіе усердно угощаемъ.

Между тѣмъ въ Бакѣ извѣстились, что войско наше уже съ Куры рѣки выступило въ походъ къ Бакѣ, и мы поспѣшили забрать остальный его обозъ и отправиться туда, и такъ отблагодаря хозяевъ за хлѣбъ за соль, по скорѣе собрались въ путь.— Лошади по недостатку тамъ въ кормѣ, не имѣли достаточнаго довольствія какъ мы, поправились весьма не много, и по тому не могли иначе идти, какъ только тихимъ шагомъ. Трудная дорога и всходъ на гору, тотчасъ ихъ утомили; я и товарищъ мой ожидали, что намъ на вязкомъ мѣстѣ опять доведется мучиться, или и совсемъ придти въ корпусъ безъ лошадей. Но къ щастію съ горы увидѣли подъ деревнею, въ которой мы ночевали, наше войско.— Г. С. былъ испуганъ, что мы привели только двухъ лошадей и съ безпокойствомъ спросилъ о претьей. Я описалъ подробно всѣ

наши мученія, чтобъ тѣмъ болѣе доказать ему причину потери лошади, не забылъ также сказать, что и я могъ бы умереть по его милости съ голода, естьли бы не встрѣчались на дорогѣ добрые люди. — Онъ, чтобъ увернуться отъ всякаго на послѣднюю статью отвѣта, былъ столь неблагодаренъ за тяжкіе труды наши, что началъ меня ругать, для чего мы не воротились назадъ. Будучи выведенъ его безсовѣстностію изъ терпѣнія, осмѣлился я сказать ему прямо, что онъ судитъ безъ всякой справедливости: видишь ли господинъ, говорилъ я ему, указывая на лошадей, что въ нихъ нѣтъ и двухъ фунтовъ мяса, по смотри имъ въ глаза, какъ они упали глубоко, чуть дышутъ и не могутъ держать головъ; какъ же могли мы по такой дорогѣ съ повозкою воротиться назадъ, когда они едва до ползли уже самое малое разстояніе? — Тогда привелось бы бросить на дорогѣ твои пожитки.— Бросить пожитки! это привело въ чрезвычайное возмущеніе всѣ душевныя его способности; онъ какъ бы

лишившись вовсе разсудка, съ азартностію кричалъ несвязныя слова и такую безтолочь, что я и деньщикъ почли его рехнувшимся, а особливо, какъ онъ съ своей повозки, на которой ѣхалъ, началъ самъ перекладывать на тѣхъ же лошадей, чемоданы и еще кой какую рухлядь. — Я принужденъ былъ остановить его и опять указать на лошадей, что они не пронутся и съ мѣста, естьли положить на нихъ хоть одинъ фунтъ. — Посмотрѣвъ съ примѣтною досадою на лошадей, будто хотѣлъ сказать имъ, для чего они не терпятъ голода, устаютъ и намѣрены издохнуть подобно прочимъ, не желая дождаться того, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ могъ ихъ продать. Эту мысль можно было читать на его лицѣ безъ ошибки.— Увѣрившись въ справедливости моихъ доказательствъ, выбралъ пожитки свои назадъ, повозку также взялъ съ собою и съ кротостію сказалъ мнѣ, чтобъ я лошадей велъ до Баки подъ уздечку, а тамъ постарается онъ продать ихъ. Деньщикъ помнилъ хорошо свои преимуще-

спива и поѣхалъ съ нимъ, отказавшись рѣшительно принимать еще столько мученія для Г. С. и его почти издохшихъ лошадей. Многіе офицеры смѣясь надъ нимъ, спрашивали, что онъ конечно сихъ лошадей по своей милости желаетъ отвести обратно въ отечество, и доставить имъ удовольствіе увидѣться съ своими родными и прочее. — Но лошади со всемъ не имѣли силъ продолжать обратное въ Баку путешествіе. — Я почти ихъ тащилъ, или набравши подъ пазуху камышу, онымъ манилъ ихъ впередъ. Многіе изъ войска смѣясь на меня и на лошадей, спрашивали, кому мы принадлежимъ; а другіе говорили: видно ты везешь лошадей въ Баку въ гостинцы воронамъ; брось дуракъ: они скорѣе сами сюда прилетятъ. Господинъ мой при отъѣздѣ запретилъ мнѣ отвѣчать на подобные вопросы; но какъ я при множествѣ народа не былъ разположенъ къ скучному молчанію и желалъ съ прочими самъ на щетъ его повеселиться, то всякому отвѣчалъ крича: Г. С. которому я при-

надлежу, такъ какъ и сіи лошади; онъ никому не велѣлъ мнѣ отвѣчать и объ немъ сказывать! Подлинно ты никому не сказываешь о своемъ секретѣ, отвѣчали мнѣ. Между тѣмъ кони мои не пройдя и половины дороги на гору, совершенно стали, а день приходилъ къ вечеру. Одна изъ нихъ соскучилась; незахотѣла идти далѣе на гору и легла, а чрезъ нѣсколько времени и со всемъ издохла. — Опасаясь, по свойству Г. С. подвергнуться какомулибо подозрѣнію, я обрѣзалъ у ней уши и хвостъ, чтобъ представить ихъ въ доказательство дѣйствительной потери. — Другая также не двигалась съ мѣста, и я принужденъ былъ ночевать на горѣ подъ открытымъ небомъ и проливнымъ во всю ночь дождемъ. Съ разсвѣтомъ дня, коекакъ дотащилъ я сію послѣднюю одрань до вершины, гдѣ надлежало уже спускаться съ горы, но и сія не разсудила болѣе служить Г. С. повалилась и тотчасъ издохла. Съ сею я сдѣлалъ тоже, что и съ первою. — Но пришедъ къ дому, гдѣ я

долженъ былъ пристать; признаки сіи скрылъ я при себѣ въ томъ предположеніи, чтобъ наперед узнать, какъ приметъ меня хозяинъ безъ лошадокъ его и что будетъ говорить? Только что вошелъ я въ комнаты, то прежде всего услышалъ голосъ Г. С.; онъ по обыкновенію своему, или прямѣе по натурѣ своей, кричалъ только о себѣ и разсказывалъ хозяевамъ свои анекдоты; которыхъ не было, не смотря на то, что день только еще наступалъ и что хозяевамъ со всѣмъ было невремя слушать его хвастовства, я не прежде велѣлъ о себѣ ему доложить, какъ около дома собралось нѣсколько изъ Армянъ Бакинскихъ и ожидалъ его на улицѣ. Г. С. услыша отъ меня, что я пожаловалъ къ нему одинъ, началъ меня при людяхъ ругать, говоря, что я конечно лошадей продалъ. Я молчалъ, ожидая что будетъ дальше; потомъ онъ оборотясь къ Армянамъ, говорилъ: представьте, этотъ бездѣльникъ лишилъ меня двухъ прекрасныхъ лошадей, которыхъ купилъ

я въ Персіи; одна была такая-то: заплачена 500, а другая такая-то 800. р. — Простяки въ томъ ему повѣрили, и весьма легко согласились съ нимъ вышеизъясненномъ подозрѣніи на меня. Тогда я попросилъ своего господина остановиться и при всѣхъ принеся къ нему хвосты и уши, говорилъ: вотъ это тѣ самые хвосты и уши, которые были у вашихъ лошадей; всѣ люди видѣли, какъ онѣ издохли, одна почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ хотѣли вы положить на нихъ новую кладь, а другая на верьху горы; а тѣхъ лошадей, какихъ вы покупали въ Персіи, я вовсе невидалъ и незнаю. — Тутъ Г. С. крикнулъ на меня, какъ я смѣю ему отвѣчать? и наплевавъ мнѣ въ глаза, ушолъ въ покои же; обнаруживъ его хвастовство, вошелъ за нимъ. Я принялъ намѣреніе здѣсь непремѣнно отъ него отстать и потому рѣшился идти противъ его, въ случаѣ нужды передъ хозяевами дома обнаружить его во всемъ, чтобъ неперять сво-

его преимущества, чувствуя себя гораздо для нихъ полезнѣйшимъ нежели онъ.

Хозайка дома по прежнему не оставляла меня своею милостію, и за обращеніе мое съ ее сыномъ кормила меня тѣмъ, что только у нихъ случилось, а Г. С. хотя имѣлъ тутъ свою квартиру, но пировалъ по разнымъ домамъ у тамошнихъ Армянъ и по нѣскольку супокъ со всѣмъ не приходилъ домой. По всегдашней привычкѣ своей онъ и тамъ не оставилъ каждому обѣщать кучу всякаго благополучія и за то угощаемъ былъ самымъ усерднѣйшимъ образомъ. Судя по простотѣ ихъ и невѣденію весьма немудрено, что ему вѣрили во всемъ, что онъ ни говорилъ. — Я хотя со стороны пропитанія весьма былъ здѣсь доволенъ, но какъ пріобрѣталъ оное всегда и вездѣ самъ собою, то здѣсь рѣшился недавать Г. С. покоя и требовать отъ него все что должно. — Но чтобъ дѣйствовать не безъ пользы, то всегда приставалъ къ нему при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, и по

большей части отыскивалъ его въ гостяхъ, и особенно при тѣхъ, предъ которыми онъ описывалъ свое высокомочіе. Представляя нужды мои что я босъ, нагъ и всегда голоденъ, требовалъ, чтобъ онъ, или бы отпустилъ меня, или держалъ такъ какъ должно; но онъ въ отвѣтъ только посылалъ меня къ деньщику, которой при каждомъ разѣ говорилъ мнѣ одно и тоже, чпо выше описано, и я наконецъ вознамѣрился таковыя отвѣты его сообщить Г. С. при народѣ. И такъ въ одномъ домѣ, между многими гостьми, напередъ высмотря всѣхъ къ нему уваженіе и довольно послушавъ самохвальства его, осмѣлился приступить къ нему съ моими требованіями. Онъ, чтобы смѣшать меня, съ великимъ гнѣвомъ закричалъ: я тысячу разъ тебѣ сказывалъ, чтобъ ты требовалъ отъ деньщика, онъ получаетъ лишній паекъ и ему все отъ меня приказано. — Но я нетеряя духа и показывая, что крикъ его со всемъ меня непугаетъ, спокойно отвѣчалъ ему, что я столько же разъ по его приказанію

требовалъ отъ его деньщика хлѣба, однакоже онъ говоритъ, что у него для меня нѣтъ лишняго пайка, и что господинъ мой не имѣетъ права отъимать отъ него то, что жалуетъ ему Государь за его службу, и прочее. Г. С. и тутъ отдѣлался отъ меня бранью, увѣряя всѣхъ, что я глупъ и безтолковъ, и съ тѣмъ меня выгналъ. Не смотря на сіе, для препровожденія времяни и для занятія, я продолжалъ мои пребованія, при всякомъ удобномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что въ бакѣ дороговизна дошла до того, что за одно яицо платили по 20 коп. а по сему можно судить и о прочемъ. Г. С. имѣя довольно со мною хлопотъ по сему предмету за всѣмъ тѣмъ не вздумалъ однако ни одного раза, чтобъ дать мнѣ хотя одну копѣйку. — Напослѣдокъ я довелъ его до того, что онъ между тамошними жителями потерялъ весьма много уваженіе и довѣренности, и весьма уже не многіе слушали и вѣрили хвастовству его; ибо онъ въ иныхъ случаяхъ столько уже пе-

ресаливалъ, что даже обнаруживалъ самъ себя.

Между тѣмъ я будучи совершенно празденъ, днемъ обыкновенно ходилъ по городу и все любопытствовалъ, а чтобъ по дурной погодѣ менѣе имѣть труда въ обозрѣніи окрестныхъ мѣстъ, то ходилъ на самую большую крѣпостную башню, видимую въ Ландшафтѣ въ правой руки, называемую Кызъ-Галаси, что значитъ дѣвичья крѣпость и на башню Минаре, принадлѣжащую мечети; — вечерами же занимался обученіемъ сына хозяйки. Г. С. чтобъ освободиться отъ меня, приказалъ мнѣ взять верховую его лошадь и отвести на степь, и тамъ искать съ нею правы гдѣ лучше, съ тѣмъ, чтобы не приходить и на квартиру, не сказавъ впрочемъ ни слова о томъ, чѣмъ мнѣ питаться. Не столько изъ слѣпаго повиновенія, сколько для любопытства, что изъ сего выйдетъ, я принялъ сіе порученіе безпрекословно, съ тѣмъ однакоже, чтобъ въ исполненіи его разполагать

себя смотря по обстоятельствамъ. — Лошадь сія, отъ одного Армянина ему подаренная, въ самомъ дѣлѣ была очень хороша, а только отъ скупости его была весьма заморена. Сожалѣніе къ сей животной заставило меня трудиться съ нею ходить и искать ей хорошей травы; для себя уже собственно у проѣзжающихъ выпрашивалъ милостыню, а къ ночи несмотря на строгость запрещенія, возвращался спокойно на квартиру. Спустя нѣсколько дней, въ половинѣ страстной недѣли, будучи въ полѣ, увидѣлъ я Персіанъ человѣкъ до 15 верхами, которые на вопросъ мой сказали мнѣ, что они ѣдутъ осмотрѣть горящую землю. Съ ними былъ Муртаза Кулиханъ, для котораго собственно и предпринята была сія прогулка. — Радуясь такому драгоцѣнному для меня случаю увидѣть новыя чудеса, я тотчасъ сѣлъ на свою лошадь и поѣхалъ съ ними. Хотя разстояніе отъ города до онаго мѣста было по крайней мѣрѣ верстъ до 20, но ночью всегда было видимо большое зарево. Горящая

земля, находится на одномъ изъ тамощнихъ холмовъ близь нѣкоторой деревни, противъ острова называемаго Авшаранъ, который по каменистой и пространной отмели, въ семъ мѣстѣ нерѣдко бываетъ гибельнымъ для мореплавателей, ибо они въ ночное время обманываясь выходящимъ изъ земли огнемъ стремились къ нему, и претерпевали крушеніе. Дорогою гдѣ только встрѣчали мы лужи, вездѣ поверьхъ воды видѣлъ я нефть, которая въ окрестностяхъ Баки добывается по всюду и составляетъ главную сего города промышленность. Огнистое мѣсто, или горящая земля, обнесена каменною стѣною, въ окружности по крайней мѣрѣ и безъ ошибки, саженъ до ста. Персіане, жители здѣшней деревни, Мурпазѣ Кулихану, какъ брату главнаго повелителя Персіи, показывали здѣсь все съ усердіемъ и подобострастіемъ. Во внутренности стѣны, выстроенной въ древности огне-поклонниками, находятся комнаты, родъ келій, въ которыя пересылаются жители оной деревни на зимнее время и

живутъ въ нихъ до весны. — По срединѣ каждаго покоя, или кельи, выкопана яма, въ которую для печенія хлѣба и варенія кушанья ставится круглый глиняный сосудъ, называемый тониръ, на подобіе кадушки безъ дна. Когда нужно печь хлѣбы, или варить кушанье, то на днѣ ямы разрывши не много поверхность земли, прижигаютъ ее огнемъ, отъ чего дѣлается довольно большое пламя. Когда тониръ накалится, тогда приготовленное тесто не большими колобами, налепляютъ во кругъ его, и такимъ образомъ выпекаются хлѣбы весьма скоро; — а когда нужно приготовлять кушанье, то произведя огонь, на тониръ ставятъ кострюли; когда же огонь болѣе ненуженъ, тогда бросаютъ на него нѣсколько земли и пѣмъ его потушаютъ. Въ потолкѣ покоевъ сдѣлано отверстіе, родъ душника, который сообщаетъ свѣтъ и служитъ вмѣсто трубы, когда разводится огонь. Тоже собственно мѣсто, которое всегда горитъ, неболѣе въ окружности, какъ четыре сажени, или одна сажень въ по-

перечникѣ. Земля вообще глинистая бѣлая; огонь выходитъ изъ нее, какъ бы выдуваемый вѣпромъ и видѣнъ только въ своей поверхности, нимало неизмѣняя вида земли. Впрочемъ окруженное спѣною мѣсто все имѣетъ вообще горящее свойство, и въ немъ производится огонь и тушится такимъ же образомъ какъ сказано выше. Сверхъ того, какъ глиняное мѣсто имѣетъ всегда щели, или трещины, то въ сіи узенькія отверстія безпрестанно выходитъ горючаго свойства воздухъ. — Персіане разсказывали намъ, что естьли въ комнатѣ закрытъ душникъ и заперетъ двери въ то время, когда произведенъ огонь, то въ тужъ минуту ее взорветъ, подобно пороховой силѣ и для сего въ угодность Мурпазы Кулихана показали примѣръ: въ срединѣ ограды находится нарочно выкопанный колодезь, глубины саженъ до 7, на днѣ котораго примѣтно было нѣсколько воды;— поверхность его выкладена дикимъ камнемъ и имѣетъ отверсіпіе не съ большимъ въ аршинъ, которое покрывъ пло-

пно войлоками, прибили ихъ для крѣпо-
спи гвоздями, а потомъ положа на сре-
дину камень, по крайней мѣрѣ въ пудъ,
и просунувъ подъ войлоки зажженную
лучину бросили въ колодезь. — Вдругъ на
днѣ колодезя сдѣлался грохотъ на подо-
біе отдаленнаго грома, продолжавшійся
минуты съ двѣ, а потомъ взорвало вой-
локи и бросило камень за ограду. — По
приказанію ихъ мы стояли отъ колодезя
въ нужномъ для безопасности разстояніи.
Сверьхъ того указавъ намъ на Индѣйцовъ,
случившихся тамъ на сей разъ и покло-
нявшихся съ благоговѣніемъ предъ горя-
щимъ мѣстомъ, разсказали намъ, что они
пріѣзжаютъ сюда брать по мнѣнію ихъ
сей священной огонь, который содер-
жится въ воздухѣ, выходящемъ изъ помя-
нутыхъ щелей и которымъ они напол-
няя тузлуки (: кожаные мѣшки :) и
отвозятъ его по своимъ мѣстамъ. Тамъ
проколовъ тузлукъ самымъ тонкимъ ору-
діемъ, къ сдѣланной дырочкѣ приставля-
ютъ огонь, отъ чего выходящій воздухъ,
до того невидимый, зажигается и выхо-

дитъ уже огнемъ, доколѣ не испоицится, и въ семъ заключается одно изъ важнѣйшихъ ихъ жертвоприношеній. Для доказательства сего взяли они тузлукъ, завязанный крѣпко съ одного конца, другимъ приставили къ одному изъ отверстій, или щели. Какъ скоро тузлукъ наполнился воздухомъ, тогда завязавъ и другой конецъ, проткнули его иглою и подожгли. Послѣ чего во все изъ непримѣтнаго отверстія, началъ выходить стремительно самый тонкій огонь и продолжался до тѣхъ поръ, пока неопустѣлъ тузлукъ.

Воздухъ, смѣшанной съ нефтяными и сѣрными частицами, столько здѣсь тяжелъ, что въ продолженіи 3 часовъ производимыхъ опытовъ, мы едва могли оный сносить. Жители сказывали, что свѣжій человѣкъ не болѣе можетъ пробыть у нихъ двухъ сутокъ, а если болѣе, то долженъ лишиться жизни.

Мурпаза Кули-Ханъ возвратился съ своею свитою въ городъ, а я остался на

полѣ, чтобъ дождаться сумерковъ, а между тѣмъ дать лошади отдохнуть и пощипать травы, и какъ обыкновенно дѣлалъ, пріѣхалъ на квартиру уже ночью.

Я на сей разъ очень былъ благодаренъ Г. С. что доставилъ мнѣ случай видѣть такую рѣдкость. Когда же въ домѣ всѣ успокоились, я занялся представленіемъ себѣ всего того, что относилось къ пребыванію моему у Г. С. Обѣщанія его доселѣ не слыханныхъ мною благодѣяній, сдѣланныя первоначально въ Кизлярѣ и толико обольстившія меня и добродушнаго Кизлярскаго Священника, повторенныя еще въ Дербентѣ, когда Дадашъ Стефанъ предлагалъ мнѣ всевозможное для меня счастіе; въ Гуртъ-Булагѣ, когда былъ онъ заарестованъ, и гдѣ для него опказался я Иракліеву послу, Сигнахскому Армянину, отъ Священства, отъ женидьбы на дочери перваго тамошняго Гражданина Доктора Матеоса, отъ богатаго приданаго, дохода и общаго отъ нихъ ко мнѣ уваженія, и послѣднія въ Персага-

тѣ, когда получилъ отъ Матеоса пригласительныя письма и имѣлъ всѣ возможности послѣдовать за предстоявшимъ мнѣ вѣрнымъ счастіемъ; по томъ приводилъ на память мое къ нему усердіе, вѣрность, самые тяжкіе труды, всѣ нужды, стѣсненія, и смѣю сказать необыкновенное терпѣніе въ перенесеніи собственно отъ него всего того, что только можетъ назваться тягостнѣйшимъ въ жизни, и на послѣдокъ невниманіе, и можно сказать, сверхъ естественная нечувствительность его ко всему оному. Благосклонные читатели мои кажется могутъ быть увѣрены, что съ нѣкотораго времени не слѣпая и безумная надежда управляла моими поступками и заставляла столько терпѣть, — но главнѣйшее сего основаніе было священное ученіе, что въ терпѣніи должно стяжать душу свою и что терпѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ все. — Я признаюсь что по простотѣ моей и природному разположенію сердца, я только не умѣлъ полагать оному мѣру, то есть, чтобъ научаться изъ протедшаго и су-

дить по настоящему о будущемъ. Наконецъ обращаясь къ послѣднему положенію моему, я видѣлъ ясно, что Г. С. обременяя меня новыми трудами какъ и прежде, незаботился о томъ, что я терплю, и особенно по тогдашнему холодному времяни, самыя мучительныя изнуренія, не имѣя ни обуви, ни одежды, не получая отъ него ничего на пропитаніе, и что я можетъ быть умираю съ голоду. — Сіи соображенія и разсужденія открыли мнѣ, что я удовлетворилъ въ полной мѣрѣ возлагаемому на человѣка терпѣнію; что ожидать отъ Г. С. чего нибудь добраго есть совершенное безуміе, въ которомъ я кажется неоправдался бы и предъ самимъ Богомъ, не смотря на невинную простоту сердца моего, и что оставаться далѣе въ недѣятельности и не вниманіи къ собственной пользѣ слѣпотствующимъ, будетъ значить собственное произволеніе къ полученію себѣ зла, очевидно предстоящаго. И такъ не отлагая въ даль, рѣшился на утро же его оставить. Вступленіе мое началъ съ уговора и обѣщаній

сдѣланныхъ имъ первоначально въ Кизлярѣ и повторенныхъ нѣсколько разъ, потомъ напомнилъ ему о моей службѣ, трудахъ, бѣдствіяхъ, пожертвованіяхъ для него моимъ благополучіемъ тогда, какъ онъ былъ оставленъ всѣми; наконецъ поведѣніе его противу меня, что онъ вмѣсто записанія въ службу, употребилъ меня на собственныя услуги, что я отъ перваго до послѣдняго дня бытности моей у него, не получилъ отъ него ни одного куска хлѣба, износилъ свое собственное платье и обувь; оспаюсь нагъ, босъ, и не имѣю на него болѣе ни какой надежды, и для того прошу его отпустить меня; надеясь съ помощію Божіею найти себѣ пристанище прежде, нежели Россійскія войска со всѣмъ отсюда выйдутъ. — Г. С. слушалъ меня казалось со вниманіемъ, но какъ говоренное мною было ему извѣстно, то въ самомъ дѣлѣ занимался онъ придумываніемъ, какъ обойтись со мною чтобы меня удержать, и по видимому не нашелъ ничего лучшаго, какъ прибѣг-

нуть къ обыкновенной своей уловкѣ. Онъ измѣнивъ свое лицо, старался по прежнему меня увѣрить, что я ошибаюсь, думая такъ худо о будущемъ моемъ блаженствѣ, которое онъ доставитъ мнѣ по пріѣздѣ въ Россію, и между тѣмъ требовалъ моего терпѣнія. Но чѣмъ болѣе смягчалъ онъ тонъ свой и чѣмъ болѣе казался благоразположеннымъ, тѣмъ менѣе имѣлъ я терпѣнія его слушать, удивляясь его лицемѣрію и хладнокровному безсовѣстію, съ какимъ онъ хотѣлъ увѣрить меня въ противномъ, что я ощущалъ всѣмъ моимъ тѣломъ и душою. — Нѣтъ, господинъ мой! отвѣчалъ я, немогу болѣе имѣть вѣры къ твоимъ словамъ и полагаться на обѣщанія, которыя никогда небудутъ исполнены. — Какъ ты можешь думать и говорить мнѣ, что будто я неисполню, или немогу исполнить моихъ обѣщаній, возразилъ мнѣ Г. С. съ сердцемъ, обижаясь моимъ заключеніемъ, какъ бы несправедливымъ. Ъ отвѣтъ по чему не могу болѣе ему вѣрить, я повторилъ ему тоже, что за всю мою

службу никогда невидалъ отъ него ничего кромѣ бѣдствій, голода, наготы и ругательствъ, присовокупя въ заключеніе, что я съ давняго уже времяни примѣчаю за каждымъ его шагомъ и немогу ошибаться въ его свойствахъ, которыя столько же знаю хорошо, какъ и то, что у меня нѣтъ теперь никакой одежды, кромѣ висящихъ лоскутковъ худаго тулупа, что хожу босикомъ и умираю съ голода на стени, смотря за его лошадью, которой онъ также жалѣетъ купить корма; и напослѣдокъ указывая на брата его, который по предваритѣльному отъ меня извѣщенію, находясь при семъ разговорѣ, слушалъ насъ, я въ безмолвіи, сказалъ: да и что можешъ ты господинъ мой сдѣлать добраго чужому человѣку, когда сему старику, родному своему брату, который, какъ онъ говоритъ, воспиталъ тебя отъ младенчества до совершенныхъ лѣтъ, какъ своего сына, и у котораго ты промоталъ препорученой имъ тебѣ капиталъ и за всѣ его благодѣянія отказалъ ему нынѣ даже въ кускѣ хлѣба, и сверьхъ того, обезчестилъ предъ

всею арміею, разказывая что даешъ ему по 1000 руб. на годъ пенсіона, и что онъ пьяница, негодной и разпутной человѣкъ. Сіи послѣднія слова, и то, что неможетъ болѣе продолжать надо мною безчеловѣчныхъ своихъ обмановъ, взбѣсили его до крайности. Осыпая меня ругательствами, кричалъ, поди, чортъ съ тобою, куда хочешъ, ты мнѣ болѣе надобенъ. Нѣтъ, господинъ мой! Я немогу отойти отъ тебя безъ ничего. Ты видишъ, что у меня нѣтъ никакой одежды и обуви. Холодное время и тяжелой морской веперъ, пробиваютъ даже мою внутренность, и я безъ нужной помощи могу скоро погибнуть. Я прошу изъ всѣхъ твоихъ обѣщаній за мою службу и горести, и за то, что кромѣ одного худаго твоего тулупа, я насилъ все свое, и неполучалъ ни одной копѣйки жалованья, сдѣлать мнѣ одну милость, купить мнѣ какое нибудь платье и дать нѣсколько денегъ, чтобъ я могъ имѣть пропитаніе, пока сыщу себѣ какое нибудь пристанище. Нѣтъ тебѣ ничего, пошолъ вонъ, и не

смѣй никогда сюда притти, кричалъ мнѣ на то, Г. С. по томъ вошелъ къ хозяевамъ и требовалъ, чтобъ меня, какъ негодяя приказали выполкать изъ дома. — Они несмѣли его огорчить, онъ былъ въ мундирѣ, а я въ рубищѣ, и такъ хозяйской слуга вывелъ меня, шепнувъ, чтобъ я подождалъ его въ назначенномъ мѣстѣ, куда, спустя полчаса, пришелъ ко мнѣ хозяйкинъ сынъ, принесъ кое чего для моего обѣда, и сказалъ, чтобъ я вечеромъ прищелъ тихонько ночевать въ ихъ конюшню. Цѣлый день шатался я по улицамъ, заходилъ въ церкви, и обливался горчайшими слезами, молился Богу, чтобъ помогъ мнѣ въ бѣдственномъ и ужасномъ моемъ положеніи и далъ бы мнѣ мѣсто, гдѣ могъ бы я приклонить бѣдную мою голову. Въ утѣшеніе себя и для укрѣпленія въ терпѣніи, приводилъ на память бѣдствія великихъ людей, о коихъ только чипалъ и слыхалъ, въ томъ числѣ припомнилъ и о Царѣ Ираклiѣ, въ какомъ положеніи видѣлъ я его въ Ананурѣ — и наконецъ то чпо мы незнаемъ, могуще-

случится съ нами завтра; счастливой повержень будетъ въ бѣдствіе, а бѣдствующій обрететъ счастіе; можетъ быть и меня завтра же ожидаетъ какое нибудь благополучіе, которое подобно нечаяннымъ образомъ встрѣчалось уже мнѣ не одинъ разъ, и что гдѣ нѣтъ способа, тамъ должно употреблять терпѣніе. Когда стало темно, то по приглашенію хозяйскаго сына пришелъ я въ конюшню. Ночь была столь холодна, что я немогъ согрѣться и заснуть ни на одну минуту; нѣсколько часовъ показались мнѣ годомъ. Утромъ рано пришелъ ко мнѣ хозяйкинъ сынъ и принесъ пищу. Не смотря на мое состояніе, я занимался съ нимъ ученьемъ, пока солнышко взошло довольно высоко, и тогда вышелъ со двора, — съ надлежащею осторожностію, чтобъ не видалъ Г. С. День былъ также холоденъ, тѣло мое большею частію было обнажено, ноги также, и морской вѣтръ дѣйствовалъ на меня жестоко. Проходя улицами, въ одномъ мѣстѣ случилось мнѣ въ первой разъ видѣть здѣсь нужду и бѣдность

города, что дрова и навозъ, употребляемый для топки печей, продавали вѣсомъ. По томъ въ другомъ мѣстѣ услышалъ я въ нѣкоторомъ домѣ обыкновенную Персидскую музыку; люди безпрестанно то входили туда, то выходили. Я полюбопытствовалъ о семъ узнать и мнѣ сказали, что оный домъ называется Зор-Хана, что значитъ: сильной домъ. Вошедъ въ него, увидѣлъ я, что всякой приходящій по произволенію своему бралъ въ обѣ руки гири различной тяжести, и игралъ ими подъ тактъ музыки до совершенной усталости. — Причина таковому роду забавъ, какъ меня увѣдомили, во первыхъ та, что посредствомъ оныхъ укрѣпляются жилы и очищается кровь; а другая, что всякой испытывая силу свою, находитъ удовольствіе показывать ее предъ другими. — Пробывъ въ семъ домѣ около часа, и вышедъ изъ тепла, я тѣмъ сильнѣйшему подверженъ былъ дѣйствію холоднаго воздуха и вѣтра. — Въ ногахъ чувствовалъ нестерпимой ломъ и всю внутренность мою, такъ сказать, пере-

ломило. Выбившись совершенно изъ силъ рѣшился идти къ Г. С: просить, чтобъ онъ хотя далъ мнѣ забытую у него однимъ Персіаниномъ обыкновенную войлочную епанчу, — по счастію я засталъ его въ квартирѣ, и со всемożною убѣдительностію представляя ему крайность мою, столь ясно видимую, просилъ, чтобъ далъ мнѣ ту епанчу, упомянувъ имянно, которую оставилъ такой - то Персіанинъ. Г. С. далъ мнѣ замѣтить самымъ чувствительнымъ образомъ, сколь непріятно ему напоминаніе о способѣ пріобрѣтенія сей ничего незначущей вещи, и съ неистовствомъ осыпая меня всѣми ругательствами, забывши необходимое и должное уваженіе къ хозяевамъ, кричалъ на меня: что ты далъ мнѣ, или оставилъ у меня, что приходишъ ко мнѣ съ требованіями? развѣ я обязался тебѣ все давать (: хотя никогда ничего недалъ :); я приказалъ тебя выгнать и запретилъ сюда приходить и прочее и прочее, а въ заключеніе началъ толкать вонъ. Я неотдохнувъ еще отъ страданія минув-

шей ночи, и страшась слѣдующей, рѣшился неотставать отъ Г. С. и упавъ ему въ ноги, безпрестанно умолялъ его для самаго Бога сжалиться надомною, удовлетворить единственную мою просьбу, что я чрезъ два, или три дни возвращу ему ту епанчу, только бы нацелъ себѣ мѣсто. Г. С. видя что онъ нибранью, ни побоями отъ меня неотдѣлается, принужденъ былъ вытащить епанчу, и подавая мнѣ дрожащими руками, усугубилъ свои ругательства, обременялъ меня и весь мой родъ живыхъ и мертвыхъ проклятіемъ, и именно желалъ, что бы съ сею епанчею погибли вмѣстѣ тѣло и душа моя. — На конецъ строго подтвердилъ чтобъ я непременно принесъ ее обратно чрезъ три дни, въ противномъ же случаѣ, онъ скажетъ здѣшнему Начальству и прикажетъ, чтобъ меня выгнать вонъ изъ города или бросить въ море. — Я обѣщалъ всѣ и торопился отъ него уйти, боясь, чтобъ онъ нераздумалъ и неотнялъ епанчу обратно. — Такимъ образомъ кончилась моя съ нимъ исторія,

За сіе приобретеніе, могущее защищать меня отъ холода я благодарилъ Бога отъ всей души и впредь ввѣрилъ себя его промыслу, ни о чемъ болѣе не-заботясь. Откланявшись Г. С. сошелъ съ двора, а съ наступленіемъ ночи возвратился на показанной ночлегъ. Закутавшись въ свою епанчу, (*) ту ночь спалъ я спокойно и по милости вдовы былъ сытъ.

На слѣдующій день, вышедъ со двора, думалъ пойти за городъ въ лагерь посмотрѣть тамъ большаго парада, о которомъ говорили уже нѣсколько дней. — Идучи весьма скоро и будучи погруженъ въ размышленіе о моемъ положеніи, о скоромъ выступленіи войскъ и о томъ, къ кому бы мнѣ пристать и какія употребить средства, чтобъ неостаться въ Бакѣ и попасть въ Россію, встрѣтился

(*) Остатки помянутой епанчи и до сихъ поръ у меня сохраняется со тщаніемъ въ хрустальной банкѣ, какъ вѣщъ драгоцѣннѣйшая въ памяти минувшихъ моихъ страданій.

я съ однимъ пожилыхъ лѣтъ человѣкомъ, который остановя меня и смотря съ нѣкоторымъ вниманіемъ, спросилъ по Персидскѣ: куда я тороплюсь и что за человѣки. Сей вопросъ разкрылъ въ душѣ моей всю горесть, всѣ чувствованія претерпѣваемаго мною бѣдствія, и я обливаясь слезами, отвѣчалъ ему коротко что я самой нещастной Армянинъ и бѣднѣйшій изъ всѣхъ сущихъ на земли, хожу туда и сюда, чтобы какъ нибудь провести день до ночи, прошу и ожидаю Божіей помощи. — Онъ спросилъ меня, хочу ли я пойти въ услуженіе къ одному Россійскому Маіору, человѣку очень доброму, который былъ въ отдѣльномъ большомъ корпусѣ Графа Апраксина, отправляетъ должность Казначея и находится теперь въ Бакѣ, и что онъ самъ будучи купцомъ, служилъ въ оном корпусѣ переводчикомъ, знаетъ Г. Маіора за человѣка весьма добраго и надѣется, что естьли я буду хорошо себя вести и усердно ему служить, то онъ меня неоставитъ и сдѣлаетъ мнѣ добро. Я

бросился ему въ ноги, не смотря на грязь, и просилъ для Бога, для памяти родителей его, сдѣлать мнѣ сіе благодѣяніе, и что я всѣми силами буду стараться служить сему господину. Ну, такъ пойдемъ теперь же со мною, сказалъ онъ, я тебя сей часъ къ нему отведу, — и такимъ образомъ воротился я назадъ.

Дорогою разсказалъ я ему въ коротких словахъ, какъ я попался къ Г. С. и какъ ему служилъ; описалъ поступки его со мною, всѣ обманы и съ чѣмъ отъ него отошелъ. — Пришедъ въ квартиру Г. Маіора, Армянинъ, мой благодѣтель, сказалъ ему напередъ, что привелъ ему слугу, своего земляка. Г. Б. какъ звали сего почтеннаго Маіора, выщедъ изъ своей комнаты, и взглянувъ на меня испугался. Епанча составляла единственное одѣяніе, а на ногахъ были одни лоскутки кожи. — Кого ты ко мнѣ привелъ и отку-

да взялъ ету чорную полунагую животину спросилъ онъ Армянина. — Это несчастной, но по видимому очень хоро-

ній человѣкъ, служившій у Г. С. отвѣчалъ онъ.— А! у С. сказалъ Г. Б. и улыбаясь спрашивалъ меня самаго, какъ я познакомился съ Г. С. и долго ли съ нимъ жилъ. — Я хотя понималъ все, о чемъ меня спрашивали, но не на все еще умѣлъ отвѣчать, и по тому болѣе объяснялся съ помощію Армянина, и пересказалъ ему мою исторію. — Г. Б. изъявивъ искренное сожалѣніе о бѣдствіяхъ моихъ, сказалъ: мы всѣ давно знаемъ Г. С. точно такимъ человѣкомъ, какъ ты его описываешъ, Сколько ты терпѣлъ у него зла, я постараюсь на противу того столько сдѣлать тебѣ добра. По томъ безъ всякаго моего требованія самъ опредѣлилъ мнѣ жалованье по 8 руб. серебромъ на мѣсяцъ, и требовалъ, чтобъ, я только служилъ ему также усердно и вѣрно, какъ и Г. С. — Я обѣщалъ ему отъ всего сердца и сколько достанетъ силъ моихъ Г. Б. тотчасъ приказалъ своему деньщику снять съ меня мою одежду и отдать мнѣ походное его платье. Я затрепеталъ отъ радости увидѣвъ двѣ куртки алаго и двое

шароваровъ синяго тоикаго сукна, коро-
тенькіе сапоги съ серебреными шпорами
и маленькую каску съ перомъ. Я обмылъ
грязь, меня покрывавшую, разчесалъ во-
лосы, нечесанные почти во все время
службы моей у Г. С. и одѣвшись въ наз-
наченное мнѣ платье, неузналъ самъ
себя. Мысли мои оживились и я живо чув-
ствовалъ, что изъ состоянія смерти пере-
шелъ въ состояніе жизни. — Въ новомъ
моемъ одѣяніи предсталъ я Г. Б. съ ли-
цомъ веселымъ. Замѣтивъ, сколь велика
была моя радость и восхищеніе онъ очень
былъ доволенъ, что получилъ случай до-
ставить погибавшему человѣку спасе-
ніе, и смотря на меня, сказалъ: я
дарю тебѣ обѣ пары, и естьли ты
прослужишъ мнѣ усердно, хоть одинъ
мѣсяцъ, то и еще награжду тебя.— Бу-
дучи разпроганъ добротою чувствитель-
ной души его, благорилъ его и Армянина,
какъ виновника моего благополучія, съ
радостными слезами. Г. Б. послѣ сего
назначилъ мнѣ должность камердинера и
сверхъ того, чтобъ варить для него кофе

и приготовлять трубку. Первыя свободныя минуты посвятилъ я на принесеніе Господу Богу душевной моей благодарности за спасеніе меня. Душа моя исполнена была чистѣйшей радости и благоговѣйнаго умиленія, что онъ взыскалъ меня такъ скоро и оправдалъ вѣру мою на его промыслъ и милосердіе. Азъ! усну и спахъ и возстану, яко Господь заступитъ мя, говорилъ я въ утѣшеніе себя, а теперь воєклицаю въ день скорби моей воззвахъ къ нему и услышалъ мя отъ горы святыя своея.

Въ продолженіи 8 дней до выѣзда изъ Баки, когда я былъ посылаемъ отъ Г. Б. по разнымъ надобностямъ и ходилъ по городу, многіе смотря на меня удивлялись и невѣрили, чтобъ я въ такомъ нарядѣ былъ тотъ самый, который прежде ходилъ почти обнаженнымъ и просилъ милостыню. Меня останавливали и спрашивали, что я точно ли тотъ самой, который жилъ у Г. С. подтверждая сіе и увѣдомляя что нахожусь у Г.

Б. разсказывалъ имъ о милосердіи и человѣколюбіи новаго моего господина. Судя по наряду моему, нѣкоторые изъ Армянъ заключали, что я даже получилъ офицерской чинъ. Напослѣдокъ дни въ два, счастливая перемена со мною, сдѣлалась извѣстною всѣмъ Бакинскимъ Армянамъ, которые изъ того приняли весьма непріятныя на счетъ С. мысли. Я же съ моей стороны, какъ въ самый первый день, такъ и въ послѣдующіе, когда только выходилъ со двора, нарочно проходилъ мимо его квартиры и останавливаясь противъ оконъ его разговаривалъ съ проходящими такъ, чтобъ онъ меня замѣтилъ, а нѣсколько разъ встрѣчался съ нимъ на улицѣ. Армянѣ и многіе изъ офицеровъ послѣ сего укоряли его худыми и несправедливыми со мною поступками, указывали на благодѣтельность Г. Б.; укоризны сіи были столько же для него жестоки сколько справедливы. Но онъ на семъ неостановился и вмѣсто того чтобъ предохранить себя впредь отъ дальнѣйшаго обремененія совѣсти свой

столь чёрными дѣлами, рѣшился употребить всѣ средства чтобъ какъ нибудь лишить меня настоящаго щастія, и для того въ одинъ день послѣ обѣда, безъ сомнѣнія узнавъ чшо меня небыло дома, пришелъ къ Г. Б. — подъ видомъ его посѣщенія, думая на вѣрное что Г. Б. будетъ у него обо мнѣ спрашивать. Онъ въ семъ неошибся и ожидаемый вопросъ послѣдовалъ тотъ часъ послѣ первыхъ обыкновенныхъ привѣтствій. — Почему вы Г. С. шакъ держали и отпустили бывшаго вашего слугу? — Отвѣтъ началъ возклицаніемъ: Ахъ! вы незнаете, чего этотъ негодяй мнѣ стоитъ; я еще въ Ериванѣ малолѣтнаго отдалъ его въ Араратское большое училище; (: гдѣ онъ ни когда небылъ;) за ученіе и воспитаніе его платилъ нѣсколько лѣтъ; онъ обязанъ мнѣ всѣмъ, что только знаетъ; а сверхъ того бѣднымъ его родителямъ далъ 300 руб. серебромъ для поправленія ихъ состоянія, за что они отдали его мнѣ въ полную власть, какъ подданнаго и поручили моему покровительству. Но онъ забывъ всѣ мои

благодѣяній, вмѣсто благодарности, безпрестанно дѣлалъ мнѣ самые несносные огорченія, такъ что я потерявши терпѣніе, принужденъ былъ его отъ себя прогнать. — Это такой мерзавецъ, что я невидалъ ему подобнаго, и сожалѣю, что вы приняли его къ себѣ. Увѣряю васъ, Г. Б. что онъ и съ вами будетъ дѣлать тоже, что дѣлалъ со мною. — Какъ Г. Б. такъ и прочимъ офицерамъ у него на тотъ разъ случившимся было весьма примѣтно, что С. за тѣмъ только и приходилъ: ибо проговоря столь нелѣпую и злобную клевету, сталъ откланиваться. Г. Б. просилъ его, чтобъ подождалъ моего прихода и при мнѣ повторилъ бы свои слова, что онъ желаетъ непремѣнно увѣриться въ томъ съ лица на лицо и нехочетъ держать у себя столь худаго человѣка; но Г. С. отговорился недосугомъ и спѣшилъ выдти. Тогда Г. Б. и прочіе въ слѣдъ ему кричали: теперь знаемъ Г. С. чего тебѣ хотѣлось; знаемъ, что ты обманщикъ и злой человѣкъ и прочее. Я возвратясь, по выходѣ Г. С. неболѣе какъ

чрезъ четверть часа, и услышалъ отъ гостей Г. Б. всѣ новости, которыя пересказали они мнѣ съ хохотомъ и различными насмѣшками на счетъ Г. С. Выслушавъ сіе, я немогъ не пожалѣть о Г. С. какъ о моемъ ближнемъ, видя докакой степени доходитъ злость и мщеніе людей: ибо здѣсь Г. С. хотѣлъ лишить меня даже того, что я получилъ, такъ сказать, изъ рукъ самаго Бога.

Читатели можетъ быть подумаютъ, что я въ разсужденіи Г. С. многое здѣсь прибавилъ; но я смѣю на противъ увѣрить и клянусь совѣстію Христіанина, что въ описаніи поступковъ его со мною, я объяснился съ крайнею и всевозможною умѣренностію. Справедливость сего подтвердятъ всѣ, какъ Россійскіе чиновники съ нимъ служившіе, непокмо въ Арміи но и въ другихъ должностяхъ прежде и послѣ похода, такъ и многіе изъ Армянъ люди почтенные, которые только его знаютъ. Дай Богъ и я истинно желаю ему отъ всего сердца, чтобъ сіе умереннѣйшее опи-

саніе поступковъ его, обнаруживающихъ душевныя его качества, послужили ему вмѣсто зеркала, въ которомъ онъ увидѣвъ себя могъ бы обратить вниманіе на нещастное состояніе души своей и убѣдиться тою неоприцаемою и священною истинною; что за предѣлами здѣшней жизни ожидаетъ насъ строгій судъ, на которомъ къ изобличенію нашему увидимъ изочтенными нетокмо дѣла, но и всякой праздной глаголъ нашъ. Буде же сіе нездѣлаетъ въ немъ никакой лучшей перемѣны, такъ по крайней мѣрѣ пусть это послужитъ мѣрою осторожности для другихъ, кои Г. С. еще незнаютъ, и слѣдовательно, особливо при отличномъ мастерствѣ его притворяться, могутъ обманутьсяся въ немъ иногда самымъ горестнымъ образомъ.

Между тѣмъ Главнокомандующій получилъ повелѣніе возвратить Армію въ предѣлы Россіи, и въ слѣдствіе сего стали приготовляться къ походу. При Арміи остались только полковыя орудія,

а главная артиллерія была уже погружена на суда и отправлена моремъ. Главнокомандующій при семъ случаѣ, въ виду безчисленнаго множества зрителей, самъ спрашивалъ почти у каждаго солдата: неимѣютъ ли они на него какого неудовольствія? Но въ отвѣтъ всѣ солдаты въ одинъ голосъ кричали ему, что они почитаютъ его своимъ отцомъ, что во вѣкъ незабудутъ любви его къ нимъ и будутъ благословлять имя его и пр. и пр. Начальникъ сей и въ самомъ дѣлѣ, разставался съ войсками какъ нѣжнѣйшій отецъ съ своими дѣтьми, и сія сцена тронула всѣхъ до глубины души. Небыло почти ни одного, который бы не плакалъ. Со всѣхъ сторонъ солдаты рыдая кричали: прощай отецъ нашъ и осыпали Графа всѣми благословеніями отъ чистаго сердца, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ безпрерывно; по томъ въ честь его выстрѣлили по нѣскольку патроновъ. Великодушной, чувствительной Графъ, — по совершенной добротѣ души и несравненной нѣжности сердца своего един-

ственный, былъ столь разтроганъ любовію и привязанностію къ нему войска, что немогъ также удержаться отъ слезъ, которые можетъ быть противъ волиего падали обильно на благодарную грудь его.

Отъ фронта Графъ прямо поѣхалъ къ морю, и отправился съ своею супругою на яхтѣ. Войско пошло берегомъ подорогѣ Алпе-Агачь называемой, (что значитъ шестъ деревъ) мимо Гуртъ-Булахъ чрезъ Кубу на Дербентъ. Г. Б. изъ пожитковъ своихъ оставилъ при себѣ только самое нужное, а прочее послалъ съ деньщикомъ при войскѣ въ общемъ обозѣ. Сами же мы на 24 пушечномъ фрегатѣ отправились моремъ. На другой день Г. Б., по согласію съ начальникомъ фрегата, съ которымъ онъ такъ какъ и прочіе чиновники имѣли столъ вмѣстѣ, опредѣлилъ мнѣ имѣть пищу въ артели матросовъ въ равной съ ними часѣти, заплативъ слѣдующіе за сіе деньги. — Не привыкши къ мореплаванію, я тотчасъ началъ въ здоровьѣ разстроиваться, ибо

кромѣ одного хлѣба, да и то весьма мало, немогъ ничего ѣсть употребляя до сего времени всегда чистую и пріятную ключевую воду, хотя впрочемъ часто случалось быть голоднымъ, немогъ также пить корабельной воды по тому, что будучи налипа въ винныя бочки, имѣла для меня вкусъ отвратительной. На 4 й день нашего по морю плаванія, Г. Б. приметя крайнее мое изнеможеніе, оказалъ ко мнѣ совершенно отеческое состраданіе и чувствительную заботливость. Онъ упросилъ Капитана, чтобъ мнѣ давать кушанье отъ ихъ стола, которымъ я и пользовался. — Днемъ было довольно весело; всякой занимался по своему, но ночь для всѣхъ была тягостною и опасною. — Г. Капитанъ для шутки указавъ на одного матроса изъ Молдаванъ, сказалъ всѣмъ, что благополучнаго вѣтра надобно ожидать по его губамъ, которые предъ тѣмъ всегда синѣютъ. По сему многіе садясь около Молдавана, безпрестанно смотрѣли ему на губы, что довольно составляло смѣшную сцену. Однако, хотя

сказанная Капитаномъ примѣта подала поводъ къ шуткамъ и смѣху, но вышла справедлива, и на первой разъ удивила всѣхъ, когда матросы закричали: у Молдавана посинѣли губы., и бросились поднимать паруса. Всѣ бросились смотрѣть на Молдавана, у котораго точно по словамъ Капитана губы посинѣли очень примѣтно, и въ самомъ дѣлѣ чрезъ нѣсколько минутъ началъ дуть попутной вѣтръ. — Послѣ сего губы Малдавана для всѣхъ служили возвѣщательнымъ знакомъ. Между тѣмъ морской воздухъ и качка столько меня утомили, что я совершенно сдѣлался боленъ, немогъ употреблять никакой пищи и лишился почти всѣхъ силъ. На 6, или 7й день нашего плаванія сдѣлалась буря съ громомъ, я лежалъ почти безъ памяти на кормѣ въ углу. Волны безпрестанно меня обливали, но я весьма мало сіе чувствовалъ. На послѣдокъ одинъ человѣкъ подошелъ ко мнѣ и поднимая меня сказалъ: встань другъ и молись Богу, мы погибаемъ; ежели еще четверть часа продолжится буря, фрегатъ или разобьется

о камни, или потонетъ. Несмотря навсю мою слабость и получувственное состоянie, слова сiи сдѣлали на меня сильное впечатлѣнiе и будто разбудили мои силы. Вставъ, увидѣлъ я первый еще разъ неизбѣжную смерть въ толикихъ ея ужасахъ. Время было почти около 4 или 5 часа по полудни, но представляло весьма темныя сумерки. Фрегатъ нашъ то споялъ на высокой горѣ, то повергался въ бѣздну, и часто сильными порывами ужасной бури склонялся на бокъ такъ, что мачты касались водѣ. Каждое мгновенiе мы ожидали, что фрегатъ или покроется висящими надъ нимъ горами, или погрузится въ бѣзднѣ. Еще до меня пробовали бросать якорь, но опустивъ конатъ слишкомъ на 40 сажень, недостали дна, и фрегатъ пущенъ былъ на волю Божiю. Матросы и весь экипажъ совершенно отчаялись. Всѣ прощались другъ съ другомъ, исповѣдывались и всякой предваритeльно искалъ средства къ спасенiю. Одни взлезли на мачты, другiе приготовляли доску и кто что могъ найти.

Между тѣмъ всѣ усердно молились Господу Богу объ оттущеніи грѣховъ своихъ и о спасеніи и призывали въ помощь великаго угодника Его свитителя Николая. — Въ таковыхъ то случаяхъ испытуетъ всесильный Богъ вѣру рабовъ своихъ.

Послѣ сего буря продолжалась еще болѣе получаса съ равною жестокостію; Капитанъ фрегата, хотя первый возвѣстилъ опасность и чувствовалъ ее, какъ и всѣ прочіе, но повелѣвалъ и дѣйствовалъ съ неутомимостію. На послѣдокъ примѣтили, что вѣтръ началъ ослабѣвать; вдругъ вскрикнули всѣ, слава Богу! слава Богу! и можно сказать что мы въ одно мгновеніе отъ смерти перешли къ жизни, всѣ предались живѣйшей радости, со слезами благодарили Господа Бога за спасеніе и другъ друга обнимали. Не прошло часа, какъ буря совершенно утихла, тучи разсѣялись, воздухъ очистился и остальную часть дня провели въ веселіи. Между шѣмъ одни смотрѣли, не увидятъ ли какой нибудь птицы, какъ признакъ

близкаго разстоянія отъ земли, другіе пробовали воду, а Капитанъ фрегата смотрѣлъ въ подзорную трубку, но кромѣ неба и воды, ни чего не было примѣтно. Машросы сидя въ круговенькахъ, разсказывали о приключеніяхъ, на семъ свирѣпомъ морѣ случившихся; что въ такомъ-то мѣстѣ разбился такой-то корабль, тамъ-то потонуло такое-то судно, или прибило его къ такому то мѣсту, гдѣ непріятелями или хищниками были всѣ побиты и ограблены, и словомъ разсказами своими умножили только собственной и другихъ страхъ. — По утишеніи бури всякой считалъ себя вновь рожденными или возкресшимъ изъ мертвыхъ; но безвѣтріе и опасность дождаться подобнаго шшурма, наводила на всѣхъ уныніе. Предъ наступленіемъ же слѣдующей ночи подулъ попутный вѣтръ. Капитанъ съ веселымъ лицомъ возвѣстилъ всѣмъ, что естьли погода не перемѣнится, то къ утру надѣется доставить насъ въ отечество. — Вѣтръ сдѣлался въ скорѣ сильной; фрегатъ нашъ летѣлъ быстрѣе пти-

цы, разсѣкая пенящіяся волны, и посредствомъ шума ихъ казалось, давалъ радостной голосъ, что онъ оканчиваетъ опасное съ нами плаваніе. Никто во всю ночь не смыкалъ глазъ ни на одну секунду; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали разсвѣта, чтобъ увидѣть, какіе либо признаки приближенія нашего къ землѣ. Предъ разсвѣтомъ начали пробовать воду и по вкусу ея заключили, что мы уже не далеко отъ прѣсной воды; по томъ только что начало разсвѣтать, — какая радость!... увидѣли въ воздухѣ лепающихъ птичекъ, по томъ бѣлую воду и наконецъ усмотрѣли въ подзорную трубку острова, это былъ одинъ изъ тѣхъ острововъ, на которыхъ устроены Астраханскія рыбныя ловли. — Но недоѣзжая еще до него, увидѣли носящіяся льдины; часовые на маякѣ, стоявшіе отъ острова неболѣе какъ въ полуверстѣ и рыбаки совѣтовали, чтобъ фрегатъ по тяжести его груза и по м лкости того мѣста остановить, и далѣе нейти, сказавъ, что занѣсколько дней погибъ въ льдинахъ одинъ

купеческій корабль, шедшій изъ Гиляны съ грузомъ и со всемъ Екипажемъ. Они шакже увѣдомили насъ, что Графъ проѣхалъ за пять сутокъ прежде насъ, а два другіе судна, съ нашимъ фрегатомъ опправившіеся, за двои сутки. — Здѣсь военные чиновники нашли легкіе суда прямо до Астрахани и опправились на другіе же сутки. — Г. Б. со всѣми прочими офицерами опправились къ острову Седлисту, отстоящему отъ Астрахани, какъ сказывали въ 95 верстахъ, и доѣхали туда въ двои сутки, а въ третьи прибыли уже въ Астрахань.

Тутъ великодушный господинъ мой замѣтивъ, что здоровье мое находилось въ худомъ состояніи, просилъ хозяина дома, чтобъ приказалъ своимъ людямъ имѣть за мною смотрѣніе и доставлять мнѣ все нужное, и я чрезъ нѣсколько дней, при хорошей пищѣ, совершенномъ покоѣ и благопріятной погодѣ, выздоровелъ.

Будучи еще въ Персіи, слыхалъ я что въ Астраханѣ есть въ одной Ар-

мянской церкви такіе часы, которые бьютъ сами собою. — Это казалось мнѣ неимовѣрнымъ. При первомъ со двора выходѣ, пошелъ я искать сію церковь, и ходя довольное время около церквей, однакоже не слыша, чтобъ на которой нибудь изъ нихъ били часы, усумнился въ справедливости мнѣ говореннаго; — но на послѣдокъ проходя мимо Соборной Армянской церкви, увидѣлъ на колокольнѣ изображеніе часовъ, и вскорѣ къ великому удивленію моему услыхалъ ихъ бой. — Съ изумленіемъ загнувши голову, смотрѣлъ я на нихъ около получаса. — Одинъ изъ проходящихъ мимо меня, тамошній Армянинъ спросилъ меня по русски, что я такъ прилѣжно смотрю на колокольню. Сказавъ ему причину моего любопытства по Армянски, спросилъ его, гдѣ живетъ одинъ изъ тамошнихъ Армянъ, такой-то, бывшій въ Персіи въ Россійскомъ корпусѣ съ однимъ Астраханскимъ купцомъ. — Армянинъ смѣясь на меня говорилъ: а! это твой знакомой? пойдемъ, я тебя провожу и пройдя со мною нѣсколько улицъ,

указалъ изъ дали одинъ домъ, сказавъ, вотъ здѣсь онъ живетъ. Сей злой насмѣшникъ указалъ на домъ городской тюрьмы. Подойдя къ сему дому и видя въ окошкахъ желѣзныя решетки и нѣсколько человѣвъ въ одномъ мѣстѣ, сперва удивился; однако неосставилъ спросить и о моемъ знакомомъ, который потчасъ ко мнѣ явился къ решеткѣ. Онъ увѣдомилъ меня въ первыхъ словахъ, что сидитъ въ тюрьмѣ; по томъ безъ всякаго смущенія и съ твердою увѣрительностію говорилъ мнѣ, что онъ совершенно невиненъ, и естьли примемъ наказаніе, то это напрасно, и что тѣ, которые его до сего довели, будутъ за то отвѣчать Богу. Я замѣтилъ, что сей невинный изъ числа тѣхъ, кои чѣмъ болѣе виноваты, тѣмъ болѣе стараются не казаться таковыми; и сдѣлавъ ему въ нѣсколькихъ словахъ нужное наставленіе, чтобъ онъ, естьли не подѣлу, то по смиренію души, признавалъ себя виновнымъ предъ Богомъ и просилъ его о помилованіи и прочее, поторопился его оставить, опасаясь, чтобъ неподвергнуться чрезъ

разговоръ съ нимъ какому либо непріятному приключенію. — Оттуда прошелъ я къ рынку, гдѣ увидя вареныя раки, заключилъ и увѣрилъ себя, что это какія нибудь красильные корки. Надобно знать что хотя и есть у насъ раки, но они не въ употребленіи, слѣдовательно ихъ не варятъ, а по тому и я никогда не видалъ ихъ такъ красными, а всегда чорными. По томъ пришелъ я на торговую площадь, гдѣ тогда при спеченіи народа читался какой-то указъ. Увидѣвъ здѣсь между прочимъ книжныя лавки, тотчасъ поспѣшилъ домой узнать, какъ должно спросить ту книжку, по которой должно учиться Руской грамотѣ, и взявъ съ собою денегъ, въ тужъ минуту возвратился на площадь, взошелъ въ лавку, и безъ всякаго торга заплатилъ 20 к. — Я имѣлъ чрезвычайное желаніе учиться по Русски еще въ Арміи, но негдѣ было достать азбуки. Я столько обрадовался моей покупкѣ, что не помнилъ самаго себя, и думалъ, что я все уже имѣю. Пришедъ домой, я просилъ очень убѣдитель-

но людей нашего хозяина, чтобъ меня учить, и обѣщалъ за то имъ платить изъ моихъ порціонныхъ денегъ. Они охотно на сіе согласились и я сдѣлавши по моей должности то, что отъ меня требовалось, сидѣлъ за азбукою безпрестанно и ни куда не выходилъ со двора. — Учившіе меня удивлялись моему прилѣжанію, и тѣмъ болѣе, что я по моему состоянію платилъ имъ очень щедро; одному давалъ деньги, а другому покупалъ вино, и словомъ нещадилъ ничего. Таковое рвеніе подало однажды поводъ къ довольно продолжительному разговору съ господиномъ дома, который узнавъ объ ономъ и желая позабавиться на мой счетъ, нарочно призвалъ меня къ себѣ въ небытность Г. Б. и говорилъ для чего я сижу все дома, и нелюбопытствую видѣть и знать городъ, что для меня, какъ человѣка чужестраннаго и не свѣдущаго, необходимо; учиться же и сидѣть безпрестанно за азбукой, нѣтъ для меня никакой пользы, да и напрасно буду терять

въ томъ мои труды и время, по тому, что мнѣ уже слишкомъ 20 лѣтъ отъ роду. — Я прежде всего спросилъ его, позволитъ ли онъ мнѣ отвѣчать ему, а получивъ отъ него на то позволеніе говорилъ: „ я началъ учиться не по щоту лѣтъ моихъ, но по убѣжденію разсудка, показывающаго мнѣ видимую и совершенно необходимую въ томъ нужду для моего щастія; естьли же я буду шататься по городу и терять время токмо для пустаго любопытства и лѣности, то потеряю чрезъ то мою пользу, какую безъ сомнѣнія принесетъ мнѣ то, естьли я при помощи Божіей успѣю выучиться русской грамотѣ. Сверхъ того я читалъ, слыхалъ и самъ много разъ видѣлъ, что праздные люди нетокмо безполезны для себя, но и вредны для другихъ; не терпя никакихъ трудовъ, они предаются всякимъ разпутствамъ, и нерѣдко злодѣйствамъ.— Тяготятъ собою общества, дѣлая разныя безпокойства; похищаютъ у другихъ то, что нажито трудами ихъ въ продолженіи многихъ лѣтъ и не рѣдко цѣлой жизни,

и самый языкъ ихъ не иное что, какъ орудіе зла, смущеній и клеветы, и словомъ, что жизнь праздныхъ исполнена безчестія, а по кончинѣ, нерѣдко преслѣдуетъ ихъ проклятіе. Я же напротивъ того желаю и стараюсь посредствомъ ученія пріобрѣтать благоразуміе, быть добрымъ человѣкомъ, полезнымъ для другихъ, заслужить честное имя, и по смерти оставить по себѣ добрую память. При семъ на щотъ нерадивыхъ и незнающихъ грамотѣ, привелъ ему приличный текстъ изъ Евангелія. И такъ осмѣливаюсь спросить васъ, милостивѣйшій господинъ, продолжалъ я, чему теперь присовѣтуете мнѣ слѣдовать. А! ты видно уже много читалъ, что такъ разсуждаешъ и знаешъ священное писаніе; конечно ты христіанинъ? Сей мучительный вопросъ былъ для меня нѣсколько чувствителенъ и подалъ мнѣ смѣлость, отвѣчать на то вопросомъ же! Кто сударь по священному писанію первый исповѣдалъ, что Христосъ есть сынъ Божій? Авгаръ - Армянской Царь, продолжалъ я. — Мы имѣли и имѣемъ

также Епископовъ, Архіепископовъ и Патріарховъ; и хотя нѣсколько время Армянская нація была погружена во мракѣ идолопоклонства, но Великій Григорій паки просвѣтилъ насъ вѣрою Христіанскою, чему прошло уже болѣе полторы тысячи лѣтъ; и въ религіи нашей ничѣмъ не разнимся отъ васъ, и сохраняемъ ее твердо, не смотря на всѣ препятствія и мученія претерпѣваемыя отъ невѣрныхъ, во власти которыхъ теперь находимся. — Царство Армянское было нѣкогда въ силѣ и славѣ, и имѣло также великихъ людей; и пало только что въ 14-мъ вѣкѣ. — Когда ты хвастаешь, что Христіанинъ, то покажи, есть ли у тебя крестъ? — Нѣтъ, Милостивый Государь! я снаружи не имѣю знака, но вѣрую и исповѣдую духомъ; крестъ Спасителя нашего ношу въ сердцѣ моемъ; сохраню въ немъ печать его до моей смерти, и пойду на гласъ Господа моего, отзывающагося въ душѣ моей: „гдѣ Я, туда придутъ и исповѣдующіе меня. Сіи послѣднія слова сказавъ твердымъ голосомъ и боясь, чтобъ сей господинъ не

приказалъ наказать мою дерзость, подъ предлогомъ, не пришелъ ли мой Господинъ потчасъ отъ него вышелъ и спрятался въ чуланъ, гдѣ пробылъ часа съ два: когда Г. Б. пришелъ домой, то хозяинъ дома розсказалъ ему о моемъ съ нимъ разговорѣ, и оба смѣялись надъ тѣмъ жаромъ, съ какимъ я защищалъ мое ученіе и христіанство.— Однако я на другой же день купилъ себѣ золотой крестъ, заплативъ за него 3 рубля.

Мы пробыли въ Астрахани слишкомъ двѣ недѣли; Г. Б. крайне торопился отъ туда выѣхать, тѣмъ болѣе, что было дано повелѣніе, чтобъ возвращающіеся изъ Персидскаго похода Штабъ и Оберъ-Офицеры явились къ полкамъ, къ назначенному сроку, не останавливаясь нигдѣ. Ростовскій Драгунскій полкъ, къ которому Господинъ мой принадлежалъ, расположенъ былъ на Кавказской линіи въ Ставропольской крѣпости, куда онъ и спѣшилъ всячески выѣхать; но прежде надобно было достать мнѣ паспортъ.

Онъ спросилъ у меня, какъ зовутъ меня по отечеству, и фамиліи и бранился за тяжелое слово Аставац-Ашуръ, что значитъ Богданъ, имя моего отца, а пришедъ въ Правленіе и совсемъ оное позабылъ и написалъ мнѣ Отечество, своимъ именемъ, Ивановымъ. Мнѣ надлежало бы получить паспортъ изъ Армянскаго Магистрата, но члены онаго оказали къ тому крайнее неразположеніе, за то Г. Б. наговоривши имъ со всемъ жаромъ вспылчиваго человѣка, множество драгунскихъ привѣтствій, взялъ паспортъ отъ Губернскаго Правленія.— Я съ своей стороны также имъ замѣтилъ, что они конечно забыли, что сами ничто иное, какъ бѣглые Персидскіе подданные, какимъ они величали меня, и можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ пришли въ Россію такими же нищими какъ и я, или еще и хуже.

Изъ Астрахани выѣхали мы въ послѣднихъ числахъ Маія и проѣзжая мимо Кизляра, надобно было заѣхать въ городъ,

но насъ не пустили, показавъ на то объявленное повелѣніе; по чему и принуждены были остановиться въ ближайщей деревнѣ Каргалинка; откуда Г. Б. для исправленія нѣкоторыхъ надобностей посылалъ въ городъ козака. Отъ Астрахани до Кизляра терпѣли мы самое мучительное безпокойство отъ комаровъ. Отъ нихъ потерялъ я на сей дорогѣ шапку, которую уронивъ, не могъ опойти нѣсколькихъ саженъ по тому, что никакъ нельзя было открыть лица: ибо комары тучами лезутъ въ ноздри, глаза и уши, а по щому принужденъ былъ оставить мою шапку, можетъ быть недалѣе 10 или 20 саженъ отъ повозки. Мы пріѣхали сюда въ самый семикъ и пробыли до Воскресенья. Хороводы, пѣсни и вѣнки, доставляли мнѣ большое упѣщеніе, которое окончилось великою печалію о томъ, что у меня во время сна, сняли купленный мною въ Астрахани крестъ. Г Б. также былъ очень прискорбенъ отъ того, что предписанный срокъ явкѣ къ полку давно уже прошелъ. Отъ сего мѣста до Алек-

сандровска ѣхали мы съ великимъ спра-
хомъ, по тому болѣе, что предъ нами за
6 часовъ горскіе хищники разбили проѣз-
жающихъ и увлекли въ плѣнъ.— Въ Алек-
сандровскѣ Г. Б. къ великому прискорбію
узналъ, что полкъ изъ Ставрополя вы-
шелъ въ Торжокъ. Онъ былъ женатъ и
имѣлъ дѣтей, и хотя всѣхъ ихъ нашелъ
здоровыми и радовался сему какъ добрый
супругъ и отецъ, — но совсемъ тѣмъ
разстройка очень его огорчала, ибо онъ
былъ человѣкъ недостаточный. Надле-
жало ѣхать въ Торжокъ со всемъ семей-
ствомъ. Къ щастію полковый обозъ при-
шелъ въ Ставрополь въ тоже время. Г.
Б. изъ имущества оставилъ при себѣ
только что было необходимо и удобно
взять въ дорогу, а прочее все разпродалъ.
Между тѣмъ каждый день послѣ обѣда для
прогулки ходилъ онъ со всемъ семейст-
вомъ и гостями въ Булгакову дачу, гдѣ
въ одномъ пріятномъ мѣстѣ вытекаетъ
источникъ и здѣсь проводили время до
вечера. Г. Б. сколько ни былъ огорченъ
своими обстоятельствами, но чтобъ не-

печалить своего семейства, имѣлъ духъ притворяться совершенно веселымъ. Въ числѣ гостей былъ тамошній докторъ изъ Нѣмцовъ. Онъ вздумалъ по смѣяпься надо мною, сказавъ, что я конечно изъ Хоя, выговоривъ названіе сего города неправильнымъ образомъ. Такая неприличная шутка его и общій смѣхъ меня раздражили. Я попросилъ позволенія, чтобъ ему отвѣчать съ полною сободою, не такъ какъ слугѣ, но какъ равному ему. Докторъ согласился на сіе по тому болѣе, что согласились всѣ, примолвивъ что естьли я скажу что нибудь и грубое, то онъ приметъ это безъ обиды, по тому что будетъ говорить дуракъ. Я началъ съ того, что прежде надлежало бы ему дойти до источника значенія сего слова, и кто творецъ онаго, что слово сіе существуетъ нѣсколько тысячь лѣтъ и будетъ существовать до скончанія міра, что праведный Ной сошедши съ горы Арарата, первое мѣсто, гдѣ посадилъ виноградное дерево, назвалъ Эаркъ-Уры что значитъ *первонасажденное древо*.

По томъ поселился на другомъ, и назвалъ оное Нахичеваномъ, чпо значитъ *новое селеніе*; по томъ построилъ Майрантъ, гдѣ погребена его жена, вторая мать человѣческаго рода, и сіе сложное слово Май-рантъ значитъ:— *мать талъ*, а напослѣдокъ по размноженіи семейства своего разселилъ сыновъ и внучатъ своихъ по другимъ мѣстамъ и каждому далъ особое приличное названіе, въ томъ числѣ и городъ Хой, каковое названіе дается коноводному, или старшему барану, водящему спадо, и какъ въ тѣ времена, пакъ и нынѣ, означаетъ собственно силу и власпь; что паковыя названія вообще памошнихъ мѣспъ, даваны были самимъ Ноемъ и тѣмъ языкомъ, коимъ говорилъ общій нашъ праопецъ, и коимъ говоримъ мы Армяне, какъ попомки его и непремѣнные жипели Араратской страны, впрочемъ онъ по своему языку, разсудку и просвѣщенію, можетъ теперь смѣяпься какъ хочетъ; но я знаю, что честные люди паковыхъ насмѣшекъ всегда избѣгаютъ а попому я прошу его опъ

нихъ меня избавить и не накладывать на мои плеча сего тяжелаго бремени, ибо я и безъ того занятъ довольно моею должностію и не за тѣмъ тутъ нахожусь, чтобъ слушать его насмѣшки, и ему на нихъ отвѣчать; если же слова мои ему непріятны, то онъ самъ въ томъ виноватъ, позволивъ мнѣ говорить ему все. Мои хозяева и прочіе гости хлопая въ ладоши со смѣхомъ кричали мнѣ: правда,— правда, — а я рѣшился лучше отъ нихъ уйти и пошелъ домой.

Послѣ сего чрезъ два дни Г. Б. съ своимъ семействомъ выѣхалъ изъ Ставрополя. Какъ человѣку военному и походному, ему скучны были тяжелые семейственные сборы, сколько по хлопотливости, а болѣе того по издержкамъ, кои по состоянію его довольно были для него тягостны. — Деньщикъ, крѣпостный его мужикъ и я искренне раздѣляли съ нимъ неудовольствіе его. Въ обозѣ нашемъ была карета, въ которой ѣхалъ Г. Б. съ своею женою и дѣтьми и компаніонкою;

фура съ пожитками, и повозка, въ которой сидѣла крѣпостная баба съ тремя дѣтьми. — Отъ Ставрополя до Черкеска я, деньщикъ и мужикъ претерпѣли много безпокойства; днемъ томилъ ужасный зной; а ночь должно было посмѣнно караулить: одному при обозѣ, другому при лошадяхъ, а третьему быть при Господинѣ; не дремать и быть готову на первый вопросъ. Сверхъ того вообще всѣ подвержены были страху отъ набѣговъ Горцовъ; Цыгане, шатавшіеся тамъ во множествѣ большими партіями, неменѣе были опасны. Они могли напасть, ограбить и даже умертвить. Однако благодаря Бога мы имѣли одно только приключеніе на канунѣ пріѣзда въ Черкаскъ, которое было вмѣстѣ и огорчительно и смѣшно. Мы обыкновенно останавлялись на ночь на степи; лошади между тѣмъ отдыхали и щипали траву, и въ послѣднюю ночь я находился при нихъ караульнымъ. Я неспалъ нѣсколько сутокъ сряду, и при безмѣрной усталости нельзя было незадремать; но только что сомкнулъ глаза,

какъ услышалъ небольшой топотъ, и увидѣлъ, что Цыгане, стоявшіе отъ насъ недалеко, увели у меня одну лошадь. Забывая собственную опасность и что для одной, оставляю на расхищеніе двѣнадцать, крича по Персидски *Харай*, тоже что по Руски караулъ, побѣжалъ за Цыганами, съ тѣмъ, чтобъ по крайней мѣрѣ замѣтить палатку, къ которой пристанутъ, — но исполнивъ мое намѣреніе, тотъ часъ увидѣлъ неосторожность свою, что со мной можетъ послѣдовать худо, и что прочія лошади между тѣмъ могутъ быть всѣ уведены, бросился опрометью назадъ, и щиталъ себя очень щастливымъ, что неслучилось ни того, ни другаго. На утро лишь только Г. Б. вышелъ изъ кареты, я отрапортовалъ ему о семъ похищеніи. — Онъ огорчась до крайности, тотчасъ пошелъ со мною къ палаткамъ сихъ всесвѣтныхъ мошенниковъ, и осыпая ихъ ругательствами и угрозами, укорялъ гнусностію образа ихъ жизни, что они служатъ омерзеніемъ всему человѣческому роду и имѣлъ даже терпѣніе принять на

себя съ лишкомъ напрасный трудъ: совѣтовать имъ, чтобъ они старались исправиться и не подвергать дѣтей своихъ такому же жребію, какой несутъ сами, не зная того, что жребій ихъ кажется имъ весьма пріятенъ, и лучшимъ всѣхъ на свѣтѣ жребіевъ, и что они не пожелаютъ жить ни въ какихъ черпогахъ, лишь бы имѣть свободу скитаться по всему свѣту, и что обманъ есть собственно принадлежащее имъ ремесло. — Цыгане съ начала запирались, по томъ окруживъ насъ, человѣкъ до 50, всѣ протянули руки и каждый кричалъ, вотъ смотри мою руку, я не укралъ. Г. Б. приходилъ еще въ большее огорченіе отъ сей наглой насмѣшки, а я вѣрно бы до сыта насмѣялся, естьли бы не видѣлъ того, что мы въ такой необузданной толпѣ недалеко отъ опасности. Г. Б. принужденъ былъ показать имъ на саблю и угрожалъ, что естьли не отдадутъ лошади, то они неуспѣютъ никуда укрыться, и что ихъ переловятъ; болѣе же всего подѣйствовала надъ нимъ строгость Правитель-

ства, какъ скоро оная поставлена имъ была въ виду. Тогда старшіе закричали. Вчерась сударь поймали у насъ одну лошадь. Посмоприте, естьли она ваша, то извольте взять, и хоть всѣхъ пересмоприте лошадей. Г. Б.— смотрѣлъ и пойманную и другихъ, но не могъ узнать и хотѣлъ идти прочь; но я подошедъ къ показываемой лошади, примѣтилъ, что шерсть ея нарочно вымарана, грива и хвостъ окрашены и что она надута и попому казалась жирною. Воротя Г. Б. я увѣрилъ его, что эта точно наша лошадь, и показалъ ему Цыганской обманъ. Онъ опять принялся ругать ихъ и охотно бы побилъ, естьли бы могъ сладить со всею толпою. Взявъ нашу лошадь, воротились къ своему обозу, а Цыгане провожая насъ со смѣхомъ, кричали: чтожъ Господинъ, вы смотрѣли намъ на руки и лошадь нашлась, пожалуйте на водку. Къ вечеру того дня пріѣхали мы къ Дону и переправились въ городъ. До сего мѣста я отправлялъ должность форейтера, деньщикъ кучера, а мужикъ сидѣлъ на фурѣ.—

Не зная вовсе, что на время водополья и большой послѣ того грязи, въ Черкаскѣ есть высокая деревянная мостовая, и по которой изъ трехъ встрѣчавшихся дорогъ надлежало ѣхать, спрашивалъ деньщика, а тотъ тоже не зналъ, и такъ я не попалъ на мостовую, а на грязь и остановилъ карету. Тутъ Г. Б. при всемъ своемъ великодушіи и милостивомъ ко мнѣ разположеніи весьма порядочно наказалъ меня калмыцкою нагайкою, хотя я нимало не былъ виноватъ въ томъ, и что ему самому надлежало намъ говорить, естьли зналъ дорогу. Деньщику и мужику досталось равномѣрно, хотя послѣдній, какъ ѣхавшій съ зади и еще менѣе былъ виноватъ. Послѣ сего за неспособностію моею быть форейтеромъ, онъ перемѣстилъ меня въ должность фурмана, гдѣ надлежало мнѣ сидѣть на высоко-нагроможденныхъ сундукахъ и управлять премя сильными лошадьми. Проѣхавъ Черкаскъ и Аксай ночевали мы въ полѣ. Проѣзжая Нахичеванъ населяемый Армянами, Г. Б. опасался, чтобъ я здѣсь отъ него

не опсніалъ, и для того въ немъ не остановился. Послѣ сего чрезъ двои сутки надобно было переправляться намъ чрезъ глубокій овграгъ. Каретныя колеса отормозили, но моя сильная тройка не допустила сего сдѣлать и спуспилась въ овграгъ. Г. Б. кричалъ только мнѣ, чтобъ я крѣпче держалъ лошадей. Взглянувъ въ глубину оврага, и сидя въ такомъ положеніи, что самому надлежалодержаться, чтобъ не свалиться, я увидѣлъ тотчасъ, что на семъ мѣстѣ невозможно остаться мнѣ цѣлу; — недолго держалъ лошадей и принужденъ былъ опустя вожжи, прижаться крѣпче къ сундукамъ, чтобъ только не упасть подъ колеса. Тройка моя понеслась, и прежде всего задѣвъ карету изломала на запяткахъ ручки, потомъ спали переднія колеса, и я самъ неостался бы живъ, естьли бы они сбѣжавъ на ровное мѣсто, не останавились. — Тутъ Г. Б. опять меня побилъ и довольно крѣпко. По пріѣздѣ въ Острогорскъ видя, что онъ не можетъ скоро поспѣть къ своему мѣсту, принужденъ былъ семей-

ство свое оставишь и взявъ меня съ собою поѣхалъ на почтовыхъ. Въ тулѣ проѣзжая чрезъ рынокъ, купилъ я около 10 фунтовъ крыжовнику, считая его за послѣдній виноградъ, и заплатя 15 копѣекъ удивился, что въ Россіи виноградъ такъ дешево продается; но только что взялъ въ ротъ первую ягоду, то узналъ свою ошибку по дикому незнакомому мнѣ вкусу и тотчасъ выбросилъ всѣ ягоды тамъ же; всѣ видѣвшіе удивились моему поступку, а другіе величали меня сумасшедшимъ. — Пріѣхавъ на первую перемѣну лошадей, въ одной разкольнической деревнѣ со мною приключилось тоже, что въ Наурѣ. Когда мужики мазали колеса, я имѣлъ неосторожность на вопросъ ихъ сказать имъ, что я Армянинъ: они опустивъ ось, всѣ бросились ницъ на землю. Г. Б. вышедъ на это время къ повозкѣ, началъ меня бранить, говоря: ты опять спроказничалъ! я столько лѣтъ служилъ, да никто мнѣ не дѣлаетъ такой чести, какъ тебѣ. Я принужденъ былъ удалиться и стоять отворотя свое лице, пока

все не было исправлено. Напослѣдокъ пріѣхали въ Москву и остановились въ Царреградскомъ трактирѣ. Я удивлялся тѣмъ городамъ, чрезъ кои проѣзжали, но по пріѣздѣ въ Москву, удивленіе мое отъ огромности сего города ни съ чемъ сравнишься не могло. Пробывъ въ Москвѣ трои сутки, отправились въ Торжокъ гдѣ стоялъ полкъ Г. Б. и пріѣхали въ сей городъ, нигдѣ на дорогѣ неостанавливаясь и безъ всякихъ приключеній.

Съ начала прибытія Г. Б. къ полку онъ въ воздаяніе моихъ трудовъ и вѣрности обнадежилъ всегдашнимъ покровительствомъ, хотѣлъ записать въ свой полкъ и представлялъ съ одобреніемъ къ Г. Шефу, который такъ же обѣщался неоставлять меня своими милостями; но пріѣхавъ въ С. Петербургъ (17 Августа 1797 года) я перемѣнилъ свое намѣреніе и рѣшился остаться въ Столицѣ; ибо найдя въ ней своихъ единовѣрцовъ, увѣдомился отъ нихъ обстоятельно о пользахъ, кои пріобрѣтать могутъ и о спокойствіи

коимъ наслаждаются всѣ мнѣ подобные и не подобные пришлецы подъ благимъ покровомъ Монарховъ Россійскихъ и законовъ. — Сверхъ того красота и огромность Столицы, богатство водъ величественно текущей Невы, приводило меня въ возхищеніе. Мнѣ блеснулъ свѣтлой лучь надежды, а предчувствіе удостовѣрительнымъ голосомъ сказало мнѣ: *здѣсь обретешъ ты миръ душѣ твоей и благосостояніе*. Г. Б. такъже расположась съ семѣйствомъ на пребываніе въ Тулѣ, вознамѣрился перепроситься въ Тульскій Кавалерійскій полкъ; но вскорѣ, вмѣсто перемѣщенія, почувствовалъ слабость своего здоровья, вышелъ въ отставку; онъ уговаривалъ меня слѣдовать съ нимъ; но я, такъ сказать, обвороженный Столицею и моими надеждами, на сіе не согласился И такъ поблагодаря душевно Г. Б. за всѣ его милости и за доставленіе меня въ столь вожделенное пристанище, простился съ нимъ и съ его почтеннымъ семействомъ, пожелавъ имъ отъ всей моей души всякихъ благъ.

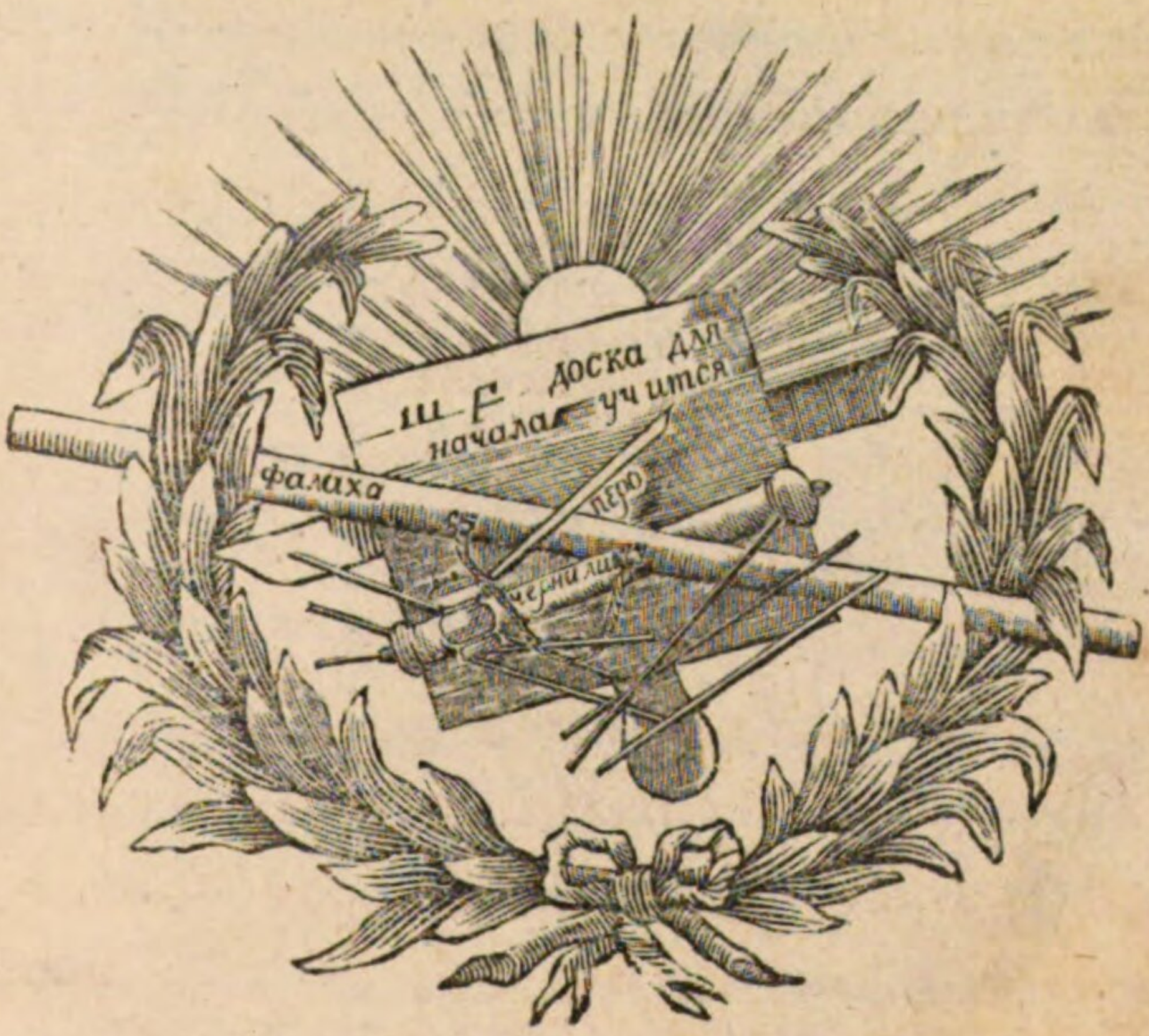
Такимъ образомъ водворилъ себя на жительство въ С. Петербургѣ; въ первые годы перенесъ много трудностей и не обошелся безъ новыхъ приключеній, хотя не слишкомъ огорчительныхъ, но весьма смѣшныхъ.

Потомъ при помощи Божіей, я устроилъ порядочной себѣ образъ жизни, и по умѣренности моей имѣю безбѣдное пропитаніе.

Наконецъ остается мнѣ торжественно сказать, что Русское Царство есть единственное, гдѣ всякой пришлецъ, Сынъ чуждой земли, можетъ найти себѣ самое блаженное пристанище и жить безъопасенія. Слава Богу, благодѣявшему мнѣ во мнозѣ, избавившему отъ изтлѣнія живопъ мой, возведшему меня отъ вратъ смертныхъ и отъ глубокихъ водъ въ необоримое ограждение Крѣпости святой Русской земли, поставившему на пространствѣ ногѣ мои и увѣнчавшему меня Милостями и Щедротами. Благодареніе и

благословеніе Русской землѣ; я буду ей вѣренъ и усерденъ до гроба! благодарю душевно всѣхъ моихъ благодѣтелей и память ихъ пребудетъ вѣчно, прощаю искренно всѣхъ моихъ гонителей и мучителей, желаю имъ отъ всего сердца; покойникамъ отпущенія грѣховъ ихъ, а живымъ содѣлатся честными и добрыми людьми.

Конецъ второй и послѣдней части.



ПОГРЕШНОСТИ:

Части первой.

стран.	*стр.*	*напечатано*	*Читай.*
16 —	15.	храмъ	харемъ
19 —	23.	канапы	Каіяне
25 —	11.	мемъ	темъ
87 —	23.	Разбойнивовъ . .	Разбойниковъ.
89 —	19.	Чезовекъ	Человѣкъ
103 —	19.	изъ Грузинъ . .	изъ Грузіи
111 —	5.	Амперъ	Ампертъ.
145 —	17.	сосуды . . ; .	посуды
193 —	3.	Садоное	Садовое

2-й Части.

31 —	7.	Мартеопа . . .	Маргтопа

R

ПОГРЕШНОСТИ:

Части первой.

стран.	*стр.*	*напечатано*	*Читай.*
16 —	15.	храмъ	харемъ
19 —	23.	канапы	Каіяне
25 —	11.	мемъ	темъ
87 —	23.	Разбойнивовъ . .	Разбойниковъ.
89 —	19.	Чезовекъ	Человѣкъ
103 —	19.	изъ Грузинъ . .	изъ Грузіи
111 —	5.	Амперъ	Ампертъ.
145 —	17.	сосуды . . ; .	посуды
193 —	3.	Садоное	Садовое

2-й Части.

31 —	7.	Маршеопа . . .	Маршгопа

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Artemij

Žizn' Artemija Araratskago uroženca selenija Vagaršapat bliz' gory Ararata

Bd.: 2

Sankt-Peterburg (1813)
Biogr. 109 k-1/2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10061829-8